

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-М

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problem of
a modern policy

POLITICAL VECTOR-M

научный журнал
№1-2/2016

ISSN 2307-5481

Учредители:

Совет молодых политологов
Российской ассоциации политической науки

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

Редакционная коллегия журнала:

Гонцов К.В.
(главный редактор)

Артёмов А.В.
(выпускающий редактор)

Кучинов А.М.
(отв. секретарь)

Гончарик А.А., к. пол. н.
Маркарян А.Г., к. соц. н.
Руденкин Д.В., к. соц. н.
Сунгуров А.Ю., д. пол. н., профессор
Трегубов Н.А., к. пол. н., доцент
Хвощев В.Е., к. филос. н., доцент

Придворова Ю.В.
(дизайн)

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,
доп. тел.: +7 (952) 528 98 86,
+7 (906) 869 63 20

email: politvek@gmail.com

web: www.morapn.ru

Формат 70x108 1/16
Усл. п. л. 12,25
Тираж - 500 экз.
Номер заказа 475/492
Цена свободная

Периодичность выхода:

2 раза в год

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР–М: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

представляет собой коммуникативную площадку будущих ученых и исследователей, а также специалистов интересующихся теорией и практикой политической науки.

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных аспектов (политического, социального, экономического, правового, духовного) жизни общества и государства.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 5-30 тыс. знаков, рецензий – 10-20 тыс. знаков, шрифт «Times New Roman» 12, интервал одинарный, форматирование по ширине.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (300-500 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, ученое звание, должность и полное название места обучения/работы, город, адрес электронной почты). Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на английском языке.

Текст статьи и вся сопровождающая информация должны быть представлены в одном файле в установленном порядке: название статьи (рус./eng), информация об авторе (рус./eng), аннотация (рус./eng), ключевые слова (рус./eng), текст статьи, библиографический список (рус./eng).

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте статьи.

При оформлении внутритекстовых, затекстовых и библиографических ссылок руководствоваться требованиями Scopus. Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещенном после текста статьи на русском и на английском языках. Англоязычная часть содержит перевод и частичную транслитерацию русскоязычных источников на английский язык. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат: порядковый номер из списка литературы, номера цитируемых страниц.

Документы принимаются в форматах doc, docx, rtf.

СОВЕТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

www.morapn.ru / vk.com/morapn / fb.com/morapn

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

www.susu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Гонцов К.В.**
Оценка конфликтогенности регионов
как инструмент измерения социально-политической
стабильности российского общества **ИССЛЕДОВАНИЕ**
-
- 13 Гирберт В.Н., Колчинская В.Ю.**
Социологический подход к анализу патриотизма
- 19 Саудабаев И.А., Русских Л.В.**
Политическая активность как особая форма
социального конфликта **НОВЫЕ
ВЕКТОРЫ**
- 25 Юдина А.С.**
Политический конструкт «Победа» в дискурсе
Президента РФ и российской действительности
-
- 33 Артемов А.В.**
Ускорение как измерение экономической повестки
в официальном дискурсе перестройки
- 43 Янцевич Г.С., Балакин В.С.**
Политико-культурная судьба «Оттепели»
- 50 Петрова Т.С., Балакин В.С.**
Государственная политика в сфере биологии
1950-х гг.: казус профессора П. М. Жуковского **ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**
- 56 Широкова Д.С., Мирошниченко М.И.**
Реабилитация или амнистия:
политические практики 1953-1962 гг.
-
- 60 Краснопёров А.Ю.**
Концептуальные основы репрезентации
политической власти в интернете
- 68 Бойко Т.Е.**
Политика заблуждений: как и зачем
дезинформируют общество **КОММУНИКА-
ТИВНОЕ ВЗАИ-
МОДЕЙСТВИЕ В
ПОЛИТИКЕ**
- 73 Квятковская Е.И.**
Трансформация информационных подразделений
в высших органах исполнительной власти Челябин-
ской области (1934-2016 гг.)

82	Куренкова К.И. Современные механизмы формирования повестки дня в государстве	
90	Квятковский К.О. Проблема определения предмета исследования дискурса политической блогосферы	КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИКЕ
96	Хорин А.А. Социальные медиа в работе органов власти как объект изучения	
<hr/>		
99	Толкачёв А.Е. Концептуальные центры: их функции, формы и роль в мировой политике	МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
104	Очеповский А.И. Некоторые проблемные аспекты перспектив развития сотрудничества в рамках БРИКС	МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
<hr/>		
112	Guerrero Pedro Canales Discurso de un historiador sobre la muerte: muerte cultural de pueblos o individuos	МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
121	Zaragoza Oscar Juárez Tiempo y moral en la filosofía de la identidad: una interpretación Deleuzeana	МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
<hr/>		
130	Осенняя сессия ФУМО «Политические науки и регионоведение»	РОССИЙСКОЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
134	Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития	РОССИЙСКОЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
<hr/>		
136	Авторские справки	АВТОРЫ

Редакция не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов.

CONTENTS

- 7 **Gontsov K.V.**
The rating of regional conflicts as a tool for measuring
the socio-political stability of the Russia society **RESEARCH**
-
- 13 **Gibert V.N., Kolchinskaya V.U.**
The sociological approach to the analysis of patriotism
- 19 **Saubdaev I.A., Russkikh L.V.**
Political activity as a special form of social conflict **THE
NEW VECTORS**
- 25 **Udina A.S.**
Political construct «Victory» in discourse of President
of Russia and Russian reality
-
- 33 **Artemov A.V.**
Uskorenie as a measure of the economic agenda in the
official discourse of perestroika
- 43 **Yantsevich G.S., Balakin V.S.**
Political and cultural destiny of «Ottepel»
- 50 **Petrova T.S., Balakin V.S.**
The soviet policy on biology 1950s:
P.M. Zhukovsky's incident **HISTORICAL
POLITOLOGY**
- 56 **Shirokova D.S., Miroshnichenko M.I.**
Rehabilitation and amnesty:
political practices 1953-1962
-
- 60 **Krasnopyorov A.Y.**
The representation of political power
in the Internet: conceptual basis
- 68 **Boiko T.E.**
Policy fallacies: how and why misinform society **COMMUNICATIVE
INTERACTION IN
POLITICS**
- 73 **Kvyatkovskaya E.I.**
The Transformation of Informational Subdivisions in
Highest Executive Agencies of Chelyabinsk Region
(1934-2016)

82	Kurenkova K.I. Modern mechanisms of the agenda in the state	
90	Kvyatkovskiy K.O. The issue of determining the research subject of political blogosphere's discourse	COMMUNICATIVE INTERACTION IN POLITICS
96	Horin A.A. Social media in the authorities as an object of study	
<hr/>		
99	Tolkachev A.E. Conceptual centers: of their function, form and role in world politics	WORLD POLICY AND INTERNA- TIONAL RELA- TIONS
104	Ochepovskiy A.I. Some problematic aspects of cooperation within BRICS	
<hr/>		
112	Guerrero Pedro Canales Discourse of a historian about the death: cultural death of nation and individuals	THE INTERNATIONAL COOPERATION
121	Zaragoza Oscar Juárez Time and moral in the philosophy of identity: a interpretation of Deleuze	
<hr/>		
130	The autumn session FEMU «Political Science and Regional Studies»	RUSSIAN POLITICAL SCIENCE COMMUNITY
134	Russia in the new political reality: strategy and development methods	
<hr/>		
136	References about the authors	AUTHORS

Editors are not responsible for the position and views of the authors.

ИССЛЕДОВАНИЕ

УДК 323, 316.4

ББК 66.3, 60.8

ОЦЕНКА КОНФЛИКТОГЕННОСТИ РЕГИОНОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Гонцов К.В.

Управление как процесс предполагает на первом этапе анализ и оценку ситуации. Данный этап особенно важен, если речь идёт о государственном управлении, так как решения, принимаемые в отношении регионов и страны, кардинальным образом сказываются на социально-политической стабильности. Автор предлагает рассмотреть анализ конфликтности регионов, как инструмент измерения социально-политической стабильности российского общества. В статье представлены данные эмпирического исследования, проходившего с февраля по сентябрь 2016 года.

Ключевые слова: конфликты, социально-политическая стабильность, мониторинг, управление, протестная активность.

Managing the process involves the first phase of analysis and assessment of the situation. This step is particularly important when it comes to public administration, since the decisions taken in relation to of regions and countries, dramatically affect the social and political stability. The author proposes to consider the analysis of conflict areas, as a tool to measure the socio-political stability of the Russian society. The article presents the data of empirical research, which took place from February to September 2016.

Keywords: patriotism, homeland, global approach, local approach.

Проведя проблемный анализ теоретических концепций стабильности, мы можем выделить конфликтологическую теорию как один из возможных подходов к изучению данного феномена. Так Л. Козер видел в конфликте стабилизирующую функцию, позволяющую системе приспособиться к изменяющимся условиям [2]. Конфликты необходимы, чтобы разрешить противоречия между отдельными людьми и социальными группами. В таком подходе та система эффективна, которая постоянно меняется и полна противоречий [1]. Представители теории конфликтов ввели динамическое понимание стабильности, а также проанализировали данный феномен в категории равновесия интересов социальных групп. Выявление конфликтов дает возможность их регулировать, а значит стабилизировать социально-политические отношения.

С февраля 2016 года совместно с исследовательским коллективом Института стратегических коммуникаций и социальных проектов осуществляется мониторинг социально-политических и экономических конфликтов в регионах РФ. Карта конфликтов формируется на основе ежедневного мониторинга федеральных и региональных СМИ, а также на основе экспертного опроса.

Оценка учитывает количество конфликтов, их качество, а также общую оценку социально-политической ситуации в регионе. Качественная оценка конфликтов достигается за счёт экспертного опроса, в рамках которого эксперты оценивают конфликты и комментируют их потенциал, а также за счёт подробного анализа фигурантов и тем (предмета) конфликтов. Всего в исследовании задействовано 172 эксперта. Также методика оценки конфликтности предполагает учёт различий регионов с помощью специального регионального коэффициента. Данный коэффициент призван в первую очередь нивелировать разницу численности населения, так как на более густо населенные территории (например, Москва) приходится большее количество конфликтов, чем на менее (например, Ненецкий автономный округ).

Исследуемый период в целом может характеризоваться как достаточно ровный, без значительных колебаний (рис. 1). Однако июня по август зафиксирована тенденция на увеличение протестной активности (с 98 до 155 случаев в месяц), в которую включены все события, имеющие форму митинга, демонстраций и пикетов. Это в первую очередь объясняется увеличением предвыборной активности политических партий, которые с помощью протестной активности мобилизуют свой электорат. Данный тезис подтверждается снижением количества протестов в сентябре (114 конфликтов, которые в основном пришлись на период до 18 сентября 2016 года).

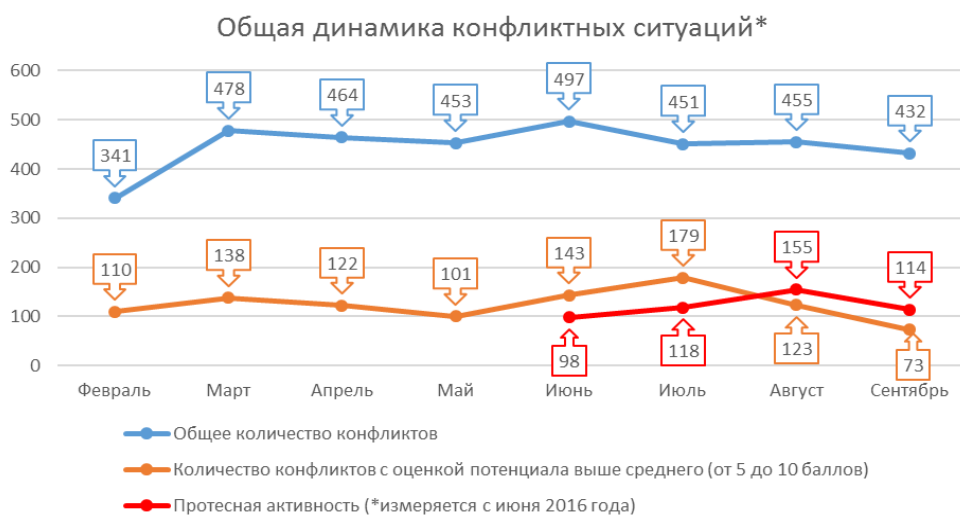

Рис. 1. Общая динамика конфликтных ситуаций

Из всех конфликтов только около 27% являются значительными и имеют оценку от пяти до десяти баллов. Таким образом, несмотря на значительное количество конфликтов, большинство из них не представляют большой угрозы для системы. Однако значительное их количество в рамках отдельных территорий гово-

рит о системных сбоях в определённых сферах жизни общества. Другими словами, диалектический закон перехода количественных изменений в качественные в нашем случае нельзя недооценивать.

Проанализировав весь массив данных (3571 конфликтов) за восемь месяцев исследования, мы выявили наиболее конфликтные и нестабильные федеральные округа (рис. 2). Среди лидеров оказались Уральский (297 баллов), Южный (216) и Дальневосточный федеральный округ (204).

Рис. 2. Среднемесячный уровень конфликтности по федеральным округам

Результаты по всем регионам Российской Федерации были разнесены по принципу «светофора» в три группы: красную, желтую и зеленую. Попадание в красную зону говорит о высоком уровне конфликтности и нестабильности региона и служит сигналом органам государственной власти для незамедлительного принятия управленческих решений в отношении данных территорий и конфликтах на них. Попадание в желтую зону свидетельствует о среднем уровне стабильности, что требует от властей заблаговременных мероприятий для решения конфликтных ситуаций. В свою очередь зеленая группа регионов характеризуется благоприятной социально-политической и экономической обстановкой.

Так, по результатам всего исследования стабильно в красной зоне оказывались 11 субъектов РФ (рис. 3). А именно 4 региона ЮФО (Волгоградская область, Краснодарский край, Республика Крым и Ростовская область), 3 субъекта УФО (Свердловская, Челябинская и Курганская области), а также Приморский край (ДФО), Республика Дагестан (СКФО), Пермский край (ПФО) и Санкт-Петербург (СЗФО). Стоит отметить, что благодаря тому, что к ежемесячным результатам исследования имели доступ органы государственной власти, неоднократно было зафиксировано резкие снижения уровня конфликтности регионов после точечных действий региональных властей.

Рис. 3. Самые конфликтогенные регионы

Результаты тематического анализа конфликтов представлены на рисунке 4. За период с июня по сентябрь наибольшее количество конфликтов зафиксировано в теме «Выборы 2016 и внутрипартийные конфликты» с характерным увеличением количества на протяжении всех четырёх месяцев по возрастающей. Отметим, что приближение выборов повлияло и на другие темы. А именно, постепенное сокращение конфликтов в трудовых отношениях (задержка зарплат и увольнения), а также резкое сокращение коррупционных скандалов. Обе темы являются управляемыми и отсутствие большого количества событий по ним, безусловно, благоприятно сказывается на информационное поле предвыборной агитации.

На рисунке 5 представлена динамика протестной активности по федеральным округам. За четыре месяца учёта количества протестов лидером стал Центральный округ (111 конфликтов). На втором и третьем месте Приволжский (81) и Южный (67) округ соответственно. В Уральском федеральном округе с июня по сентябрь зафиксировано 59 протестов, митингов и демонстраций. Стоит отметить, что простой подсчёт количества протестов по округам не является объективным показателем, на основе которого можно утверждать, что какой-то из округов более или менее нестабилен, чем другие. Данные цифры не учитывают количества субъектов и численности населения. Поэтому вполне объяснимо лидерство Центрального федерального округа.

Распределение конфликтов по темам

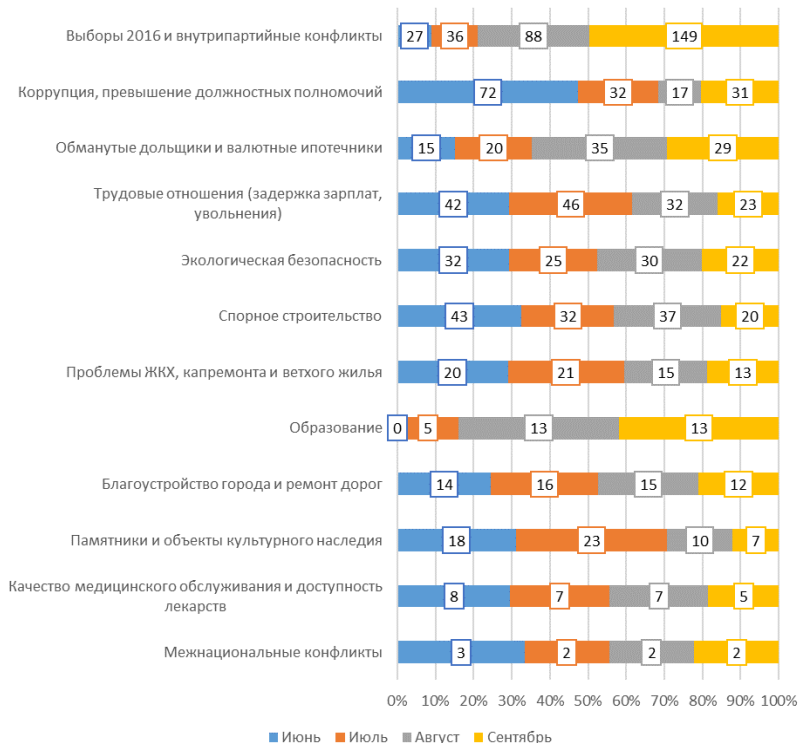

Рис. 4. Распределение конфликтов по темам

Динамика протестной активности (кол-во ед.)

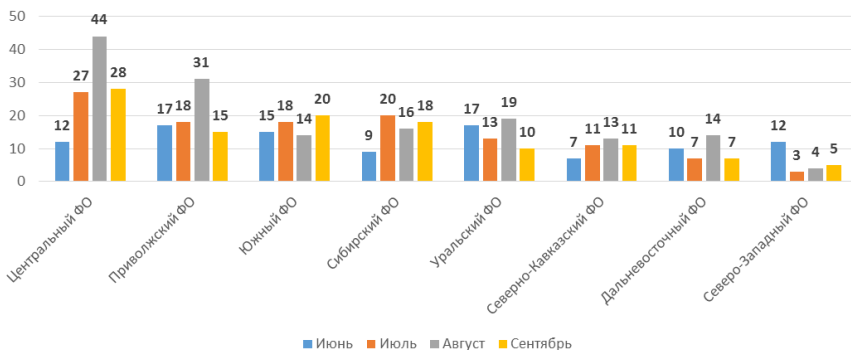

Рис. 5. Динамика протестной активности

Анализ сторон конфликтов за весь период проведения исследования даёт следующие результаты: общество, как самая большая группа занимает 1 место с 38

процентами (рис. 6). Второе место – власть (25%). На бизнес приходится 18% конфликтов. Силловые ведомства являются фигурантами конфликтов в 9% случаев. Анализ фигурантов по федеральным округам в целом демонстрирует аналогичное распределение с разницей в 1-3 процента.

Общее распределение фигурантов конфликтов с февраля по сентябрь 2016 г.

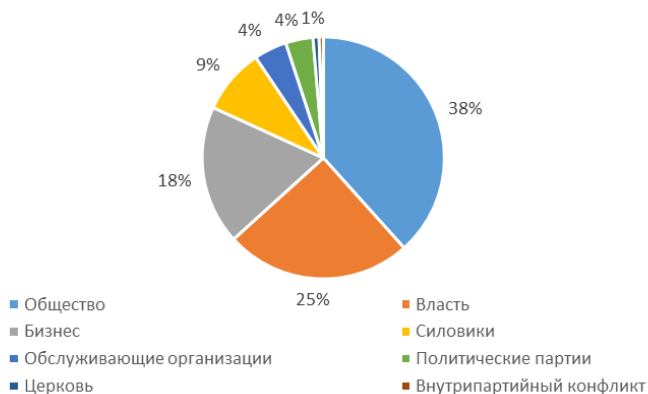

Рис. 6. Общее распределение фигурантов конфликтов с февраля по сентябрь 2016 года

Таким образом, результаты данного мониторинга, позволяют сделать вывод, что количественный и качественный анализ конфликтов в субъектах Российской Федерации может служить не только одним из способов измерения уровня социально-политической стабильности, но аналитическим продуктом, с помощью которого можно осуществлять оперативное управление конфликтами на местах, тем самым повышая или понижая уровень стабильности в регионе. Примечательно, что данный методика позволяет учесть большую часть факторов социально-политической стабильности за счёт качественного анализа конфликтов. При этом мониторинг данных конфликтов через средства массовой информации и экспертов позволяет учесть и информационный фактор.

Литература

1. Негрова, М.С. Политические аспекты стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. канд. соц. наук / М.С. Негрова. – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 38.
2. Тернер, Дж. Диалектическая теория конфликта: Ральф Дарендорф / Дж. Тернер // Конфликтология. Хрестоматия (для студентов политологических отделений и факультетов университетов). – Ростов-на-Дону, 2001.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПАТРИОТИЗМА

Гирберт В.Н., Колчинская В.Ю.

В статье проводится анализ термина патриотизм. Рассматриваются различные подходы известных авторов социологической науки, начиная с локальных подходов к пониманию содержания данного термина и заканчивая глобальными, а именно: подход «Я – Малая Родина», «Я – Государство», «Я – Страна», «Я – Мир».

Автор приходит к выводу, что в настоящее время однозначного определения патриотизма нет. По данной причине он предлагает обобщенный вариант его трактовки, где патриотизм – это преданность и любовь к своей Родине, готовность защищать ее, трудиться ей во благо, ее поддержка. Родина – это не только место рождения, это может быть семья, дом, город, государство, страна или мир, в зависимости от того какой смысл вкладывать в это слово.

Ключевые слова: патриотизм, родина, глобальный подход, локальный подход.

The author examines the different approaches of famous authors of sociology, starting with local approaches to understanding the content of this term and ending global, namely the approach of «I – The Small Homeland», «I – The State», «I – The Country», «I – The World».

The author comes to the conclusion that at present there is no unambiguous definition of patriotism. For this reason it offers a generic version of its interpretation, where patriotism - it's dedication and love for the Homeland, willingness to defend it, to work for the good of her, her support. Homeland – is not only a place of birth, it may be a family, home, city, state, country or the world.

Keywords: *patriotism, homeland, global approach, local approach.*

В настоящее время тема патриотизма достаточно актуальна. Патриотизм нашего времени неоднозначен и противоречив. С одной стороны, говорят о националистических настроениях граждан, считающих себя патриотами, с другой стороны, заходит речь о введении патриотического воспитания, говоря о преобладании антипатриотичных настроений в среде людей, ставящих главной целью защиту своего ближайшего окружения.

В данной ситуации становится важным определить содержание термина патриотизм, определить его специфику, чтобы избежать его неправильного истолкования.

С древних времен понятие патриотизм было предметом изучения различных наук. Оно имело разнообразное наполнение и понималось по-разному. В словаре С.И. Ожегова патриотизм понимался как любовь и преданность отечеству, народу, но в других словарях его трактовка отличалась. Даже в современной науке нет однозначного определения этого термина.

Для того чтобы понять сущность этого понятия, мы проанализировали работы

ученых в области социологической науки. Анализ этих трудов позволяет нам выделить несколько основных научных подходов к изучению понятия патриотизм:

1. Подход «Я – Малая Родина» – основан на чувствах, любви к родным и близким людям, эмоциональное отношение к месту рождения. Представители: А.Н. Малинкин, Е.Л. Омельченко.

2. Подход «Я – Государство» – основан на чувстве любви и преданности к государству, поддержке государственного строя, правительства, также на защите государственных принципов, политики. Представители: Дж. Кейтеб, Э. Хобсбаум.

3. Подход «Я – Страна» – основан на том, что человек, называя себя патриотом, ощущает единение себя и страны, территории, населения, общности, нации. Представители: И.А. Ильин, В.Ф. Шаповалов.

4. Подход «Я – Мир» – основан на том, что человек осознает себя «гражданином мира», ощущает единение себя и людей во всем мире ради защиты глобальных интересов. Представители: В.И. Ленин, В.П. Ситникова, Е.А. Шишкина.

Далее мы подробнее раскроем содержание данных подходов.

С точки зрения подхода «Я – Родина», патриотизм рассматривается как чувства, эмоции по отношению к Родине. Родиной здесь выступают место рождения, дом, в котором живешь, семья, друзья.

Так, российский социолог Е.Л. Омельченко утверждает, что патриотизм – это верность, эмоционально-чувственная любовь к месту рождения, но не к государству в целом. Для современного человека важно его ближнее окружение – семья, друзья [10, с. 263–270].

Патриотизм – это внутреннее пространство. Поэтому для многих Россия – это родители, друзья, одноклассники и т.д. И потому, в данном аспекте, суть патриотизма: «Люблю Россию, но ненавижу государство».

Также она выделяет такое понятие как «бытовой патриотизм», он проявляется во время государственных праздников: устраиваются демонстрации, а также вся семья собирается, устраивает застолье либо отправляется на дачу, к озеру праздновать, используя этот повод. Бытовой патриотизм – достаточно сильный аппарат воздействия, считает автор.

А.Н. Малинкин разделяет точку зрения Омельченко, считая, что любовь к Родине – «социальное чувство – общности, солидарности с родными, близкими, сопричастности к их судьбе. Родина – родные люди, место рождения, которые образуют единый жизненный мир» [9, с. 27–29].

Для Малинкина любовь к Родине – это особая форма любви, первичное чувственное проявление души и духа интимно-личностного характера. Это чувство любви вырабатывается и развивается на основе общественных отношений за счет социализации.

Любовь к Родине рождается, растет, умирает самопроизвольно. Она активирует волю к объединению, единению людей, которые любят Родину, ради активного, а в определенных ситуациях жертвенного ей служения, вследствие чего между патриотами устанавливается органическое единогласие на основе взаимного доверия, бессознательного или осознанного.

Второй подход «Я – Государство» рассматривает понятие патриотизм с точки зрения ответственности за свой политический выбор, долга, преданности государ-

ству, поддержке государственного строя, защиты государственных интересов, политики, любовь к символике государства и т.д.

Автор работы «Нации и национализм после 1780 года» Э. Хобсбаум считает патриотизм не чувством любви к родине, а политической верой, целенаправленно сформированной.

В своей работе он пишет, что национальный патриотизм, является весомым фактором для создания национального государства, он есть необычайно мощная политическая сила.

Патриотизм умышленно формируется верхами общества путем изобретения традиций. Изобретенные традиции по Хобсбауму – это «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил» [13, с. 74]. Такие традиции внедряют определенные ценности и нормы поведения.

Ученый акцентирует внимание на том, что изобретенные традиции фиктивно связаны с историческим прошлым. Иначе говоря, эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой. Изобретенные традиции есть в любых исторических эпохах, но в большей степени их появление связано с коренной трансформацией общества, во время которой мгновенно разрушаются социальные формы, связанные со старыми традициями, а взамен возникают новые, к которым старые уже не подходят [12, с. 48].

Далее Э. Хобсбаум говорит, что патриотизм стал являться мощной политической силой потому, что большинство государств используют в своих целях чувство коллективной принадлежности, которое свойственно людям органически.

Следующий представитель этого подхода Дж. Кейтеб критично относится к патриотизму. Несмотря на то, что автор понимает патриотизм как любовь к своему государству, защиту его интересов, он противопоставляет эту любовь любви к родителям. Он говорит, что родители произвели нас на свет и воспитали, поэтому мы им благодарны, но они никогда не попросят пожертвовать собой ради них, а государство этого требует, поэтому неправильно отождествлять любовь к нему и родителям [8, с. 18].

Он считает, что власти и большинство теоретиков специально сращивают чувства преданности государству и любви к семье, называя это «Родиной», чтобы люди могли беспрекословно подчиняться государству, воспринимая его как родителя. Но, как замечает автор, мы не обязаны государству, мы рождаемся свободными, поэтому за нами стоит выбор – защищать или трудиться во имя государства.

Кейтеб убежден в том, что «если бы на свете не было патриотов, мы жили бы в куда более благополучном мире, чем нынешний, где патриоты составляют подавляющее большинство» [8, с. 19].

Рассмотрим следующий подход «Я – Страна», с точки зрения него патриотизм – это сопричастность к судьбе страны, народа, единение территории. В данном случае патриот рассматривается, как человек ощущающий единение себя и страны, населения, общности.

Изучает данное понятие известный мыслитель И.А. Ильин со стороны единения нации, культуры, духа. Автор определяет патриотизм как – «духовно-творческий акт самоопределения личности и нации» [2, с. 183–190].

Он пишет, что народ и культура едины, они главные источники патриотизма, это целостный организм, живой. Природа патриотизма чувственная. Долг, признательность, честь – естественные характеристики патриотизма, они не являются обязанностью и не предписываются [1, с. 59].

Ильин в своей теории вводит термин «духовное самоопределение», в который он вкладывает суть о том, что человек самостоятелен в приобретении, познании патриотических чувств и творческом нахождении своих жизненных целей. Автор пишет, что это самоопределение индивида и общества есть цель патриотизма, оно выражается в национальном, культурном, духовном эволюционировании России [1, с. 59–60].

В работе мыслитель отмечает, что национальная самобытность – это духовная жизнь, природа, однородность каждого народа. Духовная природа делает жизнь осмысленной, объединяет людей, обосновывает патриотическое единство общества в форме права и государственности.

Однако автор выделяет особенность русских – ложный антипатриотизм, он связан с тем, что наш народ склонен к самокритике, именно поэтому он склонен ругать Родину и народ, при этом любя их. Причина этого – недоразвитое самосознание нашей нации, именно национальное самосознание, так как она рассеяна по большой площади [3, с. 240–245].

Следующий теоретик В.Ф. Шаповалов так трактует патриотизм: «любовь к своей стране, чувство органической принадлежности к ней, взаимное чувство сопринадлежности к соответствующей общности, возникающее и существующее между людьми своей страны» [14, с. 124].

Патриотизм с его точки зрения – это любовь к природе страны, к людям. Патриот заботится не только о своем ближнем окружении, а также о народе в целом, о территории [14, с. 125].

Последний подход «Я – Мир» основывается на том, что человек осознает себя «гражданином мира», ощущает единение себя и людей во всем мире ради защиты глобальных интересов, любовь к планете.

Мы рассмотрим несколько представителей данного подхода, но понимающих его с разных позиций.

Итак, первоначально такой подход был популярен с 1917 по 1930 годы в СССР, когда понятие патриотизм воспринималось в негативном свете элитой общества и массами. Необходимо было уничтожить патриотические взгляды общества, так как они мешали созданию мирового пролетарского государства. Под красивыми и справедливыми лозунгами велась политика интернационализации общества ради становления единого мира.

Одним из первых представителей этого подхода был В.И. Ленин. Он являлся участником мирового революционного движения и мыслил глобальными, геополитическими масштабами. Его СССР должен был стать союзом всех народов земного шара, всех стран, именно поэтому Ленин боролся с патриотизмом в обычном смысле слова, считал, что настоящий социалист должен принести свои патриотические чувства в жертву во имя международной революции [6, с. 213].

Патриотизм, по его мнению, это чувство, связанное с условиями жизни мелких собственников [7, с. 133].

Он называл свой патриотизм глобальным интернациональным патриотизмом, который представлял собой объединение пролетариев мира вне зависимости от национальной и государственной принадлежности [5, с. 17].

По словам мыслителя, для пролетариата важны судьбы страны только тогда, когда это касается классово-борьбы, а не из-за буржуазного патриотизма, являющегося вредным, враждебным делу мировой революции [4, с. 190].

Данный подход в современном мире снова набирает популярность, в некотором измененном состоянии. В настоящее время занимаются изучением глобального патриотизма социологи Е.А. Шишкина, В.П. Ситникова, рассматривая патриотизм как любовь к планете, объединение людей во всем мире ради защиты и охраны планеты. Они изучают данный подход не только со стороны социума, но и природной среды.

Авторы считают, что современный патриотизм, являясь элементом глобальных преобразований, неоднозначен и противоречив, как и явление глобализации.

Политика глобализации разжигает этнические конфликты за мировое господство, чем уподобляют патриотизм национализму, усиливая его политическую сторону. Но патриотизм, прежде всего, есть плод культуры.

На данный момент, современное общество переживает кризис культуры, ее духовной части, из-за чего возникает дисгармония во взаимоотношениях человека и природы. Этот кризис влечет за собой потребительское отношение к природе, истощение ее ресурсов, загрязнение среды и другие проблемы, угрожающие бытию всего живого [11, с. 222–223].

Нынешнее положение отношений общества и природы, по мнению социологов, говорит о деформации общественного сознания, которое формирует направленность поведенческих стереотипов и определяет характер неблагоприятных социоприродных тенденций. Источник противоборства природы и человека лежит в сознании общества. В сложившейся ситуации существует нужда в создании новой культуры, экологически полезной, она задает обществу курс на эмоционально-нравственные начала, где патриотизм и любовь к природному дому являются единым целым.

Локальный патриотизм, как любовь к Родине, ее природе, авторами расширяется до глобального, под которым они понимают сохранение окружающей среды, любовь к ней в рамках планеты, ведь нет локальных проблем, экологические беды распространяются по миру [11, с. 222–223].

Переосмыслив работу авторов, можно сделать такой вывод, что общество мира должно перестать конфликтовать, делить территории, должно поменять представление о мире, изменить систему ценностей, ориентированную на материальные блага, обрести глобальный патриотизм, познать гармонию мира во имя планеты.

В виду данных обстоятельств, подведем итог. В социологической науке сложилось множество подходов к определению содержания данного термина, поэтому в настоящее время в социологической науке также нет однозначного понимания патриотизма. Существуют как локальные подходы к его интерпретации, так и глобальные в трудах известных мыслителей.

Однако, несмотря на такое разнообразие определений понятия патриотизм, нам удалось обнаружить специфику данного термина, выделив новый подход, за счет объединения мыслей авторов, который мы назвали комплексным.

Патриотизм – это преданность и любовь к своей Родине, готовность защищать ее, трудиться ей во благо, ее поддержка. Родина – это не только место рождения, «дом», это может быть семья, дом, город, государство, страна или мир, в зависимости от того какой смысл вкладывать в это слово.

Литература

1. Беспалова, Т.В. Патриотизм как духовное состояние в социально-философской интерпретации И.А. Ильина / Т.В. Беспалова // *Философия права*. – 2009. – №3. – С. 59–61.
2. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 240 с.
3. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 211 с.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – Т. 17. – 656 с.
5. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 26. – 591 с.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 37. – 748 с.
7. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 38. – 580 с.
8. Лысак, И.В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд? / И.В. Лысак, И.В. Наливайченко. – Таганрог: ЮФУ, 2013. – 120 с.
9. Малинкин, А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания / А.Н. Малинкин // *Социологический журнал*. – 1999. – № 1/2. – С. 27–59.
10. Омельченко, Е.Л. Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Е.Л. Омельченко. – Ульяновский государственный университет, 2012. – С. 263–310.
11. Ситникова, В. П. Глобальный патриотизм как источник социоприродной гармонии / В.П. Ситникова, Е.А. Шишкина // *Альманах современной науки и образования*. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 4 (11). – С. 222–223.
12. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // *Вестник Евразии*. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
13. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
14. Шаповалов, В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм / В.Ф. Шаповалов // *Общественные науки и современность*. – 2008. – №1. – С. 124–132.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Саудабаев И.А, Русских Л.В.

В статье явление политической активности анализируется с точки зрения теории социального конфликта как особая форма общественных коллизий. Рассмотрены ключевые положения конфликтологического социального порядка, на основе которых строятся дальнейшие рассуждения об активности в сфере политики. Определены место, роль и специфика политической активности, а также её функциональная составляющая в парадигме социального конфликта.

Ключевые слова: *политическая активность, политическое участие, политика, социальный конфликт, конфликтология, политическая активность как социальный конфликт, функции конфликта.*

In the article the phenomenon of political activity is analyzed from the point of view of the theory of social conflict as a special form of social conflicts . Conflictological considered the key provisions of the social order , on the basis of which further arguments about the activity in the sphere of politics are being built . The place , the role and the specificity of political activity , as well as its functional component in the paradigm of social conflict.

Keywords: *political activity, political participation, politics, social conflict, conflict, political activity as a social conflict, conflict function.*

Политическая активность как социальное явление в силу своей специфики может очень удачно рассматриваться в рамках теории социального конфликта. Чтобы осуществить эту задачу, нужно ознакомиться с основными моментами и центральными понятиями конфликтологической парадигмы.

В полемике с основателем структурного функционализма – Т. Парсонсом – Р. Дарендорф утвердил самостоятельное положение конфликтологического направления в социологии. Изучение феномена социального конфликта хоть и занимало важное место ещё в трудах таких именитых ученых, как К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер, но было представлено лишь в виде отдельных тезисов и утверждений, не позволявших говорить о полноценной устоявшейся парадигме социального конфликта.

Стоит заметить, что теоретики конфликта, так же как и функционалисты, видели социальный порядок как набор взаимосвязанных структур, институтов и систем. Однако их научный интерес имел совсем другую направленность. Критика Р. Дарендорфа была направлена в первую очередь на убеждения Парсонса о том, что конфликт – социальная болезнь, которую общество должно избегать, стремясь к стабильности и структурно-функциональному равновесию всех элементов.

Картину социального порядка Р. Дарендорф изображает иными, прямо противоположными красками. Для него наличие конфликта в общественных

структурах – совершенно нормальное явление, а его отсутствие как раз болезнь или аномалия [1, с. 267].

Отметим другой важный момент, касающийся роли социального конфликта. Ещё Огюст Конт подчеркивал неразрывность социального порядка и общественного прогресса – статики и динамики. Парсонс, всесторонне описав общественную структуру – статику, не уделил должного внимания социальным трансформациям, их причинам – динамике. И вновь здесь Дарендорф, противопоставляя свою теорию структурному функционализму, делает важное замечание. По его мнению, причиной общественных изменений выступает именно социальный конфликт. В результате этих изменений формируется почва для новых противоречий, которые неизбежно перерастают в новый социальный конфликт.

Таким образом, социальный порядок Р. Дарендорфа представляется как некий замкнутый круг – конфликты, провоцируют изменения, а изменения в свою очередь вызывают новый конфликт. Более уместно будет сказать, что социальный порядок у Дарендорфа – вовсе не порядок, а череда бесконечных конфликтов: «... оказывается, что вся общественная жизнь есть постоянный конфликт» [1, с. 267].

Отметим важный момент, касающийся условий, которые определяют конфликт как коренной фактор, способствующий протеканию социальных изменений. Р. Дарендорф указывает на то, что сама по себе возможность существования конфликтов есть свобода: «... возможность конфликтовать, независимо от того, какое значение эти конфликты имеют для их участников, это уже свобода? В самом общем виде ответ: да» [2, с. 33].

Далее ученый уточняет: эта свобода конфликтовать – основополагающая предпосылка трансформаций внутри общественного порядка и развития человечества [2, с. 33].

Но свобода, запускающая процессы изменений, реализуется в полной мере лишь тогда, когда люди обладают жизненными шансами. У Дарендорфа это одно из центральных понятий, которым он пользуется при описании специфики социальных конфликтов: «... конфликты современного общества связаны именно с жизненными шансами людей. Большое количество жизненных шансов – большому числу людей – вот цель политики свободы» [2, с. 33].

Следовательно, свобода, как возможность беспрепятственного возникновения постоянных конфликтов, тем продуктивней с точки зрения социальных изменений, чем большее число субъектов общественных отношений имеет больший спектр жизненных шансов.

Теперь нужно определить место и роль интересующего нас явления – политической активности – в рамках этого перманентного конфликта. В схематичном виде политическая активность – действия субъектов политики, направленные на решение стоящих перед ними проблем и задач. То есть для акторов политических действий побудителем их активности выступают назревшие проблемы, которые нужно решить. Но какова природа этих проблем?

Очевидно, что цели и задачи политических действий определяются интересами конкретного субъекта политической деятельности. Однако круг интересов одних участников политической жизни не совпадает с намерениями и мотивами других субъектов или в целом с курсом политической системы. Тогда на стыке инте-

ресов возникают те самые противоречия или проблемы, которые стремятся решить субъекты, иницируя политическую активность.

Следовательно, явление политической активности прекрасно вписывается в теорию конфликта. Ведь, по Дарендорфу, основная причина зарождения конфликта – несовпадение интересов: «... социальный конфликт всегда был и будет присущ любому обществу в силу неизбежного различия интересов» [3, с. 36].

С этой точки зрения мы можем условно определить политическую активность как явление, в рамках которого раскрывается одна из стадий конфликта в сфере политики – например, основная (открытая) фаза, когда участники переходят к непосредственным действиям, или даже как форму социального конфликта, которая возникает в политической системе общества в виду несовпадения интересов политических субъектов.

Этот вывод делает ещё более убедительным определение социального конфликта, сделанное Л. Козером, которое и по сей день считается классическим: «Социальный конфликт может быть определен как борьба из-за ценностей или претензий на статус, власть или ограниченные ресурсы, в которой целями конфликтующих сторон являются не только достижение желаемого, но также и нейтрализация, нанесение ущерба или устранение соперника» [3, с. 40].

Что есть политическая активность, если не борьба за власть, за те возможности, которые она открывает, за влияние в собственных интересах на политическую систему, а следовательно и на всё общество в целом?

Таким образом, политическая активность и есть социальный конфликт со специфическим политическим окрасом. Кроме того, явление политической активности занимает важнейшее место в конфликтологической модели социального порядка. Главная арена, поле, в котором беспрестанно возникают друг за другом цепочки конфликтов – это не экономическая сфера, не область отношений собственности, ни какая либо ещё ниша общественного порядка. Основная сфера протекания социальных конфликтов по Дарендорфу – властные отношения: «... основное противоречие социальных систем перемещается ... в область отношений господства-подчинения, и основной конфликт оказывается связан с перераспределением власти» [3, с. 39].

Безусловно, наиболее явно эти отношения господства-подчинения и перераспределения власти проявляются именно в политической подсистеме общества. В рамках этой подсистемы явление политической активности – важный элемент. Её акторы, осуществляя политические действия, прямо или косвенно влияют на перераспределение власти, изменяют структуру схемы «господа-подчиненные». Одни словом, полагаем, что у теоретиков конфликта политическая активность, будучи связана с властными отношениями, во многом определяет облик социального порядка.

Действительно, по мнению Р. Дарендорфа, конфликтное взаимодействие субъектов социального порядка результативно в том случае, когда процесс их противостояния разворачивается в рамках политических структур: «социальные силы ... становятся зримыми, осязаемыми, а главное — действенными только тогда, когда находят выражение в политических дискуссиях и решениях» [2, с. 71].

Мы уже отмечали, что теоретики конфликтологического течения в своих рассуждениях опирались на те же категории, что и Т. Парсонс. Этот нюанс позволяет нам использовать, как и в одной из предыдущих статей, прием условного конструирования структур и дальнейшего сопоставления их элементов.

Для последующего анализа места и роли явления политической активности в теории конфликта в целях наглядности рассмотрим социальный конфликт как систему, структуру. Следовательно, как и всякая структура, социальный конфликт представляет собой совокупность элементов.

Итак, обобщая положения Р. Дарендорфа и Л. Козера, мы можем выстроить структуру социального конфликта, в которую входят следующие элементы:

1. Основания конфликта: объективные и субъективные противоречия, провоцирующие зарождение конфликтного состояния;

2. Участники конфликта: непосредственные – оппоненты и косвенные – третья сторона;

3. Объект конфликта: реальный или иллюзорный дефицитный предмет, который стремятся поделить участники противоборства;

4. Функции конфликта: конструктивное и деструктивное влияние борьбы на общественные структуры [4, с. 295; 5].

Так как мы приравнивали явление политической активности к одной из форм конфликта, отыщем перечисленные структурные элементы в системе «политическая активность».

Основанием для возникновения политической активности в рамках наших рассуждений является, как уже было сказано, столкновение интересов различных субъектов политической системы. Эти противоречия зачастую связаны с положением субъектов в иерархической лестнице и соответствующим ему уровню власти.

Одни имеют в рамках политической структуры более широкие властные полномочия и высокий статус, другие стремятся заполучить эти объекты, начиная осуществлять какие-либо политические действия, т.е. реализуя политическую активность.

Причины конфликтов, в основе которых лежат различия в социальных статусах и соответствующих им ролях, можно отнести к объективным. Субъективные же противоречия обусловлены личностными факторами субъектов политической сферы.

Как и конфликт, политическая активность многообразна по числу участников. Ими могут быть отдельные индивиды, политические блоки, общественно-политические объединения и даже государства.

Непосредственные участники, например – два политических лидера, участвующие в предвыборных дебатах в рамках телевизионной программы. Журналист, ведущий эту передачу – косвенный субъект – третья сторона, контролирующая процесс противоборства.

Объект, по поводу которого осуществляется политическая активность как противоборство политических субъектов, может быть как реальным – например, материальные блага, которые предоставляет та или иная должность в политической системе государства, так и иллюзорным (идеальным) – престиж и авторитет,

который может заполучить участник противоборства, заняв соответствующую должность.

И, наконец, рассмотрим функциональный элемент, обуславливающий роль конфликта, а, следовательно, и политической активности в общественной системе. Одной из конструктивных функций по Л. Козеру является стимулирование общественных процессов [6, с. 542]. Действительно, скажем, в ходе предвыборной борьбы за полномочия главы города кандидаты (участники политической активности) так или иначе провоцируют положительные изменения в обществе, к примеру, решая, вопрос о недостатке мест в детских садах.

Однако, согласно Р. Дарендорфу, конструктивная функциональность снижается, если протекание конфликта ограничивается или вовсе пресекается: «... подавление конфликтов ведет к их обострению» [6, с. 542].

Представим ситуацию. Протестующие против размещения вредного производства, избрав в качестве формы политической активности митинг, были разогнаны силовыми структурами. Такая жесткая реакция властей приведет к деструктивной функциональности конфликта, а значит и результат политической активности граждан также будет разрушителен.

Скорее всего, произойдет эскалация противостояния, которое выразится уже в радикальных способах граждан «достучаться» до местных властей. Безусловно, это лишь усилит социальную напряженность и приведет к дестабилизации общественных отношений.

В этой связи нужно уточнить, что теоретики конфликта акцентируют внимание на аспекте, касающемся организации общества. Конструктивная функциональность процесса столкновения интересов возможна в первую очередь в открытых обществах, а в закрытых – жестко структурированных этот позитивный эффект сходит на нет.

По Р. Дарендорфу, говорить об открытых обществах, которые обеспечивают свободу, приводящую к позитивным изменениям, можно в том случае, если соблюдаются следующие условия: «Свободные, открытые общества нуждаются в трех вещах: политической демократии, рыночной экономике и гражданском обществе» [2, с. 99].

Теоретик особо подчеркивает роль гражданского общества, ведь именно благодаря этому ингредиенту люди не только приобретают жизненные шансы, но и имеют возможность беспрепятственно их реализовать во всякого рода противостояниях: «Без структур гражданского общества свобода остается тростинкой на ветру» [2, с. 39].

Таким образом, вновь воспользовавшись способом деления интересующих нас явлений на структурные элементы, мы наглядно продемонстрировали схожесть компонентов структуры политической активности с составными частями социального конфликта. Путем сопоставления функциональной составляющей мы определили роль политической активности в социальном порядке Д. Дарендорфа и Л. Козера.

Мы показали, что конструктивные функции присущи тем конфликтам, которые протекают в открытых обществах. Причем эта характеристика открытости напрямую зависит в первую очередь от устройства политической системы соци-

ального порядка. А весомую долю влияния на структуру политической сферы оказывает как раз интересующее нас явление политической активности.

Активность политических субъектов в сфере политики, связанная в первую очередь с системой распределения и реализации властных полномочий, провоцирует трансформации, которые изначально видоизменяют характеристику самой политической системы, что в свою очередь так или иначе обуславливает изменения уже во всех остальных общественных структурах.

Также мы установили и место системы «политическая активность» в общественном устройстве, подверженном перманентному конфликту. Политическая активность – это элемент, характерный, прежде всего, для политической подсистемы конфликтологической модели общества. Причем мы пришли к умозаключению, согласно которому политическая активность и есть конфликт, возникающий на стыке интересов субъектов политической сферы.

Следовательно, мы можем сказать, что с точки зрения отцов современной теории конфликта, политическая активность в форме противоборства участников политической системы более чем какой-либо другой конфликт представляет собой то творческое, функциональное ядро общественного порядка, которое определяет его облик и вектор трансформации.

Литература

1. Социология / под ред. В.К. Батурина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 487 с.
2. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.
3. Гришина, Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб., 2008. – 544 с.
4. Дарендорф, Р. Тропы из Утопии. Работы по теории и истории социологии / Пер. с нем. Б. Скуратова, В. Близнекова. – М.: Праксис, 2002. – 534 с.
5. Козер Л. А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л. Г. Ионина. — М., 2000. – 295 с.
6. Козер, Л.А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 542–556.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ «ПОБЕДА» В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ И РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Юдина А.С.

В статье рассматривается проблема восприятия конструкта Победы в современной России, архетипические и пропагандистские компоненты, истоки апологетического нарратива, благодаря которым праздник не перестает быть актуальным. Поднимается вопрос отношения политического лидера к данному феномену и отражение комплексного взгляда на современную политическую ситуацию в праздничных речах главы государства на параде Победы. Также рассматривается значимость символической политики России в отношении праздника Победы с помощью речей главы государства во время парада Победы. Выделены ключевые фразы, отражающие положение дел и динамику взглядов по актуальным вопросам современной политики.

Ключевые слова: *Победа, пропаганда, политическая коммуникация, патриотизм, политический праздник, Президент РФ.*

This article studies problem perception of “Victory” construct in modern Russia, archetypal and propagandistic components, background of apologetic narratives, because of it celebration is actual nowadays. Also this article studies attitude of President to this situation and presence comprehensive view on modern political situation in president’s speech at Victory’s parade.

Keywords: *Victory, propaganda, political communication, patriotism, political celebration, President of Russian Federation.*

Конструкт «Победа» многогранен, наполнен множеством символов и смыслов, многие из которых подкрепляются не только распространением общественных символов, но и личными переживаниями и эмоциями. Рассматриваемый конструкт является достоянием целого мира. В каждой стране он понимается и транслируется по-своему, в рамках данной работы нас интересует выражение конструкта на территории России с отдельными дополнениями мнений иностранных лидеров на данный счет.

Явным выражением конструкта «Победа» является праздник Победы. Данный праздник мифологизирован с помощью героического политического мифа, обращает сознание к архетипическим константам – в данном случае – архетип Героя [1. с. 11]. Из анализа предыдущего материала следует, что фигура Героя является коллективной, состоящей из фигуры Сталина и всего советского народа. Таков классический символ, в котором ведущая роль в борьбе с нацистской Германией отводится Советскому Союзу, и этот символ превалировал в политическом пространстве довольно долго до определенного времени. С каждым годом тема Победы становится все более актуальной, символические элементы данного конструкта окружают нас все чаще, а информации, раскрывающей данную войну с разных

сторон, становится все больше. Многие информационные каналы, от федеральных и до местных городских интернет-ресурсов, транслируют внушительное количество документальных фильмов, сюжетов, исследований, статей по данной тематике. Впрочем, спрос рождает предложение: заинтересованность данным вопросом держится на высоком уровне. К слову, исторические темы стали более популярными на территории стран постсоветского пространства среди запросов в поисковых системах [2].

Возвращаясь к пропаганде как способу коммуникации и ее роли в распространении символов Победы, Ольга Малинова отмечает в статье «Память о войне: как великая Победа стала «нашим и всем» и чем это грозит», что традиционной составляющей риторики России 2000-х стало использование нарратива (схема, которая связывает прошлое с настоящим и желаемым будущим), а во время президентства Путина нарратив стал «апологетическим» [3]. Данный вид нарратива предполагает использование позитивных символов различных эпох для формирования идентичности. Знаменитое противопоставление «мы-они», в котором «мы» недостаточно сформировано, у «нас» нет границ в определении. Апологетическая схема нарратива использует историю России за всё ее существование (Киевская Русь, Московская Русь, Российская империя, Советский Союз), взывает к традиционным началам государства, к истокам, к традициям и ценностям наших предков. Однако каждый виток в истории на пути к современной России имел свое направление развития, которое часто в корне не сходилось с предыдущим этапом развития государственности. В современной риторике центральной ценностной составляющей является подвиг в Великой Отечественной войне. Однако, в постсоветский период дважды менялось понимание подвига, пишет О.В. Малинова. Если в 1990-е это «Победа как подвиг народа вопреки партии», то в 2000-е на передний план выходит только «гордость деяниями предков, благодаря которым (деяниям) мы завоевали статус супердержавы» [3]. По мнению исследователя, в обоих случаях используются упрощенные мифы коллективной памяти, а также, как отмечалось в данной работе, они нагружаются личными переживаниями. Риторика 1990-х строилась в том числе на критическом восприятии советского прошлого, так как СССР распался, впереди всех ждали новые реформы и «Новая Россия», но, что интересно, Великая Отечественная война и победа в ней были символами не прошлого, а будущего (всё той же «Новой России»). В 2000-х предыдущий опыт воспринимается более позитивно, а если быть более точным, то для упоминаний используются положительные события, символы, формирующие позитивный настрой по отношению к прошлому [4]. Победа в этот период стала предметом гордости, а не скорби, как было ранее. Разделили две даты 22 июня и 9 мая, у каждой из которых свой символический набор и смысловая составляющая.

К слову, существуют некоторые опасения по поводу праздника Победы в связи с относительно недавними событиями, произошедшими в Москве. Награждение победителей конкурса «Человек в истории. Россия – XX век» (организатор – НКО «Мемориал», входит в список иностранных агентов). Конкурс собрал около полутора тысяч исследовательских работ старшеклассников, которые школьники написали, работая с доступными архивными документами. Активисты Национального освободительного движения (НОД) в день награждения (с георгиевскими лентами,

прикрепленными к одежде) облили зеленкой и аммиаком заходящих в здание людей в знак протеста о переписывании российской истории [5]. Опасения возникают относительно излишней популяризации праздника, которая в свою очередь может порождать извращенные формы патриотизма. Как известно, у всего происходящего есть две стороны медали, и такой сценарий развития – вторая сторона, о которой изначально сложно предположить, и уже тем более сложно предугадать ее траекторию развития.

В теме рассуждений о конструкте «Победа» в современной российской риторике стоит обратиться к использованию политики памяти, ее инструментам. В последние пять лет происходит систематизация всех символов, которые являются составной частью праздника Победы, а также участилось присутствие консервативного начала в политике нынешнего президента, что обуславливает восхваляющую риторику прошлого (и не только советского периода). Возвращаясь к двойственности совершаемых действий, необходимо упомянуть, что систематизация символов происходит «сверху», то есть фактически восприятию людей предоставляют готовые конструкты, что, с одной стороны, является некоторой монополией (элита увидела в символической политике свои положительные стороны). Есть и существенный минус данной стороны – практически исключены исторические дискуссии, а истина иногда способна родиться при такой форме коммуникации. С другой стороны, такой процесс системного вмешательства по вопросу установления символов в риторике любого государства является необходимым элементом для поддержания соответствующей парадигмы и исключения ситуации переписывания истории.

Кстати, это еще один интересный момент, о котором следует сказать подробнее. Каждое историческое событие имеет множество версий и трактовок. Особенно данный факт коснулся пересмотра истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В зависимости от расстановки политических сил в мире, происходит некоторая модификация в трактовке результатов события. За время развития Украинского кризиса вскрылось немало «шокирующих фактов», которые в корне меняют общую картину события (в частности заявление экс-премьера Украины Арсения Яценюка). Этим можно объяснить усиление присутствия символики праздника на разных информационных площадках для конструирования пространства современной России. К слову, систематизация символов приобрела тенденцию к усилению с помощью использования символической политики. Сегодня пространство выстраивается вокруг центрального конструкта «Победа», способствует работе с определением идентичности («наша» победа, и здесь необходимо определить, кто есть «мы»). Работа с данным конструктом осуществляется в плотной связке с историей, благодаря чему с помощью средств массовой коммуникации конструируется политическая реальность и формируется определенное представление современного государства через определение нации. Одним из элементов, объединяющих «нации», является наличие общего прошлого [6]. Данная стратегия используется на территории постсоветского пространства, но некоторые государства стали менять риторику относительно интерпретации событий Великой Отечественной войны (например, Грузия, Украина).

Отдельное место в символической составляющей праздника занимают, на наш взгляд, парады, а именно та часть празднования, в которой глава государства произносит праздничную речь в честь Дня Победы. В рамках данной работы представляется логичным проанализировать данные речи за последние 16 лет (2000-2016 годы) со времени начала использования обозначенного выше «апологетического нарратива».

Можно выделить основные семь тем:

1. Цена Победы,
2. Мировая безопасность,
3. День Победы – главный праздник страны,
4. Ключевой – вклад советского народа,
5. Победа – общее достояние России и стран СНГ и Европы,
6. Вопросы переписывания истории,
7. Традиционные ценности во время войны и их значение для современных российских граждан.

С каждым годом в речах менялись акценты и количественные показатели представленных тем. В самом общем виде символическая составляющая речей поддалась следующей динамике. Начиная с 2000 года, вплоть до 2005 года, главной символической нитью большинства речей была победа как привычка и традиция российского народа, основное наполнение стержня сильного духа государства. Об этом свидетельствуют такие фразы В.В. Путина, как *«Дорогие фронтовики, с вами мы привыкли побеждать. Эта привычка вошла нам в кровь, стала залогом не только военных побед»* [7] в 2000 году на 55-ую годовщину, *«Победные традиции стали духовным стержнем Российской армии»* [8] в 2001 году и *«И побеждать – побеждать и быть первыми во всем»* в 2005 году [9]. Начало 2000-х – сложный и противоречивый период для населения РФ и политической элиты. Использование символов Победы в Великой Отечественной войне для поднятия национального духа и формирования идентичности в данном контексте позиционируется благодаря позитивному пониманию исхода Отечественной войны. Интересно, что именно в этих речах практически отсутствуют упоминания о высокой цене Победы. Фоновой идет тема международной безопасности и угроза терроризма, где подчеркивается успех исключительно в результате кооперации мирового сообщества (*«В мире появилась новая глобальная и очень серьезная опасность – международный терроризм. Для противодействия ему надо соединить усилия всех цивилизованных стран»* [10]; *«Задача всего мирового сообщества – дать террористам достойный отпор, извлечь мир от этой заразы»* [11]).

В 2005 году впервые детально упомянуто о европейских странах-участницах антигитлеровской коалиции, которые внесли вклад в «общую победу». Постоянно в риторике праздничных речей, посвященных Дню Победы, включается тема третья (День Победы – главный праздник страны), и она имеет очень серьезную обработку и символическое сопровождение («святой/священный долг», национальная гордость, «наша» Победа, героизм). Позже данная тема становится центральной в речах главы государства, и символично в данном контексте конструируется образ Победы как главного наследия современного российского государства. *«Для нашей страны 9 Мая был и навсегда останется священным днем, праздником, который*

не только окрыляет всех нас, который возвышает нас» [9], «Праздник Победы – это самый родной, самый искренний и всенародный праздник в нашей стране» [9]. С 2004 года наблюдается частое упоминание о главенствующей роли советских сил в Победу над нацизмом: «Помним, что именно наша страна, наша армия нанесла нацизму решающий сокрушительный удар, повергла его в прах, предопределила исход Второй мировой войны» [11], «...Красная Армия поставила в войне победную точку» [9]. В контексте рассуждений о Победе одновременно используется приведение данных о цене данной Победы, о невозвратимых потерях, об отверженности солдат и их готовности отдать жизнь тогда за наше будущее сегодня.

Отдельно хотелось бы рассмотреть популярную в речах с 2009 года тему о традиционных ценностях, которые помогли в победе над Злом и имеют большое значение для современных граждан. (*«Защита Родины – это наша святая обязанность, это нравственная основа для всех поколений. И сегодня, храня и преумножая победные традиции, по этой площади пройдут наследники героев войны» [12]. В русле рассуждений о традициях и нравственности традиционного типа все чаще упоминается такая черта, как любовь к Родине («Вы, дорогие ветераны, задали высочайшую нравственную планку – показали пример преданности своему Отечеству» [13], «Вы черпали силы в славных традициях российского воинства, в истинных ценностях... ваше мужество, умение любить и защищать свою Родину никогда не уйдут в прошлое, будут мерилом нравственности, патриотизма и долга для детей, внуков и правнуков» [14], «Традиции – пример для молодых поколений, и они уже не раз доказали это, защищая суверенитет и интересы Родины» [15]. С 2009 года обращение к нравственным традициям носит систематический характер (как минимум, в речах дважды поднимается данная тема). В речи 9 мая 2016 года тема традиционных ценностей поднималась трижды («Великая Отечественная навсегда останется священным подвигом нашего народа, призывом жить по совести, держать высоту правды и справедливости, передавать эти ценности от поколения к поколению», «истинная жизненная сила нашего народа, его единство, победный дух и любовь к родной земле», «В такой сплочённости, в преданности Родине – наша сила, уверенность и достоинство» [16]). Основа традиционных ценностей теперь опирается на любовь к Родине как ключевую мотивацию героических поступков. Сейчас конструкт «Победа» уже открыто постулируется «символом родства России и ее народа» [16], отмечается историческая и символическая значимость события. Тема священности праздника и определение его в качестве главного праздника страны (тема третья) по количеству упоминаний за все годы занимает лидирующую позицию (треть от всех упоминаний). Такое положение дел и контекст данных речей представляется интересным. Что характерно для апологетического нарратива, используются позитивные символы эпохи Великой Отечественной войны (такие качества, как героизм, оптимизм, благородство, мужество). Затрагиваются именно положительные последствия действий в соответствии с таким кодексом чести (спасение стран мира от угрозы нацизма и установления идей расового превосходства в качестве определяющих по вопросам мировой политики).*

Еще одной темой, которая упоминается реже всех прочих и очень лаконично вписана в структуру речей – это тема переписывания истории. Впервые в речи гла-

вы государства появляется отражение данной тематики в 2007 году. Вероятно, это связано со сносом памятника «Бронзового солдата» в Таллине (Эстония) 27 апреля 2007 года. Именно с этого времени начинается череда неоднозначных трактовок истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, в связи с этим поднимается вопрос о возможном манипулировании историческими событиями от лица «вандалов» («*А те, кто пытается сегодня принизить этот бесценный опыт, кто оскверняет памятники героям войны, оскорбляет собственный народ, сеет рознь и новое недоверие между государствами и людьми*» [17]). Также эта тема поднимается в 2010 году о недопущении пересмотра истории и итогов войны. Возможно, этому поспособствовала ситуация в Грузии и попытки пересмотра итогов войны странами Балтии. Позже тема плавно перетекает в направление восстановления «исторической справедливости» (Крым, 9 мая 2014 года), а в 2016 в своей речи глава государства по-отечески проявил заботу о возникновении возможных «двойных стандартах» («*...мир на планете не утверждается сам по себе, что нужно быть бдительными, что недопустимы двойные стандарты, близорукое потакание тем, кто вынашивает новые преступные замыслы*» [16]). Вместе с тем в связи используется упоминание о ключевой роли советского народа в борьбе с угрозой мирового масштаба.

Парады в принципе являются очень значимым символом Победы, они отражают в том числе и обстановку по вопросам международных отношений. В частности, последний парад Победы был проигнорирован многими европейскими лидерами (что получило негативную оценку среди европейской общественности), однако напрямую можно проследить сближение Российской Федерации со странами Востока. С помощью анализа речей первого лица государства, хорошо читается обстановка внутри страны и за ее пределами. В частности, тема переписывания истории. Она поднимается в 2007 году, когда наметилась тенденция пересмотра существующего понимания итогов войны. Актуализация ценностного аспекта в разрезе традиционной парадигмы нравственности также свидетельствует о возврате к истокам, к оценке истории российского государства, ценности его культурно-исторического наследия, принятия тысячелетней истории (хотя и с некоторыми особенностями). По той же причине произошло более частое и настойчивое упоминание о решающей роли советского народа в борьбу с нацистской Германией, о том, что потери Советского Союза оказались слишком большими и тяжелыми как в материальном, так и в морально-этическом аспекте. Подчеркивается священность и святость данного события, а также открыто выражается официальная позиция государства (в лице тогдашнего Президента Д.А. Медведева) о главенстве Победы как символа национального единства в формировании идентичности («*С Днём Великой Победы – с праздником, который всегда был и останется самым народным, самым священным и который уже навеки стал символом нашего национального единства!*» [15]).

Данная статья посвящена изучению особенностей конструкта «Победа», присутствию рассматриваемого конструкта в риторике России с начала 2000-х и по настоящее время. В результате изучения текстов мы пришли к выводу о том, что на символическом уровне происходит смена акцентов в конструировании политической реальности современной России в тандеме с историческим наследием Со-

ветского Союза и даже Российской империи (традиционные ценности, нравственность).

Литература

1. Щербинин А.И., Щербина Н.Г. Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому. / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 3. С. 11.

2. Google Тренды: актуальные запросы. [Электронный ресурс] // Поисковая система Google. google.com. – URL: <https://www.google.ru/trends/explore#q=%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 26.05.2016).

3. Малинова О. Память о войне: как великая Победа стала «нашим и всем» и чем это грозит [Электронный ресурс] // Журнал РБК. Мнения. rbc.ru. – URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/06/05/2016/572b1b209a794723991b17bb?from=newsfeed> (дата обращения 26.05.2016).

4. Малинова О. Автограф: «Актуальное прошлое». [Электронный ресурс] // ПостНаука.Academy postnauka.ru. – URL: <http://postnauka.ru/books/49497> (дата обращения 26.05.2016).

5. В Москве напали на участников церемонии школьного конкурса «Мемориала». [Электронный ресурс] // Журнал РБК. rbc.ru. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/28/04/2016/5721d3e09a79475e3134f18e> (дата обращения 26.05.2016).

6. Малинова О. Политика и социальные проекции прошлого. [Электронный ресурс] // ПостНаука. Видео. postnauka.ru. – URL: <http://postnauka.ru/video/34948> (дата обращения 27.05.2016).

7. Выступление на параде, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21421> (дата обращения 27.05.2016).

8. Выступление на параде, посвященном 56-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21246> (дата обращения 27.05.2016).

9. Выступление на Военном параде в честь 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22959> (дата обращения 27.05.2016).

10. Выступление на параде в честь 58-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22991> (дата обращения 27.05.2016).

11. Выступление на военном параде, посвященном 59-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22453> (дата обращения 27.05.2016).

12. Выступление на военном параде в честь 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/4015> (дата обращения 28.05.2016).

13. Выступление на военном параде, посвящённом 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/11196> (дата обращения 28.05.2016).

14. Военный парад в честь 67-й годовщины Великой Победы. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15271> (дата обращения 28.05.2016).

15. Военный парад в честь 68-й годовщины Великой Победы. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18089> (дата обращения 28.05.2016).

16. Военный парад на Красной площади. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51888> (дата обращения 28.05.2016).

17. Выступление на военном параде в честь 62-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24238> (дата обращения 28.05.2016).

УСКОРЕНИЕ КАК ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Артемов А.В.

В статье понятие «ускорения» в политике перестройки рассматривается как одна из единиц изменения экономической повестки, формируемой М.С. Горбачевым в своих официальных речах, выступлениях и докладах, что в свою очередь, рассматривается автором как один из элементов официального дискурса, формируемого на первом этапе реализации политики перестройки.

Ключевые слова: *символическая политика, перестройка, М.С. Горбачев, образ перестройки, исторический обзор, официальный дискурс, ускорение.*

In this article the term «uskorenie» in perestroika-policy is regarded as one of the units of changes in the economic agenda, formed M.S. Gorbachev in his official speeches, statements and reports, which, in turn, is regarded by the author as one of the elements of official discourse generated in the first stage of the perestroika-policy.

Keywords: *symbolic policy, perestroika, Gorbachev, image of perestroika, historical review, uskorenie, official discours.*

В середине 80-х годов в Советском Союзе смена первого лица государства, а также общего руководства в стране происходили не в обстановке спокойной преемственности, а в состоянии глубокого политического и экономического кризиса, оставшемся после периода геронтократии. М.С. Горбачев в своих воспоминаниях констатирует символический смысл стагнации политической системы советского государства: *«Одряхла сама система, ее застойная, старческая кровь уже не имела жизненных сил. И я понимал, какое бремя ответственности на меня ложится»* [1, с. 46]. Осознавая необходимость постепенных изменений, в первых выступлениях М.С. Горбачева в качестве генерального секретаря ЦК КПСС [2, с. 129] прослеживаются типичные элементы сохранения преемственности, в контексте характеристики деятельности партийной структуры в период правления К.У. Черненко: *«Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального комитета и его Политбюро. <...> чтобы партия на всех уровнях действовала как сплочённый, слаженной и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов он видел залог успехов, преодоления недостатков, залог поступательного движения вперед».*

Эти слова, образы и смыслы – суть изменения политического языка, а точнее – «индикаторы», фиксирующие эти изменения. Политика изменений была направлена руководством, прежде всего, на то, чтобы *трансформировать представление о*

власти: о внутренней политике и роли коммунистической партии в обществе, поскольку позиции партии и властные ресурсы ослаблялись.

Представления о партии, на первом этапе «перестройки», были тесно связаны с представлениями о социально-экономическом развитии страны. Поэтому прежде «перестройки» и необходимости «перестраиваться» в политическом лексиконе государственной власти, а затем и общества возникли такие слова, как, например, «ускорение» и сопутствующие ему «совершенствование», «развитие», «преобразование» – все эти слова заполнили официальный политический дискурс.

Понятие «ускорения» представляется в риторике первого лица как: *«глубокая перестройка всего нашего народного хозяйства на основе научно-технического прогресса»*; *«перестройка всей нашей жизни»* [2, с. 147], которая невозможно без высокой дисциплины, ответственности и творческой работы; *«перестройка умов хозяйственников»* [2, с. 148]; *«новое качество роста, переход на интенсивные рельсы развития <...> структурной перестройке экономики, использования эффективных форм управления, организации и стимулирования»* [2, с. 149]; в свою очередь перестройка хозяйственного управления основывается в представлении М.С. Горбачева на *«укреплении и развитии демократического централизма»* [3, с. 34].

Уже в первых своих публичных выступлениях М.С. Горбачев, отмечал необходимость совершенствования, как хозяйственных механизмов, так и всей системы управления. Одной из *«коренных задач»* внутренней политики было обозначено *«совершенствование и развитие демократии, всей системы социалистического самоуправления народа»*, а именно *«повышение роли Советов, активизация профсоюзов, комсомола, народного контроля, трудовых коллективов»*. Расширение демократических принципов в рамках системы социалистического самоуправления народа рассматривалось как одно из условий успеха нового курса партии. Так в речи на внеочередном Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев указал: *«Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих пленумах ЦК, была и остаётся неизменной. Это – линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Речь идет о преобразовании материально-технической базы производства. Речь идет о совершенствовании системы общественных отношений, прежде всего экономических. Речь идет и о развитии самого человека... о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика»* [4].

В последующих выступлениях генерального секретаря было дано начало и дискуссиям о необходимости улучшения системы государственного управления. М.С. Горбачев делал особый упор на отношении партийных органов и населения, отмечая важность и неотъемлемость их взаимодействия: *«Углубление социалистической демократии неразрывно связано с повышением общественного сознания»*. Вопрос легитимации власти, как КПСС, так и генерального секретаря находит свое отражение не только в контексте преемственности, но и в поисках новых способов агрегации (вовлечения) населения СССР в систему управления народного хозяйства.

Системный кризис, доставшийся в наследство от Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, фактическая потеря контроля над предприятиями, регионами

и реальным положением в них, вынуждает идти на попытки преобразований, тем самым привлекая новых субъектов (акторов) на политическом поле, которыми являются дочерние партийные организации: *«Мы и дальше обязаны расширять гласность в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций. В.И. Ленин говорил, что государство сильно сознательностью масс. Наша практика полностью подтвердила этот вывод. Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют, тем активнее поддерживают партию, ее планы и программные цели».*

Сам термин «перестройка», получивший известность во всем мире, появился в мае 1985 года. На встрече с активом Ленинградского горкома партии М.С. Горбачев впервые употребил этот термин для обозначения процесса предстоящих экономических, политических и социальных изменений: *«Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться. Всем».* Сначала СМИ, а затем и представители партийно-хозяйственного актива подхватили этот термин, который стал лозунгом новой эпохи. В частности, именно в отношении вопросов управления мы можем видеть одно из первых употреблений слова «перестройка» в июле 1985 года. На совещании в ЦК КПСС Е.К.Лигачев говорит *«о периоде “перестройки” форм и методов партийного руководства»;* о том, что *«ни одна организация, ни один работник не должны оставаться вне партийного контроля»;* требует *«потверже взять в руки все рычаги управления хозяйством»;* говорит о *«необходимости повсеместно распространить практику отчетов коммунистов»* [4].

Закрепление в государственной политике инициативы М.С. Горбачёва получила на состоявшемся 23 апреля 1985 года в Москве Пленуме ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев выступил с докладом «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением, где также была одобрена концепция резкого ускорения социально-экономического развития страны на базе научно-технического прогресса, достижения качественно нового состояния советского общества» [4]. Выступление М.С. Горбачева на «апрельском» Пленуме является системообразующим документом для дальнейшего становления «перестройки», а также устанавливает первоначальный набор образов и открывает вопрос символического подкрепления предстоящих изменений: *«<...> жизнь, ее динамизм диктуют необходимость дальнейших изменений и преобразований <...> Это – совершенствование общественных отношений, и в первую очередь экономических. Это – глубокие перемены в сфере труда, материальных и духовных условий жизни людей. Это – активизация всей системы политических и общественных институтов, углубление социалистической демократии, самоуправление народа».*

Одной из связующих тем первых выступлений Горбачева М.С. является идея преемственности, как традиционный способ легитимации власти [2, с. 152]: *«Сегодня мы вновь подтверждаем преемственность стратегического курса, разработанного XXVI съездом партии и последующими Пленумами ЦК»;* *«<...> преемственность означает неперенное движение вперед, выявление и разрешение новых проблем, устранение всего, что мешает развитию»;* *«<...>развивая нашу партийную политику, нашу генеральную линию на совершенствование общества развитого социализма».*

Одним из источников политической стабильности, по мнению Горбачева М.С., является расширение участия трудящихся в управлении, уважении прав человека, широкий доступ к духовной культуре, а также гарантированное право на труд, его вознаграждение и забота общества о человеке: *«Впервые в истории человек труда стал хозяином страны, творцом своей судьбы. Гарантированное право на труд и его вознаграждение, забота общества о человеке от его рождения до глубокой старости, широкий доступ к духовной культуре, уважение к достоинству и правам личности, неуклонное расширение участия трудящихся в управлении — все это непреходящие ценности, неотъемлемые черты социалистического образа жизни. В них — важнейший источник политической стабильности, социального оптимизма и уверенности в будущем».*

Горбачев допускает скрытую критику центральных партийных структур и предшествующих принципов управления:

– *«Благодаря активной работе партии, начиная с 1983 года, удалось подтянуть работу многих звеньев народного хозяйства и несколько улучшить обстановку. Однако трудности далеко не преодолены, и нам предстоит приложить немало усилий, чтобы создать надежную основу для быстрого продвижения вперед».*

– *«Конечно, сказались влияние природных и ряда внешних факторов. Но главное, думается, в том, что своевременно не были должным образом оценены изменения в объективных условиях развития производства, необходимость ускорения его интенсификации, перемен в методах хозяйствования и, что особенно важно, не проявлялось настойчивости в разработке и осуществлении крупных мер в экономической сфере. Нам надо, товарищи, глубоко и до конца осознать сложившуюся ситуацию и сделать самые серьезные выводы»;*

– *«Приверженность к старым подходам в руководстве, несамокритичность проявляются и у некоторых руководителей министерств и ведомств. Это мешает делу. Сама жизнь ставит в повестку дня необходимость решительного улучшения работы, приведения ее в соответствие с требованиями современного этапа развития общества».*

Присутствует критика пропагандистской работы: *«Сегодня еще раз можно было бы напомнить, что в пропаганде, идеологической работе в целом — пусть это не покажется кому-то парадоксальным — тоже должно быть поменьше слов и больше дел».*

В контексте скрытой критики предшествующего этапа (что является необычным при переходных периодах, традиционно использовались методы, когда критика носила тотальный характер, либо отсутствовала вовсе) Горбачев все также возлагает основную ответственность на реализацию последующих изменений на *«<...>партию, ее Центральный Комитет, все партийные организации <...>»*, а также призывает к повышению ее руководящей роли (что является традиционным элементом легитимации, характерным для переходных периодов в советской политической системе):

– *«В авангарде народа всегда шла и идет ленинская партия, партия коммунистов. Сегодня она призвана возглавить всенародное движение за ускорение социально-экономического развития страны».*

– *«<...> выборы должны всемерно способствовать подъему активности и ответственности коммунистов, усилению боеспособности партийных организаций, упрочению их связей с массами и в конечном счете — повышению руководящей роли партии».*

Следовательно, изменения, о которых Горбачев М.С., говорит предыдущих речах, так же будут распространяться и на партийный аппарат:

– *«Задача ускорения темпов роста, притом существенного, вполне выполнима, если в центр всей нашей работы поставить интенсификацию экономики и ускорение научно-технического прогресса, перестроить управление и планирование, структурную и инвестиционную политику, повсеместно повысить организованность и дисциплину, коренным образом улучшить стиль деятельности».*

– *<...> важно повышать ответственность республиканских и местных органов в управлении хозяйственным и социально-культурным строительством, удовлетворении запросов трудящихся. Но для этого, разумеется, необходимо и дальше расширять права местных органов, усиливать их инициативу и заинтересованность в развитии производства, использовании ресурсов, налаживании всех сфер обслуживания населения».*

С другой стороны, присутствует открытая, но сдержанная критика внутри иерархической структуры партии и системы управления: *«Приходится иногда встречаться с попытками местных органов переложить на центр все заботы по снабжению продовольствием и особенно обеспечению кормами. Такая практика неприемлема. Задача состоит в том, чтобы полнее задействовать все резервы увеличения производства продовольствия как в колхозах и совхозах, так и в подсобных хозяйствах граждан и предприятий».*

С целью устранения всего, что «тормозит» работу, Горбачев М.С. ссылается на практику крики и самокритики, большевистской откровенности в рамках первичных партийных организаций.

Официальная риторика ставит вопрос о связующей идеи «идентичности трудящихся»: *«Нельзя добиться существенных результатов ни в одной сфере деятельности до тех пор, пока партийный работник будет подменять хозяйственника, инженер — курьера, ученый — работать на овощной базе, ткачиха — на ферме», — обозначая границы между трудящимися, формируются идеи стратификации советского общества.*

Смысловое значение образа перестройки, ускорения и интенсификации видится Горбачевым в следующем контексте: *«Товарищи! Высший смысл ускорения социально-экономического развития страны КПСС видит в том, чтобы неуклонно, шаг за шагом повышать благосостояние народа, улучшать все стороны жизни советских людей, создавать благоприятные условия для гармоничного развития личности. При этом необходимо последовательно проводить линию на укрепление социальной справедливости в распределении материальных и духовных благ, усиление воздействия социальных факторов на развитие экономики и повышение ее*

эффективности». Основными лозунгами (символическими маркерами) должны стать: 1) творческий труд; 2) единство слова и дела; 3) инициатива и ответственность; 4) требовательность к себе и товарищам.

Идеологическая составляющая также должна быть направлена на главную задачу развития страны: *«Идейно-политическое воспитание во всех его формах должно быть максимально сопряжено с главной задачей наших дней— ускорением социально-экономического развития страны»*.

Идеи интенсификации, ускорения развития советской экономики, фактически, не отделим от общего смыслового наполнения образа перестройки. Указанные элементы образа употребляются как синонимы («ускорение» = «перестройка»).

Горбачев подчеркивает высокое значение средств массовой информации в жизни советского общества: *«Печать, телевидение, радио — действенные средства организации и воспитания масс, формирования общественного мнения. В последнее время происходят позитивные перемены в их работе. Но жизнь требует большего»*, — отмечает необходимость тесного сотрудничества партии и СМИ, однако *«<...>Нужно только, чтобы эта помощь и поддержка всегда были своевременными и весомыми. И уж конечно должны получать принципиальную партийную оценку любые попытки зажима или игнорирования обоснованной критики»*.

На первый план выступает идея интенсификации экономического развития, а также меры кадровых и дисциплинарных изменений:

– *«<...> темпов, с которыми мы движемся в этой пятилетке, недостаточно. Нам предстоит их повысить, и повысить существенно. И решать эту задачу надо безотлагательно. Нельзя упустить время <...>»*;

– *«<...>улучшения его структуры, ускорения научно-технического прогресса, значительного повышения качества продукции, дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма и управления в целом»*.

Под интенсификацией понимается: 1) высокая культуру производства; 2) жесткая технологическую дисциплину; 3) уровень качества изделий; 4) четкое выполнение предприятий планов поставок продукции; 5) дисциплину труда; кадровая политика (высокие требования к людям, к руководящим кадрам).

Объектом интенсификации становятся традиционные, для советской экономики, категории: *«<...> насколько успешно мы решим эту задачу, зависят социально-экономическое развитие страны, укрепление ее обороноспособности, улучшение жизни советских людей»*.

С другой стороны, стагнацию экономической системы СССР Горбачев М.С. видел не только в кадровой проблеме, но и в высокой степени бюрократизации: *«Надо только снять с них путы плохих и лишних инструкций, решительно уменьшить отчетность, освободиться от бумажного круговорота, что одновременно будет способствовать сокращению управленческого аппарата. Это касается и министерств, и всесоюзных промышленных объединений»*.

Одной из тем официальной риторики становится переосмысление принципов хозяйствования и управления: *«Нужно придать хозяйственному механизму такие формы и структуры, которые в максимальной степени стимулировали бы повы-*

шение эффективности производства, улучшение качественных показателей, настроили бы его на ускорение научно-технического прогресса».

В официальный дискурс дополняется темой «живого творчества народа» как один из способов достижения целей ускорения и предстоящих реформ. Творчество масс, согласно тезисам Горбачева М.С., есть «глубокая заинтересованность трудящихся в будущем Отечества, их трудовая и политическая активность» [5, с. 198], в свою очередь партии необходимо максимально способствовать расширению общественной инициативы и направлять ее на разрешение проблем социально-экономического ускорения. Через призму политической активности предлагается осуществление оценки всех кадров.

Первые противоречия в риторике Горбачева начинают прослеживаться в теме «Слова не должны расходиться с делом». Горбачев уделяет особое внимание дискуссии с общественностью:

– «Я рассматриваю это как наказ, как политический наказ»;

– «Несколько таких кратких, емких высказываний стоит привести. На площади Восстания, когда я спросил: «Что вы хотите пожелать Центральному Комитету?» — один рабочий ответил: «Настойчиво продолжать то, что начали»;

– «Я опять задал тот же вопрос и получил очень глубокий по сути ответ.

Было сказано: «Важно не допускать, чтобы слова расходились с делами».

Горбачев М.С. ищет поддержки не только в структуре Центрального комитета и Советского правительства, партийных структур: «Для меня были полезными встречи и беседы в Ленинграде. Они позволили еще раз на примере города и области проверить те подходы, которые закладываются Центральным Комитетом и Советским правительством в основу нашей экономической стратегии на перспективу. Я почерпнул новые убедительные аргументы в пользу правильности нашей линии. Здесь оказалось много единомышленников, и не только среди руководителей, не только в ходе намечавшихся бесед, но и в ходе многих, так сказать, незапланированных встреч». Тем самым вовлекая в политический процесс новых, для советской системы, акторов.

В официальном дискурсе появляется тема необходимости изменений работы партийного аппарата: «Как видите, какого бы вопроса мы сейчас ни касались, для того чтобы ускорить наше движение, движение нашего локомотива, нашего огромного государства, нам предстоит начинать с улучшения всей деятельности партии, всех наших кадров» [2, с. 224]. Присутствует скрытая критика партийных работников: 1) «Наши люди высоко ценят достижения Советской страны <...> Вместе с тем они становятся все нетерпимее — я это вижу в своих поездках, общении с людьми, — нетерпимее к злоупотреблениям, нарушениям закона, бюрократизму, тунеядству, пьянству, бесхозяйственности, расточительству и другим негативным явлениям», [2, с. 223]; 2) «Советские люди решительно осуждают проявления нескромности, парадности, славословия. Все это партийному активу и нашим кадрам надо учитывать в своей работе».

Уже к 1986 году концепт «ускорения» начинает рассматриваться в расширенном контексте: «совершенствования общественных отношений, перестройки мышления, выработки новой психологии» [5, с. 187]. С другой стороны контекст

«совершенствования хозяйственных механизмов» конкретизируется и формируется в программу определенных предписаний и мероприятий. Помимо повышения действенности централизованного руководства экономикой [5, с. 212–213], решительного «раздвижения» границ самостоятельности объединений и предприятий, специализации и кооперации производства на первый план выходят новые смыслы, вкладываемые в понятие «ускорения», – «всесторонняя демократизация управления <...> усиления контроля снизу, подотчетность и гласность» (происходит пересечение понятий «ускорение» и «гласность»). Горбачев М.С. рассуждая об ускорение как перестройке хозяйственного механизма формулирует одно из основополагающих смыслов рассматриваемого концепта: «Всякая перестройка хозяйственного механизма, как известно, начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики» [5, с. 217], – тем самым закладывая первые элементы разрыва взаимосвязи прошлого, настоящего и моделируемого будущего.

Однако уже к лету 1986 года термин «ускорение» постепенно исчезает из политического лексикона, а на замену ему, как отмечает *А. Барсенков*, приходит «перестройка», охватывающая не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партийного и государственного аппарата [7, с. 82] При этом генеральный секретарь отмечает, что «перестройка», по сути, представляет собой революцию, это «не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определённого исторического периода» [6, с. 37].

Даже во внутривнутрипартийном дискурсе М.С. Горбачев прибегал к радикальным заявлениям, так на совещании у Генерального секретаря ЦК КПСС, посвященного подготовки в 70-летию Октябрьской Революции, им было отмечено, что «судьба Политбюро – умереть или развернуть перестройку... <...> Дело в том, что использовать его (прим. автора – юбилей Октябрьской Революции) и в особенности в докладе, для того чтобы сделать еще несколько ступеней в развитии общественного сознания, в ответе на вопрос, что прожито и куда идем». Тем самым в официальном дискурсе формируется тема судьбы и итогов «перестройки». Институциональное оформление политика «перестройки» начала обретать в июне 1987 года, с принятием Верховным Советом СССР ряда постановлений и законов, в частности, следующих: «О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны», закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» и постановление о введении этого закона в действие, закон «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни», закон «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» и постановление о введении его в действие. В дискурсе общественности и прессы, как советской, так и зарубежной, можно было наблюдать наличие вполне резонного вопроса о том, каковы же пределы перестройки?

Официальная позиция на этот счёт сводилась к формуле, которую, перефразируя известное высказывание, можно выразить следующим образом: всё, что не вредит «перестройке», делает её лучше – укрепляет социализм, демократию и гласность. На завершающем этапе «перестройки» в официальном дискурсе Горбачёва можно также отметить, что он разделяет свою концепцию управления с рас-

пространённой в тот период концепцией модернизации; подводя итоги 1987 года и первого периода «перестройки» советский лидер акцентирует внимание на том, что несмотря на очевидные трудности, завоеванием выбранного политического курса становится «новая политическая и нравственная атмосфера».

В. Шейнис, рассматривая управленческие моменты в истории «перестройки» в контексте истории российского парламентаризма, оценивает первый период «перестройки» в целом весьма скептически: несмотря на огромные властные ресурсы и беспрепятственную легитимацию проводимой политики правительство во главе с «архитектором» «перестройки» так и не смогло в полной мере реализовать ранее обозначенные ключевые направления преобразований, более того, сомнение вызывает адекватность стратегических приоритетов реформаторов [9]. «Сейчас уже очевидно, – пишет В. Шейнис, – что ускорение социально-экономического развития столь же мало можно считать центральной стратегической задачей, как и корректировку структуры капиталовложений (из топливно-энергетического в машиностроительный комплекс и т. п.) – основным рычагом экономической модернизации, что «дисциплина, организованность, порядок» вовсе не «главные наши резервы», как утверждали многократно тиражированные лозунги» [9].

Если обращаться к причинам того, почему выбранный политический курс реализовывался в СССР с трудом и к вопросу о том, почему в официальном дискурсе «строителей» настолько часто можно было замечать стремления хотя бы в словесной форме преодолеть барьеры, которые возникают в процессе преобразований, то следует обратить внимание на оценки, которые дают исследователи применительно как к состоянию общества, так и к состоянию тех сфер, которые подлежали перестраиванию. Как отмечает В. Согрин, первый этап «перестройки» прошёл под лозунгом «больше социализма», отражая поразительное количество иллюзий по поводу возможностей государства и подчёркивая преимущество продолжающейся утопии, тем, что в сознании большинства из представителей правящей элиты выдвинутый лозунг означал укрепление позиций партии и расширение возможностей управления, и, разумеется, «больше политического господства рабочего класса» [8].

В реальности же, одним из ключевых стремлений тех, кто стоял у истоков «перестройки» было стремление запустить научно-техническую революцию в СССР и сократить технологическое отставание страны. Это стремление парадоксальным образом соседствовало с убеждением, что экономические преобразования, запуск модернизации – могут осуществляться без сопутствующего им всегда социально-политического контекста, без преобразований в социальной сфере, без политических реформ. «Предпринятые в начале 1986 года меры, – пишет В. Согрин, – поражают сегодня страшным до неправдоподобия отрывом от реальностей и традиционализмом одной из главных мер сформулированной тогда концепции «ускорения» было опережающее (в 1,7 раза) развитие машиностроительной отрасли по отношению ко всей промышленности.

Аналогичным образом развивались реформаторские процессы и в других областях, технологии же являются наиболее показательным примером того, что предпринятые и концептуально готовые проекты для своего воплощения нуждаются в более радикальных управленческих методах своей реализации, поэтому на

второй этап «перестройки» (под лозунгом «Больше демократии») проводится уже более решительно.

Литература

1. Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас / М.С. Горбачев. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 339 с.
2. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. — М.: Политиздат, 1987. — 510 с.
3. Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии/ С.М. Горбачев // Годы трудных решений. — М.: Альфа-принт, 1993. — 352 с.
4. Загладин В.В. Хроника «Перестройки» 1985-1991 [Электронный ресурс] // <http://www.gorby.ru/activity/expocenter/build/> (дата обращения 05.07.2016);
5. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза (25 января 1986 года) / С.М. Горбачев // Избранные речи и статьи. Т. 3. — М.: Политиздат, 1987. — 511 с.
6. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М., 1987. — 511 с.
7. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991. М., 2002. — 367 с.
8. Согрин В. «Перестройка»: уроки [Электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/260/204/1217/15_SOgrin.pdf (дата обращения 11.07.2015);
9. Шейнис В. Взлёт и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985-1993). — Т1. — М.: Московский Центр Карнеги, Фонд Индем, 2005. — 353 с.

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНАЯ СУДЬБА «ОТТЕПЕЛИ»

Янцевич Г.С., Балакин В.С.

В статье рассматриваются проявления «оттепели» в политике, культуре и обществе в годы правления Хрущева. Поднимается вопрос о неоднозначности «оттепели» в различных аспектах, а также ее непоследовательность и дробление на «оттепели» и «заморозки». Наследие «оттепели» рассматривается в последующих периодах истории страны – «застое» и «перестройке», отмечается значение и восприятие ценностей «оттепели» для последующих поколений. В статье анализируются произведения культуры и искусства всех описываемых периодов, а также высказывания Н.С. Хрущева.

Ключевые слова: оттепель, наследие оттепели, этапы оттепели, заморозки, десталинизация, Хрущев, Эренбург, шестидесятники, застой, Время юбилеев, семидесятники, перестройка, советское кино, преемственность поколений.

The article considers the problems of the «ottempel» in the politics, culture and society during the reign of Khrushchev. The article raises the questions about the ambivalence and self-conductions of «ottempel». The heritage of «ottempel» considered in subsequent periods of USSR history – «zastoy» (stagnation) and «perestroika» (restructuring), it notes the meaning and perception of «ottempel» values for the next generations. Authors analyzed works of culture and arts, and of the all described periods and also Khrushchev speeches.

Keywords: «ottempel», the heritage of «ottempel», periods of «ottempel», frosts, destalinization, Khrushchev, Erenburg, «shesidesyatniki», stagnation, The time of anniversary, «semidesyatniki», perestroika, soviet films, continuity of generation.

Термином «оттепель» определяют, период в истории Советского Союза, который пришёлся на пятидесятые – шестидесятые годы XX века. Название этого периода берет свое начало от романа Ильи Эренбурга. Термин обозначает послабление и определенную либерализацию государственного режима во внутривнутриполитической жизни СССР по отношению к общественной жизни и культуре, а также большей свободе творческой деятельности. Сам Эренбург писал: «Я сел за «Оттепель» - мне хотелось показать, как огромные исторические события отражаются на жизни людей в небольшом городе, передать мое ощущение оттаивания, мои надежды. Время было переходным, некоторым людям трудно было отказаться от недавнего прошлого...» [10, с. 754]. И действительно, название романа стало определяющим для своей эпохи. Публикация романа стала отправной точкой для ослабления идеологического надзора со стороны государства, над жизнью людей и над культурой, в частности [6, с. 83].

Но какова же была общественная, политическая и культурная судьба самой

«оттепели»? Была ли она столь однозначной в разных направлениях культуры, была ли последовательной «оттепель» в политическом аспекте? И наконец, какое наследие оставила и как воспринималась политика «оттепели» в годы «застоя» и «перестройки»?

Культура «оттепели» существует, прежде всего, в её интерпретации. Так и хронология во многом зависит от определенного контекста или рассказчика. Для политики, в широких рамках «оттепелью» можно назвать период от смерти Сталина, до «Пражской весны». Но в более узких рамках, это период от доклада Хрущева, до его же смещения. Однако при этом же не стоит забывать серьезные внешнеполитические события происходившие в это время, например, ввод войск в Венгрию в октябре-ноябре 1956 года. В таком случае период от смерти Сталина, до «Пражской весны» в политическом контексте разбивается на периоды усиления и послаблений, чередование «оттепелей» и «заморозков». В итоге «оттепель» в политике обернулась в основном десталинизацией и реабилитацией политических заключенных. Для Хрущева было важно произвести деструкцию образа Сталина. По всей стране сносятся памятники «вождю», его тело выносятся из мавзолея, его образ как творца победы в войне исключается вообще. Эпоха 30х-40х годов начинает восприниматься не только как эпоха построения социализма, но и как эпоха террора. Как никогда раньше возвышается роль Ленина и формируется новая преемственность от Ленина к хрущевской эпохе, минуя Сталина. Вообще Ленин для всей истории СССР от конца войны до развала, становится практически «святым», а все невзгоды воспринимаются, как временные трудности и некоторые недостатки. Во внешней же политике по отношению к своим соседям – странам социалистического блока, Советский Союз проводит особую политику «интернациональной помощи». На деле же это оборачивается вводом войск в Венгрию в 1956 г., подавлением восстания в ГДР в июне 1953 г., вмешательством в «Польский Октябрь» в 1956 г. и наконец «Пражской весной» в 1968 году. Сам Хрущев говорил: «Мы не те, которые были в клубе Петефи, а мы те, которые помогли разгромить венгров» [1, с. 8]. Таким образом, не смотря на действительную либерализацию режима, в политике СССР продолжает оставаться в первую очередь авторитарным государством, а его геополитика характеризуется силовыми методами, в первую очередь по отношению к странам социалистической направленности.

Если мы посмотрим на культурный контекст, то здесь «оттепель» проявляется ярче всего. Для успешного осуществления перемен в сознании множества людей в закрытом обществе новые течения мысли должны развиваться в рамках существующей культуры, внутри нее. Чтобы состояться, новые идеи должны принять формы, знакомые и приемлемые для среды, в которой им предстоит действовать [2, с. 15]. Однако и здесь происходит чередование «оттепелей» и «заморозков». Первым воплощением нового веяния в литературе стала статья В. Померанцева в декабре 1953 года, в журнале «Новый мир». Её суть сводилась к тому, что писатель должен выражать собственные чувства, а не повторять высшие указы, а также к тому, что искренность, чувства и эмоции – есть новые культурные ценности советской литературы [6, с. 83]. Начиналось противоборство «оттепели» с соцреализмом. Однако интересную позицию по этому поводу высказывает Александр Прохоров в своей работе «Унаследованный дискурс», посвящённой наследию сталинской культуры в

литературе и кинематографе «оттепели». Он отмечает, что деятели культуры считали, что они отказались в творчестве от сталинских практик, однако и «оттепель» продолжала развивать важнейшие тропы сталинизма в культуре: троп положительного героя, троп семьи и троп войны [6, с. 89]. Автор считает, что «оттепель» лишь улучшала старые парадигмы, приспособлявая их к новым культурным ценностям. Первая литературная «оттепель» закончилась в 1954 году, когда была раскритикована статья Померанцева, а также роман Эренбурга, а Твардовский был смещен с поста главного редактора журнала «Новый мир».

Новый этап «оттепели» начался после доклада Хрущева в 1956 году. В период с 1954 по 1958 годы появляется множество новых литературных журналов. Важным было то, что в этих журналах не было сильной цензуры, и инициатива исходила от самих писателей, а не от партийно-государственных органов. Концом этого периода можно считать судебный процесс против писателей А. Д. Синаевского и Ю. М. Даниэля, который начался осенью 1965 года. А также публикацию на западе «Доктора Живаго», это привело к очередным «заморозкам» в литературе.

В кинематографе главными событиями стали выход фильмов «Летят журавли» (1957г.) и «Иваново детство» (1962г.), а также рост количества кинокартин с 9 в 1951, до 104 в 1956 [6, с. 85]. В 1965 году создается Союз кинематографистов СССР, это стало значительным событием, так как союз отвоевывал влияние на кино у партийных структур. Кинооттепель разнится с «оттепелью» литературной, её расцвет пришелся на 1957-1967 годы, в то время, как литература в большей мере переживала последовательность «оттепелей» и «заморозков» с 1954 по 1968 годы.

В искусстве «оттепель» заканчивается с разгромом выставки в Манеже в 1962 году, где Хрущев очень резко отозвался о работах художников абстракционистов. Вообще Хрущев несколько раз встречался с представителями интеллигенции. По этим встречам видно, что хоть и «оттепель» исходила от самих представителей культуры, они формировали новые ценности и ориентиры, но партия все же оставалась руководящей силой и была настоящим регулятором «оттепели». Это видно и по разгрому выставки в Манеже, с последующим свертыванием официального абстракционизма, и по одной из встреч Хрущева с интеллигенцией, он говорит Вознесенскому: «Думают, что Сталин умер, и, значит, все можно... Так вы, значит... Да вы — рабы! Рабы! Потому что, если б вы не были рабами, вы бы так себя не вели. Как этот Эренбург говорит, что он сидел с запертым ртом, молчал, а как Сталин умер, так он разболтался. Нет, господа, не будет этого!!!», и «Нет, довольно. Можете сказать, что теперь уже не оттепель и не заморозки — а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы» [1, с. 8-9]. Таким образом даже культурная «оттепель» могла существовать только в лоне государственного дискурса, активным редактором которого был сам Н. С. Хрущев и партия, продолжавшая оставаться «умом, честью и совестью эпохи».

Подняв проблему трагедий XX века, «оттепель» дискредитировала сам официальный язык, показав, что корни его уходят в сталинскую эпоху, которая теперь в сознании многих людей связывалась, прежде всего, с массовым уничтожением человеческих жизней. После смещения Хрущева в октябре 1964 года «оттепель» не закончилась. Как мы видели выше, в различных направлениях она продолжалась до начала 70-ых. Цензура действовала достаточно умеренно только до «Пражской

весны», однако при этом стала меняться идеологическая стратегия. Период между 1965 и 1970 годами можно назвать «Временем юбилеев». Проходят пышные празднования двадцатилетнего юбилея Победы (1965 г.), впервые за долгое время проводится военный парад, вводится минута молчания, в Москве появляется «Вечный огонь». Также торжественно празднуют столетие Ленина (1970 г.) и пятидесятилетие Октябрьской Революции (1967 г.). Юбилейные торжества второй половины 1960-х имели большое политическое значение. Историю страны в XX веке теперь полагалось праздновать как череду «блестящих побед» и «славного прошлого», а не переосмыслить как масштабную трагедию и источник памяти о человеческом страдании. Многие люди разочаровались в способности власти не то что ответить на вопросы о трагедиях этого прошлого, но даже найти слова для обращения к ним. К 1966 году прямые упоминания о государственном насилии сталинской эпохи практически исчезли из средств массовой информации [2, с. 1]. Для власти стала неудобной критическая позиция по отношению к советскому прошлому, которую занимал «Новый мир». Давление на журнал резко усилилось. Вторая половина шестидесятых также стала временем, когда стратегии литературных журналов — как «Нового мира», так и его противников — обрели зрелую форму.

После сворачивания «оттепели» происходит гибель светлых идеалов и коммунистических идей, что отразилось на поколении «семидесятников», вошедших в сознательную жизнь уже после «оттепели». «Я не знаю ни одной идеи, ради которой я бы готов был биться головой об стенку, за что стоило бы бороться. У меня нет таких идеалов», — говорит герой документального фильма «Легко ли быть молодым» (1986 г.) [4, 13 мин.]. Именно это отличало «семидесятников», от предыдущего поколения «шестидесятников». Активная позиция поколения «оттепели» была связана с преобразованием мира и верой в «светлое будущее», тогда как для поколения эпохи застоя на первый план стали выходить материальные блага и бытовые вопросы [7, с. 162-163]. Новое поколение по-другому стало относиться к коммунизму. Шли годы застоя, многие понимали, что не видать им коммунизма к 1980 году, и даже материально-технической базы, обещанной Третьей Программой партии в 1961 году.

Различия в поколениях отмечаются и в культуре. Во многих песнях 50-60-х гг. прослеживается большое количество упоминаний слова «мечта» и её воплощения в жизнь. Из самых известных песен это: «Надо мечтать», «Идут за нами миллионы», «Юный товарищ помни», «Марш демократической молодежи», «И на Марсе будут яблони цвести» [7, с. 165-165]. В новое же время хитами стали песни «Надежда – мой компас земной» и «Вся жизнь впереди». Словарь Ожегова 1960 года определяет слово «мечта», как «предмет желаний и стремлений», а слово «надежда», как «ожидание, уверенность в осуществлении» [8, сл. «мечта» и «надежда»].

Перестройка возродила к жизни все горячие, больные темы, некогда поднятые «оттепелью». В общественно-политической жизни вновь, но еще сильнее происходила либерализация режима. И снова в авангарде перемен шли те же люди, что и двадцать лет назад, и происходило это в тех же освященных историей культурных формах, что и в «оттепельные» годы. Деятели культуры вновь начали переосмыс-

лять историю сталинизма, а теперь еще и эпоху застоя. Литература, может быть, в последний раз в истории России вышла на первый план политических перемен. При этом едва ли не большинство литературных текстов, ставших событиями в конце восьмидесятых и начале девяностых, были написаны в пятидесятые и шестидесятые. Здесь и «Архипелаг Гулаг» Солженицына, и «Колымские рассказы» Шаламова, и «Доктор Живаго» Пастернака, и «Жизнь и судьба» Гроссмана, и «Белые одежды» Дудинцева, и другие книги. [9, с. 15] «Оттепель» надолго определила лицо русской литературы и характер общественной мысли.

Наследие «оттепели» проявилось и в кинематографе, новые ленты затрагивают социальные темы, в них происходит поиск собственного «я» и своего места в жизни. Самые известные картины на эту тематику, это: «Курьер» (1986), «Асса» (1988), «Куколка» (1988), «Дорогая Елена Сергеевна» (1988). В последнем фильме, хорошо показывается проблема столкновения взглядов «шестидесятников», в лице Елены Сергеевны, и нового поколения в лице её учеников. Дети готовы на всё ради необходимых ответов к предстоящему экзамену, они вламываются в квартиру учительницы и ставят ультиматум, что не уйдут пока она не выдаст им ответы. Елена Сергеевна говорит своим ученикам о недопустимости подобных поступков, она рассуждает о морали и ценностях воспитанных в ней эпохой «оттепели». Елена Сергеевна является ярким представителем «шестидесятников». По утверждению Василия Аксенова термин – «шестидесятники» утвердился в сознании широкой публики как раз в разгаре перестройки и в 1990 годы. Тогда он созрел в том понимании, в котором сейчас существует [5, с. 1]. В фильме «Курьер» (1986), показывается поиск целей и места в жизни главного героя Ивана, он не знает, чего он хочет на самом деле, а все его поступки вызывают недоумение у старшего поколения. Это поколение в лице родителей Кати и друзей её родителей также задает вопрос Ивану и Кате «о чем же они мечтают?» На что Катя отвечает: «Я мечтаю быть красивой, чтобы нравиться всем мужчинам, и еще, еще я хочу ехать в красивой спортивной машине, чтобы на мне был длинный алый шарф, а на сиденье рядом магнитофон и маленькая собачка... это честно» [3, 67 мин.]. После этих слов у Кати происходит нервный срыв. Режиссер фильма пытается понять молодое поколение и показать его жизненные трудности и давление со стороны «отцов».

Также вновь по стопам «оттепели» идет тема переосмысления войны. Показываются её самые страшные стороны, в особенности то, что война затрагивает и детей. Это проявляется в фильмах «Иди и смотри» (1985) и «Завтра была война» (1989). Жестокость и злоба настоящей войны показывается в фильме «До первой крови» (1989), хоть он и не является военным фильмом. В фильмах «Собачье сердце» (1988), «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987) и «Покаяние» (1984) переосмысливается история страны.

В последние годы в науке вновь проявился интерес к эпохе «оттепели» как периоду, когда впервые за длительное время ослаб (пусть только частично) контроль партийной цензуры над культурой. Внимание к «оттепели» связано, в том числе и с тем, что в последние десять лет ушли из жизни многие деятели культуры, имена которых стали символом той эпохи (В. Аксенов, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, А. Вознесенский, А. Солженицын и др.) [9, с. 138]. Переосмысление их творчества

и их роли в развитии отечественной культуры влечет за собой и новый взгляд на ту эпоху, в которую они формировались и творили.

Таким образом, говоря о самой эпохе «оттепели», стоит отметить в первую очередь её непоследовательность и неоднозначность в политике, общественной жизни, культуре. Происходит чередование «оттепелей» и «заморозков». Власть и дальше продолжает оставаться направляющим вектором во многих сферах жизни людей. Но самое главное то, что «оттепель» действительно разморозила сталинское наследие, произошла либерализация жизни, начала проявляться свобода выражения, демократизация общественной и политической жизни. Многим людям «оттепель» подарила надежду на светлое будущее.

Но вера в «светлое будущее» сменяется восхищением «славным прошлым». Многие достижения «оттепели» сворачиваются в течении эпохи «застоя». Политика Хрущева нарекается «волюнтаризмом», в какой-то мере происходит реабилитация Сталина, отношения с западом ухудшаются, культурные деятели «оттепели» уходят в диссидентство и андеграунд. Новое поколение «семидесятников» имеет более приземленные ценности, их больше заботят вопросы быта и материального блага, в отличие от предыдущего поколения «шестидесятников». Теперь уже мало кто верил в построение коммунизма к 1980 году, да и сама власть отказалась от этой идеи, объявив эпоху «развитого социализма». Несомненно, такое положение вызывала политика, проводимая властью. Динамичное «оттаивание» сменилось перманентным холодом «застоя».

С началом «перестройки» идеи выдвинутые в эпоху «оттепели» становятся вновь актуальны. Вновь, спустя двадцать лет начинается редактирование дискурса власти в сторону либерализации и демократизации общественной жизни. Становится допустимой широкая дискуссия вокруг истории сталинизма и самой страны. Это проявляется в политике «гласности» и широком издании произведений творцов «оттепели», а также весьма активно в кинематографе.

Литература

1. Встреча Хрущева с интеллигенцией 17.12.1962 г. в Доме Приемов ЦК партии / журнал Огонёк. – 03.03.2002 // <http://kommersant.ru/doc/2289979>;
2. Козлов, Д. Наследие оттепели: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 60-х годов / Д. Козлов // НЛО. – 2014. – № 125 (1).
3. Курьер [кинофильм] / реж. Карен Шахназаров. СССР, Мосфильм. – 1986.
4. Легко ли быть молодым [кинофильм] / реж. Юрис Подниекас. СССР, Рижская киностудия. – 1986.
5. Липкин, А. И. О месте шестидесятников и «оттепели» в истории России.
6. Прохоров, А. Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели» / перевод с англ. Л. Д. Семенов и М. А. Шерешевской. Издательство ДНК. – СПб, 2007. – 344 с.
7. Разномыслие как предпосылка перестройки / Д. Травин, Е. Травина // сборник материалов научной конференции «Разномыслие в СССР и России» (1945-2008). – 2010. – 366 с.

8. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. // РАН – 4-е изд. (1960). – 1999.
9. Чикишева, О. В. «Оттепель» как историко-культурный феномен и предмет современного научного осмысления: региональный аспект / О.В. Чикишева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – №1. – С. 138-142.
10. Эренбург, И. Г. Собрание сочинений, том 9. Люди, годы, жизнь, книга VI. – 1662.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БИОЛОГИИ 1950-х гг.:
КАЗУС ПРОФЕССОРА П. М. ЖУКОВСКОГО**

Петрова Т.М., Балакин В.С.

В статье анализируются последствия политического вмешательства в науку на примере советских генетики и биологии, рассматриваются причины противостояния П.М. Жуковского и Т.Д. Лысенко до и после августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ, а также значение «письма трехсот». Анализируются причины усиления политико-идеологического давления на биологов и раскрывается требование властей к биологам значительно усилить практическую направленность исследований. Показано как власти одновременно пропагандировали и поддерживали «выдвиженцы из народа», которые должны были заменить «буржуазных спецов». Освещается механизм репрессий ученых «старой школы». Освещается проблема выбора учеными моделей поведения в условиях «политико-идеологического давления» и в частности адаптация к социальной среде (конформизм).

Ключевые слова: П.М. Жуковский, Т.Д. Лысенко, «мичуринская биология», генетика, ВАСХНИЛ, «письмо трехсот», XX Съезд ЦК КПСС.

The article considers reasons for opposition P.M. Zhukovsky and T.D. Lysenko before and after the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences of the Soviet Union session in August of 1948, as well as «letters to three hundred». Also analyzes the consequences political interference in science by the example of Soviet genetics and biology.

Keywords: P.M. Zhukovsky, T.D. Lysenko, «michurin's biology», genetics, VASHNIL, «three hundred's letter», XX Congress of the CPSU.

В последнее время отечественные ученые проявляют особый интерес к ситуации, складывавшейся вокруг генетики и биологии в конце 1940-х – начале 1960-х гг. Часть из них посвящают свои научные труды «счищению испачканных промокашек с имени Лысенко», другие, наоборот, рассуждают о трагедии, постигшей советскую биологию в середине прошлого века. Последствия так называемой «лысенковщины» оцениваются в общественном мнении по-разному.

Разгром биологической науки рассматривался советским правительством в качестве одного из фронтов идеологической борьбы. Начало компании по борьбе с «безродным космополитизмом» привело к росту политико-идеологического давления, а затем и к репрессиям представителей научной интеллигенции. В 1935 г. место Н. И. Вавилова на посту президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина занял Т. Д. Лысенко, что стало отправной точкой для последующих в советской биологии событий. В 1936 г. была организована

специальная сессия ВАСХНИЛ по борьбе с «буржуазной генетикой», а в 1937 состоялся разгон Медико-генетического института и арест всех его руководителей во главе с С.Г. Левитом. События конца 1940-х гг. стали закономерным продолжением борьбы партийного руководства с «низкопоклонством перед Западом».

В связи с этим, отметим, что биографии ведущих ученых тех лет изучены недостаточно. К их числу относится и жизнь Петра Михайловича Жуковского, крупнейшего советского ботаника-систематика, который то критиковал деятельность Т. Д. Лысенко, то признавал ошибочность собственных взглядов.

Для того чтобы понять мировоззренческие принципы Жуковского необходимо рассмотреть его основные научные идеи. Петр Михайлович был видным специалистом в сфере семеноводства и агрометеорологии. Среди его учителей были В. А. Ротерт, Ф. М. Каменский, В. В. Половцов. В 1913 г. в ходе исследований Тянь-Шаня Жуковским был собран богатый материал по флоре Узбекистана. В 1919 году Жуковский был назначен директором Тифлисского ботанического сада, начав, таким образом, свою педагогическую деятельность. В последующие годы, Петр Михайлович работал в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, Ленинградском университете, Московском фармацевтическом институте. Один из его студентов, Жорес Медведев, писал о том, что: «Профессор Жуковский был наиболее популярным и авторитетным ученым нашей академии. Он был академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии и автором считавшегося лучшим учебника ботаники» [8, с. 115].

Власти требовали от биологов значительно усилить практическую направленность исследований. Одновременно пропагандировались и поддерживались «выдвиженцы из народа», которые должны были заменить «буржуазных спецов». Поэтому «народные академики» типа Т. Д. Лысенко были востребованы. Многие ученые «старой школы» подверглись репрессиям, ряд исследователей были вынуждены прекратить свои разработки и посвятить себя другим областям деятельности. Немалую роль в разгроме советской биологии сыграл Трофим Денисович Лысенко, появившийся на научном горизонте в 1928 г. Суть его «интерпретации» идей И. В. Мичурина, сводилась к следующему. Во-первых, гены как единицы наследственности отрицались. Во-вторых, признавалась адекватность изменений наследственности изменениям в условиях жизни. В-третьих, утверждалось, что прививки растений изменяют их наследственность. Таким образом, суть «мичуринского учения» сводилась к обобщению идей XIX века и мало что общего имела с взглядами самого И. В. Мичурина.

В связи с тем, что Лысенко и его последователи отвергали законы наследственности Г. Менделя, концепцию А. Вейсмана об отсутствии наследования свойств, приобретенных в течение индивидуальной жизни, а также хромосомную теорию наследственности Т. Моргана была создана практически ругательная формула «менделизм-вейсманнизм-морганизм». Открытия зарубежных генетиков определялись как «идеалистические».

С 5 января 1946 г. газета «Соцземледелие» начала регулярно печатать статьи Лысенко, посвященные доказательству наличия межвидовой и отсутствию внутривидовой борьбы среди растений. Будучи уверенным в прочности своей аргументации, Лысенко предложил П. М. Жуковскому написать критические замечания, ко-

торые пообещал напечатать рядом со своей статьей в журнале «Агробиология». Прочитав статью Петра Михайловича, написанную по его же просьбе, Лысенко категорически отказался передать ее в печать. Тогда Жуковский решил не сдаваться и в том же году в журнале «Селекция и семеноводство» опубликовал свои критические заметки под названием «Дарвинизм в кривом зеркале», где обстоятельно развенчивал положения Лысенко [3].

В ответ Лысенко принялся переиздавать свою статью в различных изданиях, чтобы создать видимость общественной поддержки его теории. Затем, 23 июня 1948 г. в «Правде» был напечатан официальный ответ Жуковскому под злобным названием «Не в свои сани не садись». Известный ученый был представлен следующим образом: «Автор рецензии весьма обстоятельно показал свое незнание теории дарвинизма и большую способность к извращению смысла приводимых им цитат других авторов. ... В своей статье я отрицаю внутривидовую борьбу и признаю межвидовую. Жуковский ничего этого не понял по причине непонимания элементарных основ теории дарвинизма, но все же решил возражать как угодно и чем угодно...» [5]. В связи со статьей Жуковского, журнал «Селекция и семеноводство» опубликовал также статью Дворянкина, наиболее активного сторонника Лысенко, озаглавленную «Дарвинизм в менделистском зеркале», основную часть которой составляла ругань [2]. Через некоторое время Лысенко снова выступил в журнале «Агробиология» со статьей «О кривом зеркале и некоторых антидарвинистах» [7]. В связи с данными фактами, можно заметить, что заголовок статьи Жуковского сильно задел лысенковцев, так как с этого момента была начата травля профессора, причисленного к антидарвинистам и морганистам, несмотря на то, что прямого отношения к генетике он никогда не имел.

На этом противостояние Жуковского и Лысенко не закончилось. В 1947 г. в статье «Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых?» Трофим Денисович писал: «Но я знаю, что внутривидовую конкуренцию еще и у нас признают некоторые биологи, например, профессор П. М. Жуковский. Я отношу это к буржуазным пережиткам. Внутривидовой борьбы в природе нет, и нечего ее в науке выдумывать. Идет острая борьба идей, а новое всегда встречает сопротивление старого. Но у нас, в Советском Союзе, новое всегда побеждает» [6]. Дополнительный вес статье придавали и восхваления Лысенко со стороны корреспондента «Литературной газеты»: «... главное – Ваши научные доклады не просто «точка зрения»: они подтверждены богатейшей практикой» [6].

С 31 июля по 7 августа 1948 г. прошло расширенное заседание Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), ставшее ключевым событием в противостоянии «мичуринской» и классической биологии. Всего на сессии выступило 57 ученых, 8 из которых (И. А. Рапопорт, Б. М. Заводский, С. И. Алиханян, П. М. Жуковский, И. М. Поляков, А. Р. Жебрак, И. И. Шмальгаузен, В. С. Немчинов) критиковали теорию Лысенко. Во время восьмого заседания сессии Алиханян, Поляков и Жуковский защищали хромосомную теорию наследственности. Однако, 6 августа после заключительного слова Трофима Денисовича, в котором сообщалось об одобрении его доклада Центральным Комитетом ВКП(б), им пришлось выступить с заявлениями о признании собственной

неправоты и желаний в дальнейшем работать под руководством партии для развития «мичуринской биологии».

Многие современники пишут о том, как развивалась интрига вокруг Юрия Жданова, критиковавшего некоторые взгляды Лысенко. За день до публикации письма Ю. Жданова в газете «Правда» (оно было прислано Сталину около месяца назад), некоторые ученые, в том числе Жуковский, звонили заместителю министра сельского хозяйства П. П. Лобанову. Данный шаг был направлен, во-первых, на заверение замминистра в согласии ученых с позицией Лысенко, во-вторых, на выражение желания выступить с публичным заявлением о признании собственных научных ошибок, в-третьих, на отведение подозрений в возможной солидарности с позицией Жданова. Данный факт подтверждается первыми строками выступлений ученых: «Товарищи, вчера поздно вечером я решил выступить с настоящим заявлением. Говорю вчера поздно вечером намеренно, потому что я не знал о том, что сегодня в «Правде» появится письмо товарища Ю. Жданова и никакой связи поэтому между настоящим моим заявлением и письмом товарища Ю. Жданова нет» (П.М. Жуковский) [9, с. 414]. «Товарищи, я попросил слово у председателя не потому, что сегодня прочел в «Правде» заявление Юрия Андреевича Жданова. Я решил сделать заявление еще вчера, и заместитель министра сельского хозяйства П.П. Лобанов может подтвердить, что разговор об этом был еще вчера, 6 августа» (С. И. Алиханян) [9, с. 414].

Подобный случай можно назвать одним из наиболее показательных примеров вынужденного договора с совестью под напором диктатуры партии. Так, в своей речи 4 августа Жуковский сказал: «Наши расхождения заключаются в основном в двух вопросах: это, во-первых, хромосомная теория наследственности и, во-вторых, влияние внешних условий ... Было бы печально, если бы вся группа генетиков, которую зачислили в менделисты-морганисты, стала бы тут на трибуне отрекаться от хромосомной теории наследственности. Я этого делать не собираюсь» [9, с. 414]. И все же через два дня на заключительном заседании Петр Михайлович: «Мое выступление два дня назад, когда Центральный Комитет партии намечал водораздел, который разделяет два течения в биологической науке, было недостойно члена Коммунистической партии и советского ученого... я полагаю, что на мне лежит моральный долг быть честным мичуринцем, быть честным советским биологом. Товарищи мичуринцы! Если я заявил, что перехожу в ряды мичуринцев и буду их защищать, то я делаю это честно» [9, с. 414]. Этот доклад Жуковского неоднократно прерывалось благосклонными аплодисментами.

Скорее всего, биологи были вынуждены пойти на компромисс с собственными идеями, так как любое несогласие с ЦК ВКП (б) могло иметь негативные последствия и не только для научной работы. Даже во фразе Жуковского «Товарищи мичуринцы!» читается явный подтекст, т.к. практически все советские агрономы и биологи были продолжателями традиций И. В. Мичурина, но не все, однако, причисляли себя к последователям Т. Д. Лысенко.

Слова, сказанные Петром Жуковским в разговоре со своим учеником Ж. Медведевым 10 августа в Никитском саду также свидетельствуют о том, что ученому пришлось пойти на соглашение с властью, заключив с ними «Брестский мир ... Поганный мир ... ради своих учеников» [7].

Через день после закрытия августовской сессии ВАСХНИЛ на должности директора Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева и членов комитета вместо В.С. Немчинова и П.М. Жуковского были утверждены В.Н. Столетов (директором), Д.А. Долгушин и П.Н. Яковлев (членами комитета).

Следующий виток противостояния лысенковцев с учеными-биологами пришелся на 1955 г. 11 октября в президиум ЦК КПСС было направлено так называемое «письмо трехсот», критикующее деятельность Лысенко. Его подписали 297 учёных. Авторы писали о И. В. Мичурине как о выдающемся русском селекционере, чьи идеи никоим образом не соответствуют теориям Т.Д. Лысенко. Кроме того, в ЦК были переданы и другие письма. Среди них было и обращение П. М. Жуковского. В своем письме он выразил убежденность в том, что «акад. Лысенко из года в год продолжает безудержно извращать науку, вносить в нее мусор, проповедовать элементарную ботаническую неграмотность, внедряя при этом аракчеевский режим в биологии» [4, с. 32]. В результате данного коллективного обращения произошла смена руководства Отделением биологических наук АН СССР. Новым секретарем отделения был назначен В.А. Энгельгардт, которому было предложено ликвидировать отставание в важнейших областях экспериментальной науки.

Следует отметить, что к середине 1950-х гг. для многих представителей науки стало очевидно, что сельскохозяйственная практика Лысенко показала свою полную недееспособность. Решение Пленума ЦК КПСС 1955 г. о производстве гибридных семян для посева кукурузы поставило в повестку дня вопрос о пересмотре итогов августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Весной 1956 г. о пагубном влиянии ее идей на развитие генетики говорилось на собраниях актива научных работников Ленинграда и Москвы, обсуждавших задачи совершенствования исследовательской работы в свете решений XX съезда партии. Тем не менее, в декабре 1958 г. произошли события, существенно затруднившие дальнейший диалог. Н. С. Хрущев, комментируя речь представителя ЦК КП Азербайджана И. Д. Мустафаева, высказавшего удивление по поводу отношения периодической печати к идеям Лысенко, заметил: «Надо кадры посмотреть. Видимо в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставить других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса» [1, с. 145]. Воспользовавшись поддержкой Хрущева, Трофим Денисович на Пленуме обрушился с критикой на своих оппонентов по вопросам наследственности, одновременно выдвинув идею о выведении жирномолочных пород крупного рогатого скота.

После возвращения в 1961 году Лысенко и его сторонников к власти Жуковский уволился с должности директора ВИРа и занялся научной работой. Петр Михайлович был рад, что ему удалось уйти и сосредоточиться на написании книг, которые, к сожалению, долгое время не издавались.

В 1964 г., после октябрьского Пленума ЦК КПСС стало возможным окончательно показать полную несостоятельность идей Лысенко. Комиссия Академии наук, изучив деятельность подсобного хозяйства «Горки Ленинские», пришла к выводу об их бесплодности. После отставки Хрущёва в 1965 г. Лысенко был снят с должности директора Института генетики АН СССР, а сам институт был преобразован в Институт общей генетики АН СССР.

Таким образом, урок партийно-государственных кампаний 1940-х – начала 1960-х гг. заключается в том, что власть не должна вмешиваться в логику развития науки, а кадровые решения не должны зависеть от позиции политического лидера. Сегодня стала более понятной проблема выбора учеными моделей поведения в условиях «политико-идеологического давления». Наиболее преобладающей была адаптация к социальной среде (конформизм). Не многие ученые отважились активно противостоять властям, так как «партийное руководство» поддерживало лишь ту точку зрения, которая была наиболее близка к их собственным взглядам.

Литература

1. XX съезд КПСС и его исторические реальности [Текст]: коллективная монография / под ред. В. В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.
2. Дворянкин, Ф. А. Дарвинизм в менделеевском зеркале [Текст]: статья / Ф. А. Дворянкин // Селекция и семеноводство. – 1946. – № 1–2.
3. Жуковский, П. М. Дарвинизм в кривом зеркале [Текст]: статья / П.М. Жуковский // Селекция и семеноводство. – 1946. – № 1–2.
4. Захаров, И. К., Шумный, В. К. Новое о «письме трехсот» - массовом протесте советских ученых против лысенковщины в 1955 г. [Текст]: статья / И. К. Захаров, В. К. Шумный // Вестник ВОГиС. – 2005. – Т. 9. – № 1. – С. 12 – 33.
5. Лысенко, Т. Д. Не в свои сани не садись (ответ проф. П. М. Жуковскому на рецензию «Дарвинизм в кривом зеркале») [Текст]: статья / Т.Д. Лысенко // Правда. – 23 июня 1946 г. – № 152 (10234). – С. 5.
6. Лысенко, Т. Д. Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых? [Текст]: статья / Т. Д. Лысенко // Литературная газета. – 18 октября 1947 г. - № 47 (2362). – С. 4.
7. Медведев, Ж. А. Биологическая наука и культ личности [Электронный ресурс]: статья / Ж. А. Медведев. – М., 1969. –http://antology.igrunov.ru/authors/zh_medvedev/razgrom.html (дата обращения 1. 04. 2016 г.)
8. Медведев, Ж. А., Опасная профессия [Текст]: статья / Ж. А. Медведев // Историко-биологические исследования. – 2011. – Том 3. – № 2. – С. 109 – 123.
9. Сойфер, В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР [Текст]: монография / В. Н. Сойфер. – М.: Лазурь, 1993. – 706 с.

РЕАБЕЛИТАЦИЯ ИЛИ АМНИСТИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ 1953-1962 ГГ.

Широкова Д.С., Мирошниченко М.И.

В статье рассматриваются политические практики реабилитации лиц, необоснованно репрессированных в эпоху сталинизма, в сравнении с особенностями амнистирования. Выявлены общие и характерные черты этих процессов, развернувшихся в 1953-1962 гг. Приведены фактические данные, свидетельствующие о продолжении процесса реабилитации репрессированных по политическим мотивам в 1988, 1992, 2006 гг.

Ключевые слова: тоталитаризм, политические практики, политические репрессии, реабилитация, амнистия.

The article describes the political practice of rehabilitation victim of political repression in the Stalin era compared with the features of amnesty. Common and distinctive features were determined this processes, which passed at 1953-1962. There is evidence that process of rehabilitation victim of political repression continues at 1988, 1992, 2006 years.

Keywords: totalitarianism, the political practice, political repression, rehabilitation, amnesty.

Изучение политических репрессий, процессов реабилитации – одна из актуальных тем в современной исторической науке [2; 4]. Интерес исследователей к этой проблематике за последние десятилетия значительно возрос [1; 3; 6]. Поскольку период «оттепели» (март 1953 г. – 1961 г.) находится в центре многолетних дискуссий, важно исторически верно реконструировать основные культурные, в первую очередь, политические практики реабилитации лиц, необоснованно репрессированных в период тоталитаризма в СССР.

Широкие возможности к этому открывает культурная история. Это один из новых методологических подходов, появившихся в исторической науке со второй половины XX в. Её предметом выступает история социокультурных форм, процессов и коммуникаций, культурных значений, коллективных представлений и символов, различных стилей мышления [7, с. 184-189].

После смерти И. В. Сталина, 5 марта 1953 г., в центре политической борьбы внутри Политбюро ЦК КПСС встал вопрос о преемственности власти. Несмотря на сильные позиции Л. П. Берии, Н. С. Хрущев при поддержке Г. К. Жукова был избран Первым секретарем ЦК КПСС и занимал этот пост с 1953 г. по 1964 г. В 1958 г. он стал Председателем Совета министров СССР. Политика Н. С. Хрущева рассматривается, главным образом, через призму его доклада на XX съезде КПСС. В выступлении Н. С. Хрущева открыто был признан «культ личности»

И. В. Сталина, подвергнута критике деятельность И. В. Сталина по организации массовых репрессий. На июньском (1957 г.) Пленуме в 1957 г. ЦК КПСС готовившие «аппаратный заговор» В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Л. М. Каганович были названы виновниками необоснованных арестов, смертных приговоров и других репрессий, осуществлявшихся по ложным обвинениям в 1930-е гг. [5, с. 215].

Под юридической реабилитацией понимают восстановление в правах, отмену необоснованного обвинения невиновного лица либо группы лиц из-за «отсутствия состава преступления», восстановление утраченного доброго имени. Индивидуальные реабилитации начались по отдельным заявлениям еще при Г. М. Маленкове. После открытого признания «культы личности» И. В. Сталина в 1956 г. процесс реабилитации принял массовый характер. Доброе имя было возвращено миллионам людей. Важным источником изучения процесса политических реабилитаций в постсталинскую эпоху выступают специфические справочные издания – «Книги памяти жертв политических репрессий...». Такие книги были созданы в период с 1990-х г. по начало 2010-х гг. на основе материалов дел, хранившихся в архивах административных органов.

В числе реабилитированных – имена Н. И. Вавилова, В. Э. Мейерхольда, Б. А. Пильняка, И. Э. Бабеля и др. Многим доброе имя было возвращено только после смерти. При этом в середине 1950-х гг. дата смерти и причина смерти родственникам часто сообщались неверно: к примеру, вместо расстрела в 1938 г. – воспаление легких или сердечный приступ, инсульт в 1955 г., 1956 г.

Не подлежали реабилитации организаторы массовых репрессий лица, занимавшие пост народного комиссара внутренних дел (Г. Ягода, Н. В. Ежов, Л. П. Берия), и некоторые другие категории сотрудников НКВД.

Реабилитация, проводившаяся в исследуемый период, на часть лиц не распространялась. Так, поэт О. Э. Мандельштам (1891-1938 гг.), автор знаменитого стихотворения про «кремлевского горца» («Мы живём, под собою не чуя страны...») был реабилитирован посмертно поэтапно. Сначала в 1956 г. – по делу 1938 г., а по делу 1934 г. – лишь в 1987 г. Занимавшие до 1929 г. высшие руководящие посты в партийно-советском аппарате Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин и А. И. Рыков были реабилитированы лишь в 1988 г. В 1992 г. был реабилитирован поэт Н. Гумилев, расстрелянный в ночь на 26 августа 1921 г. по делу о заговоре В. Н. Таганцева. В.Н. Таганцев также был реабилитирован в 1992 г. Третья жена Г. Е. Зиновьева – Е. Я. Ласман – была реабилитирована лишь в 2006 г.

Амнистия (от греч. – забвение, прощение) – это мера, применяемая по решению органа государственной власти к лицам, совершившим преступления. Её сущность заключается в полном или частичном освобождении круга лиц от уголовной ответственности, замене наказания на более мягкое. В исследуемый период в СССР было объявлено 5 амнистий: две – в 1953 г., одна – в 1955 г. и две – в 1957 г. Реабилитация отличается от амнистии полным восстановлением прав и репутации ввиду ложного (неверного) обвинения.

Согласно указу «Об амнистии», утвержденному Президиумом ЦК КПСС 27 марта 1953 г., из мест заключения было освобождено на 10 августа 1953 г. 1,032 млн. человек. Это заключенные, осужденные на срок до 5 лет включительно, арестованные за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, а

также: несовершеннолетние, престарелые, больные, женщины, имеющие малолетних детей и беременные.

Вторая амнистия была связана с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1953 г. Им отменялся запрет применять амнистию к лицам, осуждённым за преступления, предусмотренные «законом 7/8». Так называлось в народе постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Амнистия 8 сентября 1953 г. распространялась и на лиц, осужденных на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией».

Третья амнистия проводилась 17 сентября 1955 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Из мест заключения и от других мер наказания освобождались лица, осуждённые на срок до 10 лет лишения свободы включительно, за пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. 58 о контрреволюционной деятельности (пунктами 1, 3, 4, 6, 10, 12). Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик. Независимо от срока наказания освобождались лица, осуждённые за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Прекращалось уголовное преследование за преступления, совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по вышеуказанной статье. Ст. 58, введенная Уголовным кодексом РСФСР в 1922 г., была исключена из Уголовного кодекса РСФСР в 1961 г. На карателей, осуждённых за убийства и истязания советских граждан, амнистия не распространялась.

Кроме того, акт об амнистии содержал положения, направленные на репатриацию советских граждан, находившихся за границей. Так, лица, сдавшиеся в плен врагу в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. или служившие в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, освобождались от ответственности. Граждане, занимавшие на оккупированных территориях руководящие должности в органах полиции, жандармерии и пропаганды, вовлеченные в антисоветские организации в послевоенный период, освобождались от ответственности в тех случаях, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью или явились с повинной.

Таким образом, многие осужденные по антидемократическому закону «О трёх колосках» фактически оказались приравнены к уголовным преступникам, выпущенным по первой и пятой амнистиям. Процессы реабилитации, безусловно, свидетельствовали о демократизации общественной жизни и были важнейшим признаком десталинизации общества. Однако они всё же не были полностью последовательными. Общество оказалось неготовым сказать своим гражданам всю правду до конца.

Литература

1. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. [Текст] : монография / Ю. В. Аксютин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 486 с.

2. История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий : мат. междунар. научн. конф. СПб, 18-20 октября 2012 г. [Текст] : сб. ст. / Сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. – М.: РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013. – 485 с.

3. Кип, Дж. Эпоха Иосифа Сталина в России : Современная историография [Текст] : монография / Дж. Кип, А. Литвин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 328 с.

4. Криворученко, В. К. Коллизии «хрущевской оттепели»: Страницы отечественной истории 1953-1964 годов XX столетия [Текст] : монография / В.К. Криворученко, А. В. Пыжиков, В. А. Родионов. – М.: Социум, 1998. – 230 с.

5. Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М : Постановление Пленума ЦК КПСС 29 июня 1957 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). Т. 9. 1956-1960 [Текст] / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова – М.: Политиздат, 1986. – С. 184-189.

6. Сандлер, А.С. Современники ГУЛАГа : Книга воспоминаний и размышлений [Текст] : сб. / А. С. Сандлер, М. М. Этлис. – Магадан: Кн. изд-во, 1991. – 557 с.

7. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь [Текст] : монография / отв. ред. А. О. Чубарьян – М.: Аквилон, 2014. – 575 с.

УДК 323.21:659
ББК 66.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

Краснопёров А.Ю.

Статья посвящена проблеме репрезентации в Интернете. Автор исходит с позиции феноменологического подхода к пониманию образа, но при этом предлагает различать процессы репрезентации при использовании различных СМК. Статья является частью более обширного исследования. Она состоит из двух информативных частей. В первой части автор обозначает основные подходы к пониманию образа, затем вводит основные категории: образ, репрезентация. Здесь же представлен краткий обзор основных теоретиков, на чьих трудах базируются предпосылки данной работы. Перед тем, как перейти к следующей части статьи, автор показывает степень интеграции Интернета в общественную жизнь и его влияние на нее. Во второй части статьи производится сравнение процессов репрезентации в Интернете и вне его (по аналогии с исторической репрезентацией по П. Рикёру). Материал сопровождается иллюстрациями. Далее рассматривается специфика репрезентации в Интернете и выводится уравнение для определения актуальных для пользователя онлайн-ресурса репрезентативных текстов. Обозначаются рамки возможного влияния власти-конструктора на процесс репрезентации самой себя с использованием Интернета. Учитывать следует не только содержание контента (тексты, дизайн, структура, юзабилити), но также поведение пользователей относительно данного контента.

Ключевые слова: Интернет, репрезентация, конструирование, политическая власть, конструктор, пользователь, контент.

The article dedicates to the problem of representation in the Internet. The author is based on the position of a phenomenology philosophy to the understanding of the image, but at the same time he suggests to distinguish the processes of representation in different kinds of media. The article is a part of a big research. It consists of two informative parts. In the first part, the author refers to the main approaches to the understanding the image, then he introduces basic categories: the image and the representation. There is also a short overview of the main theorists, whose works this research are based on. Before moving on to the next part of the article, the author shows the extent of integration of the Internet into public life and its effect on her. In the second part of the article there is a comparison the representation processes in the Internet with the one outside the Internet (by analogy with the historical representation by P. Ricoeur). The text is accompanied by illustrations. Next, we consider the specificity of the representation in the Internet and deduce an equation for determining the relevant representative texts for online-users.

We denote the possibilities for the power to influence on the process of itself representation using the Internet. Not only the content should be considered (texts, design, structure, usability), but also user behavior regarding this content.

Keywords: Internet, representation, construct, political power, constructor, user, content.

В российском политологическом дискурсе можно выделить два подхода к пониманию образа – теория отражения и теория социального конструирования реальности [1, с. 71]. В рамках первой теории образ отражает действительность и является объективно детерминированным, а одно из определений политического образа звучит как «отражение политической власти, личности лидера и аналогичных феноменов политической сферы в массовом и индивидуальном сознании граждан» [2, с. 119]. То есть, образ в данном понимании представляет собой проекцию как реальных свойств объекта, так и ожиданий субъекта восприятия [3, с. 12]. С точки зрения феноменологии, в контексте которой лежит содержание данной работы, мир и его составляющие воспринимаются человеком не напрямую, а посредством символических образов. В рамках данного подхода образ политики не отражает объективной реальности (само понимание реальности как объективной в таком случае подлежит сомнению, она мыслится как социальный конструкт), «он заведомо искусственно создан и символичен» [1, с. 72].

Учитывая тот факт, что образ является производной сознания, сам он остается невидимым, но может воплощаться в языке, визуально или посредством других способов, то есть с помощью знаков. Знаки, в свою очередь, могут быть подразделены на индексальные, иконические и символические [4, с. 75-96]. Знаки – это способ выражения образа, но они не являются им самим. Так, например, изображение не равняется образу. Как пишет об этом В. Круткин: «Изображение – это способ, каким образ становится видимым. Сам образ невидим. Изображение и образ не совпадают, мы можем уничтожить изображение, но это невозможно сделать с образом» [5, с. 7]. Получается, что «человек политический общается в процессе политической коммуникации именно с образом-репрезентантом, а точнее с посредничающим миром <...> политических образов» [5, с. 7] (в оригинале речь идет о визуальных образах, но в нашем случае сюда включаются также иные аспекты).

При этом знаки обладают двумя характеристиками – значением и содержанием. Для обоснования данного тезиса мы ссылаемся на концепцию означаемого и означающего, которая впервые была сформулирована Фердинандом де Соссюром [6, С.100]. Согласно ей, как означаемое, так и означающее определяют собой знак. При этом означающее – то, что доступно для считывания, или форма, которую может принимать знак. В то время как означаемое представляет смысловое содержание знака, которое передается означающим. Предложенная Соссюром концепция несколько раз подвергалась изменению со стороны других мыслителей и исследователей (Л. Ельмслев, К. Леви-Стросс, Э. Бенвенист, Ж. Деррида и др.). Однако мы будем придерживаться понимания, заложенного Соссюром, согласно которому означаемое и означаемое являются неотделимыми друг от друга, соединяясь в знаке.

С понятием образа тесно связано понятие репрезентации, которому до сих пор трудно дать однозначное определение. Мы должны отличать репрезентацию от презентации. Презентация выступает как представленность, наличие, в то время как репрезентация претендует на связку с категориями «образ» и «представление». Вернемся к примеру с изображением, в частности – фотографией. Фотография является собой не что иное, как иконический тип знака (любопытно при этом, что в силу своей специфики фотография может включать в себя иные типы знаков, по аналогии с книгой). То, что мы видим на фотографии, – совокупность частей изображения – мы называем означающим (презентацией). А то, что мы считываем с фотографии, ее содержание, смысл (означаемое) вкуче с когнитивным и эмоциональным содержанием мы относим к репрезентации.

Репрезентация работает также в отсутствии оригинала (если он вообще существует). Так, Бейтс, стремясь расширить понимание репрезентации Пиаже как синонима символизации, писал, что репрезентация – это «вызывание в памяти различных процедур действия для оперирования с объектом при отсутствии перцептивного подкрепления со стороны объекта» [7, с. 96]. Мы согласны с Бейтсом в том, что образами можно оперировать без привязки к непосредственно к объекту. Тем самым люди имеют возможность делиться информацией друг с другом посредством языка. Или, как выразился Джекендофф, «люди обладают тем, о чем они могут говорить только благодаря тому, что это [информация об этом] уже было ранее репрезентировано ментально» [7, с. 106].

Итак, репрезентация – это представление об объекте (в рамках данной работы – политическом), выраженное в образе-конструкте. Этот образ-конструкт формируется одновременно двумя путями: спонтанно, «выступая порождением конкретной социально-политической культуры общества» [8, с. 16], и целенаправленно, с помощью политических технологий. Нас интересует второй аспект, когда власть выступает в роли конструктора смыслов.

В исследовательских работах широко представлена точка зрения, что реальность не «отражается», но создается с помощью СМИ и существует лишь в пределах репрезентации. В современную эпоху проблема реальности еще более актуальная, так как границы информационного обхвата для каждого человека широки как никогда. Множество СМИ и других посредников связывают человека современного с разными точками мира, позволяя ему получить огромный массив информации. Эти посредники становятся еще одной призмой мировосприятия и взгляда на действительность. Объективная реальность и имитация этой реальность сегодня практически неразличимы. Так, видеоряд, воспринятый через телевизор, становится частью нашей реальности, несмотря на то, что сама «реальность, прежде чем попасть в эфир в виде телевизионного сообщения проходит несколько этапов перевода» [9, с. 336]. Отсюда актуален знаменитый вывод Маклюэна о том, что «средством коммуникации есть сообщение» [10, с. 10]. Ведь в процессе перевода на язык медиа, информация обрабатывается и кодируется определенным образом (посредством отобранных знаков), что не может не влиять на ее восприятие и последующую интерпретацию. Другими словами, средство коммуникации закладывает в транслируемую информацию собственные смыслы.

Более того, посредники всегда несут ограниченный объем информации, т.е. предусматривается процесс отбора фактов, изображений, посылов, сопровождения. Описанное здесь идет дальше, чем феномен опосредованного опыта по Э. Гидденсу. Мы скорее склонны согласиться с Ж. Бодрийяром, который говорит о гиперреальности, т.е. стирании границы между реальным и субъективным [11]. Согласно его пониманию, «статус репрезентации и реальности в современной культуре не различается; в ней доминируют симулякры – знаки без референта, образы, не имеющие подобия, отрицающие не реальность, а различия между ней и образами» [9, с. 336].

Как уже говорилось выше, в данной статье будет рассматриваться ситуация, когда власть выступает в роли конструктора самой себя, действуя посредством СМК. Мы согласны с трактовкой Н.Г. Щербининой (и учитывая вывод Маклюэна о медиа как сообщении) в том, что СМК в таком случае «из обычного посредника медиа превращаются в со-конструктора виртуальной политической реальности» [5, с. 6]. В роли доминирующего (или, в крайнем случае, претендующего на роль доминанты) СМК мы рассматриваем Интернет, о котором и пойдет речь дальше.

Почему Интернет? В эпоху современности, которую многие исследователи характеризуют как информационную, мы становимся свидетелями двух взаимосвязанных (если не сказать больше – взаимозависимых) процессов.

Первый достаточно подробно рассмотрен в знаменитой работе М. Кастельса «Галактика Интернет», в которой он скрупулёзно описывает возрастающую роль Интернета в современном мире и те изменения, которые это за собой влечет. В этой работе поднимается ряд вопросов, которые выходят за рамки только коммуникации, но охватывают собой проблемы трансформации экономики, возникновения новой культуры, новых форм образования, новых сообществ и т.п. Все вместе эти процессы свидетельствуют о том, что здесь будет называться информатизацией. Под ней понимается возрастающая роль информационных технологий, в частности Интернета, в большинстве сферах общественной жизни, в том числе политической. Отметим, что к концу 2015 году в мире насчитывалось свыше трех миллиардов и трехсот шестидесяти шести миллионов пользователей [12], что составляет почти 50% от населения Земли. Даже на наименее интернетизированном материке, Африке, количество пользователей достигает 28,6% от общего числа населения [12]. Для России этот показатель свыше ста трех миллионов человек, или 70,5% населения, что практически соответствует среднему по Европе – 73,5% [12].

Второй процесс представляет собой развитие Интернета и связанных с ним технологий. Он затрагивает как доступные формы коммуникации посредством Интернета (от электронной почты и чата до групповых виртуальных 3D-конференций), так и совершенствование типов и мощностей носителей информации (от привязанного к конкретному месту персонального компьютера до мобильного устройства, способного обрабатывать большие объемы потоковой информации).

Оба этих процесса вместе оказывают ощутимое влияние на политическую сферу, в особенности публичную политику. Происходит это двумя путями - стихийным (в силу объективных причин граждане используют Интернет для обмена информацией и общения на политические темы) и целенаправленным (через ука-

зы, стратегии, программы и законы со стороны власти, а также проекты электронной демократии, представленные инициативными разработчиками со стороны общности, бизнеса и различных общественных движений).

Итак, мы получаем, что Интернет (шире – информационные технологии) играет все большую роль в процессе политической коммуникации, а сложность его возрастает с течением времени. С его помощью мы оформляем бумаги, узнаем о новостях, высказываем свое мнение, объединяемся в сообщества и даже голосуем за кандидатов. Особым звеном сегодня являются так называемые сайты электронного правительства и электронной демократии. Все больше пользователей предпочитают Интернет для получения новостей и взаимодействия с властью или единомышленниками. Другими словами, Интернет становится призмой, сквозь которую пользователи смотрят на мир, и на других пользователей в том числе. Учитывая специфику Интернета, которая отличает его от большинства СМИ, мы можем говорить о том, что вклад глобальной сети в процесс репрезентации (в роли соконструктора) требует отдельного изучения.

Процесс конструирования образов абстрактных явлений, т.е. не имеющих материальной формы, хорошо описан в работе П. Рикёра «Память. История. Забвение» применительно к исторической репрезентации. Несмотря на то, что сам Рикёр не приводил в своей работе схемы, мы можем изобразить ее в обобщенном и виде, получив последовательность зависимостей (рис.1) [13].

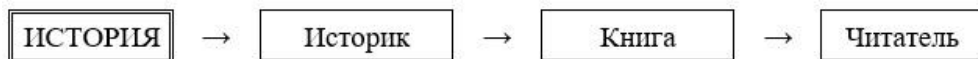

Рис. 1. Историческая репрезентация (по П. Рикёру)

Последовательность показывает нам цепь трансформации «объективного», которое обозначено как «ИСТОРИЯ» и включает в себя все возможное множество событий, агентов и атрибутов, до образа, воспринимаемого читателем исторического труда. Первая стрелка вбирает в себя разрыв между историческим контекстом и историком, который собирает данные. Историк отбирает и комбинирует исторические данные, тем самым создавая из них (конструируя) историю (story, рассказ). Вторая стрелка демонстрирует разрыв между репрезентацией в голове историка и ее изложением в форме книги посредством набора символических знаков – букв и слов. Книга содержит структурированный текст, претендующий на целостное описание истории. И, наконец, третья стрелка демонстрирует разрыв между текстом книги и его репрезентацией читателем посредством собственной интерпретационной схемы. Таким образом, восприятие истории читателем и «объективная» история разделены несколькими этапами переводов. В результате каждого перевода информация трансформируется, и воспринимаемая читателем история (субъективное представление) отличается от реальной истории (объективной).

Благодаря своей простоте и удобству данная схема часто принимается как универсальная и используется в отношении других репрезентантов. Мы воспроизвели эту схему, чтобы показать на ее примере часто совершаемую ошибку, когда

такой же подход применяется к репрезентации в Интернете в отношении политической власти. Под властью здесь понимается тот или иной элемент политической системы (орган гос. власти, должностное лицо, политик и др.). А используя термин «онлайн-ресурс», мы подразумеваем структурированный набор знаков, расположенных и доступных через одно доменное имя. При этом нас интересуют, в первую очередь, официальные онлайн-ресурсы, созданные по инициативе элемента политической системы и управляемые от его имени.

Почему такое понимание ошибочно? Ведь на первый взгляд логично предположить, что как чтение книги, так и просмотр сайта – взаимодействие с неким сконструированным образом.

Однако при более пристальном рассмотрении, мы увидим, что в случае с Интернетом, процессуальная схема не столь однозначна и включает в себя ряд новых элементов и связей, а также их характеристик. Наше исследование позволяет прийти к следующей схеме, изображенной на рисунке 2.

Рис. 2. Процесс репрезентации в Интернете

В нашей схеме отображены несколько ключевых отличий репрезентации в Интернете. Во-первых, мы увеличили число конструкторов, утверждая, что в рамках одного онлайн-ресурса разные конструкторы создают разные «тексты» (под текстами мы понимаем также изображения, дизайн и др. формы содержания информации). Во-вторых, мы исходим из того, что многочисленные пользователи (ср. с читателем) в Интернете могут взаимодействовать с текстом, создавать свои тексты, которые впоследствии могут быть прочитаны другими пользователями. В-третьих, мы учитываем влияние гипертекста, акцентируя внимание на том, что онлайн-ресурс в Интернете как бы встроен в огромный массив информации, организованный по типу ризомы [14, с. 66; 15]. Работая в сети, пользователь отбирает разные тексты из разных онлайн-ресурсов, формируя из них некоторую последовательность текстов, в результате таких действий создается собственная «книга» пользователя, которая не совпадает с «книгой» (онлайн-ресурс власти), написанной конструкторами.

Самое важное изменение в схеме касается того, что из нее исключается онлайн-ресурс, который заменяется совокупностью контентов. В нашей схеме применены следующие условные обозначения:

- K_1 – это совокупность контентов ($K_{1_1}+K_{1_2}+\dots+K_{1_n}$), созданных конструкторами в рамках онлайн-ресурса;
- K_2 – это совокупность контентов ($K_{2_1}+K_{2_2}+\dots+K_{2_n}$), созданных пользователями в рамках онлайн-ресурса;
- K_3 – это совокупность контентов ($K_{3_1}+K_{3_2}+\dots+K_{3_n}$), не являющихся частью онлайн-ресурса X , но являющихся частями иных онлайн-ресурсов, и благодаря действиям пользователей или конструкторов, интегрированных с контентом онлайн-ресурса X как части одного метатекста.

Таким образом, вместо целостной книги с линейным и последовательным изложением информации, мы получаем некую совокупность контентов ($K_1+K_2+K_3$), которая, к тому же, изменчива и не представляет собой единой текста, но текст этот будет зависеть от действий конкретных субъектов – конструкторов и пользователей (где и те, и другие выступают соавторами).

Однако же, чтобы привести наши рассуждения к логическому завершению, мы должны определить, на основании чего пользователь формирует представление о власти. Ведь, как уже сказано было ранее, пользователи не прочитывают сайт целиком (K_1+K_2), как и не читают всю имеющуюся информацию в Интернете, связанную с онлайн-ресурсом (K_3). Пользователь отбирает месседжи (контенты). Если мы выразим результат отбора через коэффициент k , то получим уравнение:

$$- k_1(K_1)+k_2(K_2)+k_3(K_3)=N,$$

где N – это тот текст (совокупность месседжей), на основании которого пользователь формирует представление о власти (в нашем случае – элементе политической системы).

Так как коэффициент определяется действием пользователя, то из этого следует, что конструирование образа не может определяться работой с одним лишь контентом. Другими словами, процесс управляемого конструирования образов (репрезентации) в Интернете предполагает не только работу со знаками (контентом), но должен включать управление действиями принимающего субъекта (пользователя) с целью повлиять на результат отбора контента (задать значения коэффициентов).

Данное управление возможно через применение набора инструментов, правил и регуляторов, которые задаются сразу на двух уровнях: микроуровне, то есть в рамках онлайн-ресурса, и макроуровне – на просторах всего Интернета. Здесь же только обозначим два вида правил и регуляторов, которые могут задаваться на микроуровне: технические и модераторские. Технические установлены выбором типа онлайн-ресурса, классифицированных по функциональному принципу. Эти правила закладывают границы возможных действий и работы с онлайн-ресурсом. Модераторские ограничения устанавливаются дополнительно к техническим и определяют этику коммуникации. За их выполнением следят специальные модераторы, либо программы, реагирующие на определенные слова в комментариях пользователей. Также любые действия конструкторов, направленные на коррекцию действий пользователей (изменение и удаление сообщения, блокирование аккаунтов или доступа), могут считаться модераторскими.

Литература

1. Щербинина Н.Г. Политический образ и имидж: соотношение понятий // Политический маркетинг. Приложение к журналу «Практический маркетинг». 2010. №4. С. 71–78.
2. Букреева О.В. Образ российской власти и политических лидеров в концептуальном пространстве демотивационных постеров // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 117–122.
3. Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государства, нации и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 8–23.
4. Пирс Ч. Начала прагматизма / Пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопятина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. Т.2. 352 с.
5. Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. №3(19). С. 5–13.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. под редакцией А.А. Холодовича. М.: «Прогресс», 1977. 257 с.
7. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
8. Зуева Т.М., Шкилева Е.М. Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С. 15–20.
9. Зверева В. Репрезентация и реальность // Отечественные записки. 2003. №4. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/reprezentaciya-i-realnost> (дата обращения: 02.05.2016).
10. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский, «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
11. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
12. Internet World Stats. [Электронный ресурс] URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 03.05.2016).
13. Рикёр. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
14. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. №7. С. 61–75.
15. Чилингер Е.Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект // Вестник славянских культур. 2011. №1(11). С. 15–22.

ПОЛИТИКА ЗАБЛУЖДЕНИЙ: КАК И ЗАЧЕМ ДЕЗИНФОРМИРУЮТ ОБЩЕСТВО

Бойко Т.Е.

Ежедневно современный человек сталкивается с большим потоком информации из различных источников и СМИ, при этом каждый в процессе конкуренции стремится преподнести исключительно актуальную информацию, благодаря которой можно быть в курсе всех происходящих в мире событий и получить возможность правильно оценить ситуацию. Но важно понимать, что одни и те же новости могут быть представлены в разном свете, ведь все зависит от того как она будет интерпретирована.

***Ключевые слова:** информационное общество, государство, средства массовой информации, дезинформация, общественное мнение.*

Every day, modern man is faced with the influx of information from different sources and media, each in the process of competition strive to present only relevant information, through which you can be aware of all the events occurring in the world and be able to properly assess the situation. But it is important to understand that the same news can be presented in a different light, because all depend on sieve-like it would Interpretation by.

***Keywords:** information society, the government, the media, misinformation, and public opinion.*

Сегодня информация в руках умелых специалистов становится весьма мощным инструментом воздействия, который можно применять в различных сферах жизни общества с целью развития или наоборот, деструкции.

Безусловно, о важности информации и о том, в каких целях ее можно использовать написано немало научных докладов и трудов. Однако в условиях развития событий мирового характера, особенно таких, которые произошли в течение 2014-2015 гг., возникает необходимость крайне тщательно подходить к рассмотрению и анализу темы формирования и распространения информации.

В политической сфере влияние информации, представляемой большинству населения страны, крайне велико, потому что она является не только главным связующим звеном между индивидом и внешним миром, но и ресурсом, который помогает оперировать в процессе анализа различных ситуаций.

Тем не менее, именно информация является основой для формирования формирования устоявшихся политических взглядов, а также стереотипов у общества той или иной страны. Однако, чаще всего возникает проблема: об одном и том же событии представители разных стран или регионов формируют абсолютно разное мнение.

Даже несмотря на то, что чаще всего сведения, поступающие из СМИ или сети Интернет, не вызывают доверия и, более чем вероятно, не соответствуют происходящей действительности, людям сложно противодействовать потоку заведомо интерпретированной информации. По какой причине происходит подобное и с чем это связано?

Ответ кроется в инструментах политической деятельности, а именно в таком, как манипуляция общественным мнением при помощи информации. Другими словами, любой транслирующий источник, может *дезинформировать* и доносить до людей именно ту информацию, которая по каким-то причинам *должна* осесть в сознании людей. Дезинформация представляет собой различные механизмы искажения информации, благодаря которым целевая аудитория вводится в заблуждение, и уже далее воспринимает любую интерпретированную информацию. Таким образом, цель дезинформирования заключается в прямом или косвенном воздействии на целевую аудиторию или объект, которым необходимо управлять для достижения поставленных политических целей, получения, а также дальнейшей реализации и сохранения власти [1].

По своей сути, процесс дезинформирования играет крайне негативную роль в современном обществе. В разрезе политики подобный способ манипулирования имеет более скрытые формы в отличие от «новостного мусора», который можно встретить в различных СМИ, так называемые «фэйковые» или отвлекающие внимание новости. Подобного рода манипулирование выражается в скрытом управлении сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов в форме скрытого воздействия. Однако нельзя говорить о том, что дезинформация всегда носит исключительно негативный характер в виду того, что в процессе ее формирования задействовано большое количество участников, каждый из которых преследует определенные цели. Точную оценку процентного соотношения воздействия дезинформации достаточно сложно дать, но бывают случаи, когда в процессе субъектно-объектных отношений действуют по принципу «сладкой лжи взамен горькой правды».

Как и было отмечено ранее, для всякого манипулирования характерна некоторая скрытность, невидимый механизм, иллюзия и психологическое воздействие на сознание аудитории с целью формирования тех или иных убеждений или предпочтений. «Полуправда» или «ложь умолчанием» является одной из разновидностей дезинформации. В частности, нездоровый политический режим порождает стремление нижестоящих инстанций сообщать «наверх» только благополучную информацию, скрывая и замалчивая критические неудачи, ошибки и провалы. «Ложь умолчанием» проникает и в СМИ с формированием иллюзии «успешного прогресса», тогда как в действительности может происходить регресс.

Дезинформационная технология активно используемая в последнее время, называется «информационный (белый) шум». Ее смысл заключается в том, что, если нет возможности скрыть «неудобную» информацию, ее диверсифицируют, то есть создают некий набор версий, в равной степени подтверждаемых спланированными фактами и тенденциями, закрепляя тем самым их в массовом сознании. Также, с увеличением активности СМИ в сети Интернет, все чаще можно столкнуться

с своевременным удалением нежелательной информации. Так, размещенные видео, которые были сняты непосредственно в месте событий, либо искажаются путем профессионального монтажа, либо вовсе удаляются из сети.

Те или иные ранее упомянутые способы чаще всего используются в целях развития «информационной войны», которая выводит политические действия на иной уровень. Подобного рода войны разделяют людей на несколько фронтов, подпитывая убеждения каждого из них. Ярким примером такой «информационной войны», можно считать события, которые связаны с Евромайданом на Украине в 2014 году. Кроме того, именно это событие показало как российским, так и украинским гражданам всю силу манипулирования при помощи распространения дезинформации. До сих пор на просторах интернета можно найти статьи и видео, которые полностью опровергают информацию, транслируемую на центральных каналах и социальных сетях [2]. Подобными источниками могут быть сайты, которые целенаправленно созданы на разоблачение тех или иных фактов:

Однако, для большей эффективности манипулирования мнением общественности, сегодня дезинформация может распространяться одновременно различными путями: через телевидение, радио, печатные и электронные СМИ, сеть Интернет, социальные сети, слухи, а также посредством использования листовок в локальных конфликтах и войнах. Примером последнего является активное распространение листовок в поддержку «Исламского государства» в различных регионах или листовки от США, призывающие отказаться от вербовки в запрещенную на территории Российской Федерации группировку ИГИЛ [3].

Тем не менее, сейчас самым крупным и «живым» источником дезинформации является именно Интернет. Из сетей большая часть населения планеты получает актуальную информацию и новости. Такое утверждение может быть подкреплено проведенными автором опросами в разные периоды времени – конец 2015 года и начало 2016 года.

Так, порядка 76% опрошиваемых в 2015 ответили, что чаще всего новость о том, или ином событии приходит к ним из сети. Опрос, который был проведен в марте 2016 года показал некоторое снижение до 63% среди опрошенных, также подтвердил, что большинство предпочитает получать новости из сети. Кроме того, 95% проходивших опрос как в 2015 году, так и в 2016 ответили, что достаточно часто встречались с фактами дезинформации как в интернете, так и в телевизионных новостях. Более того, практически ни один из опрошиваемых не может с уверенностью сказать, что в полной мере доверяет или полностью не доверяет тем или иным источникам, пусть они будут российского происхождения или иностранного. К слову, доверие и к отечественным, и к зарубежным СМИ имеет поверхностный характер, то есть любую получаемую информацию необходимо подтверждать или, за неимением другой возможности, анализировать и принимать новость по усмотрению.

Но даже при полном осознании того, что людям преподносят ложную информацию, риск оказаться под влиянием дезинформации остается таким же высоким. Ввиду того, что чрезвычайные происшествия или события, которые носят мировой характер, происходят не только в нашей стране, но и за рубежом, нам приходится

сталкиваться с различными иностранными источниками информации. Преподнесение такой информации может вызвать некоторые затруднения, или же исказить сознание людей. Примером служат «трудности» и интерпретации при переводе из иностранных источников новостей.

Подобных ситуаций в современной истории было не мало, и проблема случайных или преднамеренных ошибок перевода кроется в незнании целевой аудитории определенного иностранного языка. В таком случае манипуляция при помощи дезинформации становится крайне легкой в реализации и незаметной. Такого рода проблема становится особенно острой, когда дело касается каких-либо военных действий и на кону находятся жизни людей.

Не стоит забывать и таком инструменте распространения дезинформации как слухи, массовое явление, ставшее частью нашей жизни. Слухи выражаются в межличностном обмене искаженной, чаще всего непроверенной и эмоционально окрашенной информацией. Они более чем вероятно возникают при отсутствии полной и достоверной информации по какому-либо интересующему людей вопросу. Такой инструмент обладает большой силой влияния по причине того, что, при высокой скорости распространения, слухи могут способствовать развитию паники и страхам, которые вызывают еще большую слабость и подверженность аудитории к любым манипуляциям.

Из всего выше сказанного, можно вывести некоторую закономерность, что в современном обществе основные «боевые» действия ведутся в рамках «информационной войны». Именно подверженность людей к манипуляционным действиям служит причиной огромного потока дезинформирующей информации, которая способна влиять на сознание. Сохранение власти и реализация поставленных политических задач – главная причина использования дезинформирующей информации различными путями ее реализации.

Сложно сказать, каким станет общество без дезинформирования, а следовательно и манипулирования со стороны политиков и политических технологов. На сегодняшний день это явление стало настолько обыденным, что невозможно предположить мир без обмана, и не важно, в какой форме он будет фигурировать.

Все сводится к тому, что актуальность проблемы дезинформирования населения возрастает с каждым днем все больше и чаще всего имеет не только стихийный характер, как распространение ложных новостей в социальных сетях, но и обладает определенными политическими и иными целями. Предотвратить попадание ложной информации в официальные источники практически невозможно, так как поле деятельности слишком большое для контроля. Помимо этого, при проведении «информационной войны», препятствовать формированию «заказных» новостей становится проблематично.

Но несмотря на всю критичность ситуации, есть выход. Это грамотное противодействие манипуляционным приемам. Заинтересованность каждого в получении достоверной информации, образованность, консолидированность общества, формирование таких общественных инструментов и механизмов противодействия, которые будут защищать каждого в отдельности и все общество в целом.

Таким образом, дезинформация, как составная часть механизмов «информационной войны», в которую втянут каждый индивид общества, становится мощным оружием в глобальной геополитике. Важным фактом является и то, что непрерывный и достаточно противоречивый процесс глобализации только усиливает данную тенденцию и способствует ее развитию.

Литература

1. Доронин А.И. Дезинформация или война в королевстве кривых зеркал [Электронный ресурс] // Agentura.Ru (Агентура.Ru) URL: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/doronin/deza/> (дата обращения: 22.03.2016).

2. Дэвис Д. Топ-100 фактов российской лжи об Украине 12.08.2014 [Электронный ресурс] // StopFake.org Борьба с неправдивой информацией о событиях в Украине URL: <http://www.stopfake.org/top-100-faktov-rossijskoj-lzhi-ob-ukraine/> (дата обращения: 22.03.2016).

3. США разбросали в Сирии листовки с предупреждением о «мясорубке» для ИГ 27.03.2015 [Электронный ресурс] // РиаНовости URL: <http://ria.ru/world/2015030327/1054793128.html> (Дата обращения 22.03.2016).

4. Копичникова А.П. Манипулирование мнением и поведением российского электората (политологический анализ) – автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный социальный университет. Москва, 2005.

5. Копичникова А.П. Роль политических технологий в формировании сознания молодежи в современной России // Человеческий капитал. 2010. № 10. С. 206.

6. Рудницкая А.П., Дуденкова Ю.Е. Влияние традиций ислама на формирование политического курса развития мусульманских государств в современном мире: государственная идеология, концепции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3–2. С. 262–266.

7. Гришин О.Е. Актуальные технологии политической деятельности в российских реалиях // Человеческий капитал. 2012. № 5 (41). С. 110–113.

8. Отюцкий Г.П. Культура через призму информации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 6. С. 10–19.

9. Отюцкий Г.П. Глобализация: ценности культуры и духовная безопасность // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. С. 251–255.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ВЫСШИХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1934–2016 гг.)

Квятковская Е.И.

В статье рассматривается трансформация системы органов государственной власти, реализующих информационную политику в Челябинской области, в период с 1934 по 2016 годы. Выделены четыре этапа трансформации, связанные с существенными изменениями медиасреды и спецификой информационной политики власти. Отражены изменения ключевых характеристик информационного блока: организационной структуры, объекта, методов и средств управления, профессиональных компетенций государственных служащих.

Ключевые слова: информационная политика, паблик рилейшнз, государственное управление, региональное управление, связи с общественностью.

The paper analyzes the transformation of system of public authorities in information policy in Chelyabinsk Region from 1934 to 2016. Four periods of transformation were determined, each of which is relates with significant changes of media-environment and information policy of region's authorities. The changes of information subdivisions' key characteristics were reflected: organization structure, object, means and management methods, and state employee's professional competences.

Keywords: information policy, public relations, state management, regional management, PR.

Реформирование системы государственного управления в современной России – процесс практически непрерывный. Затронул он и региональный уровень, в частности, подразделения органов исполнительной власти, отвечающие за реализацию информационной политики. Только с 2006 года информационный блок Правительства и Губернатора Челябинской области пережил пять реорганизаций: т.е. структурные трансформации происходили в среднем каждые два года.

С чем связаны столь частые изменения? Какими факторами обусловлены? Служат они лучшей адаптации системы к окружающей среде или свидетельствуют о слабой устойчивости системы? Чтобы найти ответы на эти вопросы, мы провели исторический анализ, рассмотрев процесс трансформации органов власти и подразделений информационного блока с момента образования Челябинской области. Это позволило проследить, как структурно и функционально изменялось государственное управление информационным пространством на региональном уровне в зависимости от исторических условий, экономических и общественно-политических процессов. В отечественной науке принято четко разграничивать государственную пропаганду (и цензуру) советского периода и современные public relations. Признавая принципиальную разницу между пропагандой и PR, отметим, что для органов государственной власти и то, и другое выступает способом

управление общественным мнением (контроль содержания общественной коммуникации) и управление структурой информационного пространства (прежде всего контроль средств массовой коммуникации).

I период: 1934-1991

Первые структуры, обеспечивающие информационную функцию региональной власти, появились в Челябинской области в 1934 году. Сообразно двум основным задачам – контролировать содержание общественной коммуникации и сами средства коммуникации – были образованы два органа власти.

Первый – орган цензуры. Изначально он именовался Челябинским областным управлением по делам литературы и издательств, а затем (с 1953 года) Управлением по охране военных и государственных тайн в печати при Челябинском облисполкоме (в 1963 из названия исчезает слово «военных») [17]. Осуществляя цензуру печати, орган обеспечивал трансляцию властного нарратива, легитимацию принимаемых на региональном уровне решений, формирование информационной повестки и, как следствие, управлял в целом общественным мнением. Структура была ликвидирована в 1991 году вследствие конституционного запрета на цензуру.

Второе направление деятельности – непосредственное хозяйственное управление органами печати в условиях плановой экономики и государственной собственности. Для этих целей в 1934 году был учрежден Челябинский государственный трест полиграфической промышленности, в составе которого числились 52 типографии. В 1941 году трест был преобразован в Челябинское областное управление издательств и полиграфии (проходило по ведомству НК местной промышленности РСФСР). В 1953 году орган поменял подведомственность и на правах отдела издательств и полиграфической промышленности вошел в состав Челябинского областного управления культуры. Еще через 10 лет отдел был повышен в статусе до Челябинского областного управления печати. По сравнению с первоначальным хозяйством треста, подведомственная база Управления заметно расширилась: в нее вошли областная типография, 35 районных и городских типографий, редакции 34 газет, 135 точек книжной торговли, областная книжная база и библиотечный коллектор. До завершения советской эпохи структура еще раз поменяла название, став Управлением по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Челябинского облисполкома (с 1972 по 1990 годы) [17].

Следует отметить, что через управление типографиями, редакциями и (в определенный период) точками книжной торговли эта структура гарантировала реализацию права граждан на информацию, в том числе о деятельности органов государственной власти. В ситуации, когда печать была доминирующим источником информации для жителей, региональная власть обеспечивала стабильное функционирование и доступность этого источника.

Анализируя советский период, можно выделить ряд ключевых характеристик госуправления информационным пространством:

– объект управленческой деятельности – средства массовой информации (печать в широком смысле), которые затем формируют повестку и общественное мнение;

– основной механизм управленческого воздействия – непосредственное руководство хозяйственной и профессиональной деятельностью (цензура);

– обратная связь с населением не является приоритетом, осуществляется крайне ограниченно (через письма читателей в редакции, которые публикуются, пройдя цензуру).

Также очевидно, что с течением времени региональное руководство меняло свое представление о роли управленческой деятельности в информационной сфере в сторону признания ее значимости. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что изначально промышленный полиграфический трест перешел в подведомственность Управления культуры, а затем и вовсе обрел структурную самостоятельность в рамках облисполкома.

II период: 1991-2004

Этот период отмечен непрерывными структурными реорганизациями. Созданное в 1990 году Управление печати и массовой информации Челябинского облисполкома в 1993 году было преобразовано в Уральский информационный центр Администрации Челябинской области. Новый орган в соответствии с духом «перестроечного» времени возглавил Президент центра, которым был избран главный редактор газеты «Хроника» Ю.В. Федоров. Центр создавался «с целью усиления информационного влияния органов исполнительной власти на ход демократических преобразований и экономических реформ в области» [1].

К 1997 году «демократии» в государственном управлении поубавилось: Уральский информационный центр был преобразован в Департамент печати и информации Администрации Челябинской области [2], в феврале того же года – в Главное управление информации и общественных связей Администрации Челябинской области [3], а в августе 1998 – в Главное управление печати, телекоммуникаций, полиграфии и издательств Администрации Челябинской области [4]. К этому времени Управление курировало деятельность более 40 редакций и издательств, 28 типографий [17], а штатная численность органа составляла 14 человек. Одновременно с последней реорганизацией в Администрации области было создано Информационно-аналитическое управление в составе 13 человек [5]. В 2004 году эти две структуры были слиты в единое Главное управление по делам печати и массовых коммуникаций Челябинской области [6].

Данный этап характеризуется активным поиском новых форм информационного взаимодействия с формирующимся гражданским обществом в условиях усложняющейся медиасреды. К управленческим инновациям периода можно отнести:

1. Ликвидацию цензуры как метода прямого воздействия на содержание общественной коммуникации.

2. Переход от прямого хозяйственного управления к опосредованному воздействию на СМИ через бюджетные субсидии и иные формы поддержки. Тем не менее, в собственности региона остается ряд типографий, издательств и средств массовой информации.

3. Создание первых региональных пресс-служб: в 1997 году пресс-центр в составе четырех специалистов появляется в областном правительстве, а затем учреждаются должности пресс-секретарей в ключевых областных министерствах [15]. Пресс-службы становятся центрами генерации информационных потоков, проводниками властного нарратива в СМИ, структурами, «продающими» информационный продукт на медиа-рынке.

4. Впервые отчетливо выделяется информационно-аналитическая функция, что выразилось в создании отдела аналитической информации. Впоследствии отдел неоднократно меняет название, но суть его сохранится: осуществление мониторинга открытых источников информации и их анализ.

Существенным представляется расширение объекта управления: помимо средств массовой информации, региональная власть через информационный блок начинает осуществлять общественную коммуникацию с институтами гражданского общества, в том числе с религиозными и национально-культурными объединениями.

В целом период отмечен главными тенденциями: расширение объекта управления информационной политики; утрата органами региональной власти статуса доминирующего генератора информационных потоков; снижение роли экономических механизмов воздействия; смещение акцентов с управленческой функции на информационно-аналитическую. Возникнув, эти тенденции продолжают свое развитие в последующих периодах.

III период: 2005-2012

Третий период отмечен попытками разделить и структурно оформить две различные функции: информационно-аналитическую (как обеспечительную для деятельности региональной исполнительной власти и, в первую очередь, губернатора) и функцию государственного управления в информационной сфере (как воздействие на агентов информационного пространства).

С этой целью в 2005 году из состава Главного управления по делам печати и массовых коммуникаций был выделен Центр оперативного анализа и прогнозирования Администрации Губернатора Челябинской области. Сам Центр был небольшой структурой – штатная численность около пяти человек, но возглавлял его заместитель руководителя Администрации Губернатора [7], что отражает аппаратный вес подразделения. Центр осуществлял подготовку текстов публичных выступлений и аналитических материалов для губернатора.

Следующим шагом стало выделение пресс-службы в 2006 году из структуры Главного управления. Она получила статус Управления пресс-службы и информации Администрации Губернатора Челябинской области со штатной численностью 12 человек [8]. Управление производило собственный информационный продукт – пресс-релизы, интервью, фото- и видеоматериалы для СМИ, – а также организовывало участие медиа в официальных мероприятиях региональной власти. Был создан отдел спецпроектов, призванный усилить генерацию информационных потоков нестандартными, яркими проектами регионального масштаба. Отдел мониторинга отслеживал информационный отклик, выявлял «болевы́е точки» области.

Такая структура оказалась довольно устойчивой. Она не изменилась даже после смены губернатора в 2010 году – были лишь назначены новые руководители подразделений. Вместе с тем усилился политический вес структур, входивших в Администрацию Губернатора – Управления пресс-службы и Центра оперативного анализа и прогнозирования. К последнему отошел отдел мониторинга, был создан новый отдел современных коммуникаций для более интенсивной работы со СМИ, в том числе муниципальными изданиями и новостными интернет-агентствами. В 2011 году отдел спецпроектов получил статус Управления спецпроектов [16].

Одновременно с усилением информационного блока в Администрации Губернатора происходило снижение роли Главного управления по делам печати и массовых коммуникаций. В 2011 году оно лишилось функции взаимодействия с общественными объединениями: соответствующий комитет был передан в ведение регионального Министерства культуры в статусе Управления по взаимодействию с общественными, религиозными организациями и казачеством. Главное управление редуцировалось до двух отделов – финансового и отдела СМИ и полиграфии [9]. Логическим завершением стала ликвидация органа в 2012 году [10]. Его функции были поделены между Центром оперативного анализа и прогнозирования и издательским домом «Губерния», который вошел в состав учредителей большинства муниципальных изданий.

Принципиально, что во II периоде в рамках «хозяйственного» органа – Главного управления по делам печати и массовых коммуникаций – факультативно возникали новые формы взаимодействия со СМИ, новые механизмы реализации информационной политики. С 2005 года внеэкономические методы воздействия на информационное пространство становятся доминирующими, структурно выделяются и функционально усиливаются.

На этом этапе вновь усложняется медиасреда, а, следовательно, объект управления. Распространение широкополосного интернета превращает независимые новостные агентства в одну из ведущих информационных сил. Увеличивается количество активных интернет-пользователей, которые воспринимают информацию не только через СМИ, но и напрямую, из материалов ведомственных пресс-служб. Некоторые пользователи сами становятся интерпретаторами и трансляторами информации – появляются блоги, паблики в социальных сетях.

К этим условиям адаптируется информационный блок Администрации Губернатора. Он уже не только предлагает свой информационный продукт для ретрансляции в СМИ, но и сам становится активным субъектом информационного поля. Это выражается, в частности, в деятельности Отдела спецпроектов, который ведет работу в социальных сетях, реализует информационные проекты регионального и городского масштаба, зачастую направленные на формирование благоприятного имиджа не только губернатора, но региона в целом.

IV период: 2012-2016

Четвертый этап структурно характеризуется тем, что информационный блок полностью сосредоточивается в одном органе – Администрации Губернатора, а затем – в Аппарате Губернатора и Правительства Челябинской области.

В 2013 году все три информационных подразделения уравниваются в статусе: Центр оперативного анализа и прогнозирования преобразуется в Информационно-аналитический центр, а чуть позже – в Информационно-аналитическое управление Администрации Губернатора, и функционирует наряду с управлениями пресс-службы и специальных проектов (первоначально – отдел спецпроектов) [11].

Подобная структура выглядит достаточно логичной. В ней информационно-аналитическое управление работает «на входе» системы, то есть информационно обеспечивает деятельность губернатора и его заместителей: мониторит и анализирует открытые источники информации, подготавливает справочные и аналитические материалы, проекты выступлений губернатора. Управление пресс-службы работает «на выходе» системы: делает информационный продукт для СМИ, предоставляет комментарии по принятым решениям, организует аккредитацию журналистов. Так же «на выходе» действует Управление спецпроектов, ведя работу в интернет-пространстве, реализуя имиджевые проекты (включая книжные).

В таком разделении ролей несколько чужеродным элементом выглядит перешедшая к информационно-аналитическому управлению функция работы со СМИ в плане распределения субсидий и участия в советах АНО (в тех редакциях, где областное правительственное выступает соучредителем наряду с коллективом редакции, местной властью и ИД «Губерния»). С другой стороны, выполнение этих административных функций позволяет управлению глубже погружаться в информационное пространство региона и лучше понимать происходящие в области процессы.

На рубеже 2015-2016 годов происходит очередная реорганизация, во многом связанная с упразднением Администрации Губернатора и переводом штата в Аппарат Губернатора и Правительства области [12]. На волне этой реорганизации происходит слияние двух управлений в единое Управление пресс-службы и информации. Управление спецпроектов расширяется за счет возвращения в систему функции взаимодействия с общественными объединениями [13]. В настоящее время оно действует в статусе Управления общественных связей в составе шести отделов.

Таким образом, в одном управлении оказалась сосредоточена вся совокупность взаимодействий со СМИ, в другом – с институтами гражданского общества и неформализованными институтами общественной коммуникации (интернет-сообщества). Стоит отметить, что в каждом из управлений действует отдел, осуществляющий аналитическую функцию: отдел аналитики в Управлении пресс-службы и информации, отдел экспертно-аналитической работы в Управлении общественных связей.

Интересно проследить судьбу типографий, с управления которыми в 1934 году началась вся история информационного блока региональной власти. После ликвидации Главного управления по делам печати и массовых коммуникаций ведение ими было передано в региональное Министерство промышленности и природных ресурсов. Министерство же последовательно реализует федеральную директиву по приватизации государственного имущества. Так, в план приватизации на 2015-2017 годы включены шесть районных и городских типографий, 100% акций которых находятся в государственной собственности Челябинской области. Также в план приватизации включено АО «Челябинское полиграфическое объединение

«Книга», которое принадлежит региону [14]. Таким образом, типографическая и полиграфическая деятельность полностью исключается из сферы госуправления и перестает рассматриваться как элемент информационной политики.

Анализируя рассмотренные выше четыре этапа эволюции системы информационного обеспечения региональных органов исполнительной власти, можно сделать вывод о том, что эта система на протяжении десятилетий оставалась достаточно подвижной и проявляла хорошие адаптивные способности. Процесс ее развития не носит планомерного характера, но является результатом совокупности ответных реакций системы на изменения внешней среды с целью найти равновесное состояние, обеспечивающее эффективное выполнение основных функций. Именно поэтому мы наблюдаем относительную устойчивость организационной структуры в советское время (хотя и в тот период структура изменялась, коррелируя с внешними обстоятельствами) и более частые реорганизации в постсоветских периодах.

Трансформация информационного блока региональной исполнительной власти на протяжении всего периода с 1934 по 2016 годы дает возможность увидеть последовательное изменение:

- объекта управленческого воздействия: от ограниченного набора традиционных средств массовой информации до регионального информационного пространства, включающего в себя источники, трансляторов, интерпретаторов информации, а также сами информационные потоки;
- средств и методов управленческого воздействия: от цензуры и экономического планирования до активного соучастия в формировании информационного пространства в конкуренции с другими субъектами;
- организационной структуры информационного блока;
- профессиональных компетенций государственных служащих в подразделениях информационного блока: экономисты и редакторы (цензоры) уступили место специалистам, обладающими компетенциями в сфере журналистики, PR, политических наук, социологического анализа.

Также в процессе трансформации системы существенно повысилась значимость механизма обратной связи, что в итоге привело к расцвету мониторинговых и аналитических служб. Да и в целом статус информационного блока в бюрократической иерархии заметно изменился. К настоящему времени все профильные подразделения сосредоточены в Аппарате Губернатора и Правительства Челябинской области. По мере того, как PR заменяет собой пропаганду и экономическое планирование в области управления средствами массовой информации, деятельность информационного блока все в большей степени отходит в политическое измерение.

В заключение позволим себе сказать несколько слов по поводу перспектив информационных подразделений региональной исполнительной власти в плане организационно-функциональной структуры. Если смена первых трех этапов в развитии информационного блока была обусловлена объективным усложнением медиасреды, то реорганизации современного этапа в большей степени связаны с

внутрисистемными поисками наиболее устойчивой структуры и логичного функционального разделения.

Есть основания предполагать, что в процессе этих поисков сложившаяся структура претерпит ряд незначительных изменений. К примеру, отдел интерактивных проектов, ведущий работу в сети интернет, может быть передан из Управления общественных связей в Управление пресс-службы и информации. Подобный шаг будет логичным, если федеральный центр и впредь продолжит развивать тенденцию регулирования интернета в русле норм, действующих в России для средств массовой информации. Кроме того, для повышения эффективности информационного блока можно дать рекомендацию разработать региональную Концепцию информационной политики и регулярно обновлять ее сообразно изменяющимся законодательству и общественно-политическим реалиям.

Литература

1. Постановление Главы администрации Челябинской области от 19 октября 1993 № 398 «О создании Уральского информационного центра Администрации области». Режим доступа: <http://ural-region.net/bchel/positdw/watchlkffx1.htm> (проверено 14 декабря 2016)

2. Постановление Главы администрации Челябинской области от 15 января 1997 г. № 77 «О преобразовании Уральского информационного центра в Департамент печати и информации Челябинской области» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

3. Постановление главы администрации Челябинской области от 24 февраля 1997 г. № 157 «О создании Главного управления информации и общественных связей по Челябинской области» // «Сборник законов и иных нормативных правовых актов Челябинской области», № 2, февраль 1997 г., с.100.

4. Постановление Губернатора Челябинской области от 14 августа 1998 г. № 421 «О главном управлении печати, телекоммуникаций, полиграфии и издательств» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

5. Постановление Губернатора Челябинской области от 14 августа 1998 г. № 422 «Об информационно-аналитическом управлении администрации области» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

6. Постановление Губернатора Челябинской области от 9 августа 2004 г. № 409 «Об утверждении Положения, структуры и штатной численности Главного управления по делам печати и массовых коммуникаций Челябинской области» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

7. Постановление Губернатора Челябинской области от 13 сентября 2005 г. № 356 «О заместителе руководителя администрации Губернатора Челябинской области» / ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

8. Постановление Губернатора Челябинской области от 18 февраля 2005г. № 51 «Об утверждении Положения, структуры и штатной численности администрации Губернатора Челябинской области» / ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

9. Постановление Губернатора Челябинской области от 20 апреля 2006 г. № 110 «О Главном управлении по делам печати и массовых коммуникаций Челябинской области» (с изм. от 27 мая 2008 г., 23 мая 2011 г., 23 августа 2011 г., 25 января 2012 г.) / ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

10. Постановление Губернатора Челябинской области от 10 октября 2012 г. № 281 «О ликвидации Главного управления по делам печати и массовых коммуникаций Челябинской области» // «Южноуральская панорама» от 20 октября 2012 г. № 159

11. Постановление Губернатора Челябинской области от 29 июня 2010 г. № 148 «Об утверждении Положения, структуры и штатной численности Администрации Губернатора Челябинской области» (в редакции постановления Губернатора Челябинской области от 21 мая 2013 г. N 150) // «Южноуральская панорама» от 8 июня 2013 г. № 87 (спецвыпуск № 22)

12. Постановление Губернатора Челябинской области от 14 декабря 2015 г. № 324 «Об упразднении Администрации Губернатора Челябинской области» / ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

13. Распоряжение Правительства Челябинской области от 31 октября 2014 г. № 662-рп «Об Аппарате Губернатора и Правительства Челябинской области» (в редакции распоряжения Правительства Челябинской области от 20 января 2016 г. № 18-рп) / ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025

14. Постановление Правительства Челябинской области от 16 июня 2015 № 275-П «О внесении изменений в постановление Правительства Челябинской области от 29 октября 2014 г. № 523-П» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. Дата опубликования 17.06.2015, номер опубликования: 7400201506170008. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400201506170008?index=0&rangeSize=1> (проверено 14 декабря 2016)

15. Ирина Велижанцева, начальник управления пресс-службы и информации губернатора: «Мы разделили пиар и информацию». АН Chelyabinsk.ru от 7 марта 2006 г. Режим доступа: <http://chelyabinsk.ru/text/politic/12814.html> (проверено 14 декабря 2016)

16. Похоже, надо внести ясность в некоторые вопросы. Блог Александра Полозова, запись от 31 августа 2011г. Режим доступа: <http://aarekb.livejournal.com/65858.html> (проверено 14 декабря 2016)

17. Путеводитель по фондам Объединенного государственного архива Челябинской области. Том 1 (1 часть) Режим доступа: <http://archive74.ru/oblastnye-5> (проверено 14 декабря 2016)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Куренкова К.И.

Статья содержит структурный анализ процесса формирования повестки дня в государстве (agenda-setting). Используя методологию пространственного анализа государства, автор описывает специфические особенности площадок формирования повестки дня и очерчивает основной круг акторов, функционирующих на них. В этом контексте процесс формирования повестки дня рассматривается как экстраординарный процесс, анализ которого не может быть ограничен путем выстраивания абстрактных теоретических схем. Природа процесса принятия решений в государстве определяет необходимость анализа процесса формирования повестки дня в его динамическом измерении. В заключении автор представляет схему, иллюстрирующую структурное содержание повестки дня в государстве и возможные варианты функционирования этой модели в реальных условиях.

Ключевые слова: повестка дня, государственная политика, сетевой анализ, процесс принятия решений.

The article contains structural analysis of agenda-setting process. Considering government as a special field of political interactions the author describes the peculiarities of different types of political agenda and actors who act on those platforms. In this context, the process of agenda-setting is regarded as a non-rational process, which cannot be understood in general terms. The nature of political decision-making process determines the necessity of dynamic analysis. After all, the author represents either theoretical graph that illustrates the structure of policy agenda-setting, or possible variants of its action in practice.

Keywords: policy agenda, public policy, network analysis, decision-making process.

Концепт повестки дня является одной из ведущих тем в рамках теории принятия государственных решений. Однако, занимаемое им место не означает полной изученности вопроса, напротив- на сегодняшний день повестка дня представляет собой явление, мало изученное в академической среде. Значительная часть научных исследований в этой области обращается к вопросу повышения общественного внимания к тем или иным проблемам и к конкретным техникам, связанным с этой задачей (agenda-building process). Однако, понятно, что конструирование повестки для общественности представляет собой лишь один из компонентов формирования повестки дня в государстве, структурный анализ которого на сегодняшний день изучен учеными в недостаточной степени.

Затронутая проблематика актуальна потому, как может в значительной степени ответить на вопросы, связанные с открытостью/ закрытостью повестки по

отношению к обществу, наличием разного рода барьеров для прохождения проблемы в итоговую повестку, соотношением потенциала давления различных структур и конечном выражении их интересов.

Практическая значимость изучаемого вопроса состоит в том, что структурный анализ повестки дня позволяет предупредить ее чрезмерную закрытость от общества, что чревато для правящего режима серьезными общественными потрясениями. Как писал в своей книге «Повестка дня, альтернативы и государственная политика» Дж. Кингдон [4, с. 90-94], о проблемах люди узнают двумя способами: при изменении жизненных показателей и в случае появления так называемых фокусирующих событий (*focusing events*), которые как следует из названия, сосредотачивают на себе внимание. Парадокс данной ситуации заключается в том, что общество и власть могут узнать об этом фокусирующем событии одновременно и, если в этом случае тот мобилизационный капитал, который имеет событие, окажется достаточно велик, общество будет готово к проявлению недовольства, которое может негативно сказаться на позициях правящего режима. Поэтому государство должно оперативно и качественно реагировать на получаемые сигналы¹.

Содержание повестки: статическое измерение

Несмотря на то, что на выходе повестка дня представляет из себя определенный и четко очерченный круг вопросов (но при этом постоянно изменяемый), рассматриваемое явление не является столь простым. Напротив – повестка дня в государстве явление многосоставное, включающее в себя множество площадок.

Идея о сложносоставной пространственной структуре государства уже была озвучена проф. А.И. Соловьевым, который представил социальное пространство государства через 4 основных площадки: политическая система, государственное управление, правящий режим и непосредственную площадку принятия решений [6, с. 131-139]. Представленная автором схема представляется удачной и для структурного рассмотрения процесса формирования повестки дня и является одной из теоретических предпосылок, на которых базируются сделанные в работе предположения.

Схематично изобразив наиболее различные виды повесток дня в государстве, можем разделить все рассматриваемое пространство на 4 основные площадки: политическую систему, государственное управление, доминирующую сеть и площадку формирования повестки дня.

Площадки формирования повестки дня

Первоначальным источником запроса на включение проблемы в повестку дня на площадке *политической системы* является **общество**. Однако, как замечает ряд ученых, артикуляция и агрегирование общественных интересов представляется не самым значимым процессом в данном контексте. Куда более важны реакции, которые общество может противопоставить сформированной в государстве повестке дня. Лидер при этом для общества является олицетворением власти, а потому

¹ В данном случае имеются ввиду те сигналы, которые в «теории потоков» Дж. Кингдона были названы им индикаторами проблемы и свидетельствовали о том или ином ее состоянии.

несет ответственность перед ним, а это означает, что он вынужден вступать в коммуникацию с обществом по данному вопросу и легитимировать выбранный пакет проблем, а также гарантировать, что запрос общества на ряд других проблем будет принят во внимание. Для выполнения этой задачи государством формируется **символическая** повестка дня, призванная оказывать успокаивающее и стабилизирующее воздействие на общество. Помимо этого, важнейшим элементом на данной площадке является **медиаповестка**, фактически очерчивающая тот круг проблем, о котором будет известно обществу. На пересечении рассматриваемой площадки с институциональной образуется **дискуссионная** повестка дня, означающая согласование позиций власти и общества по ряду вопросов. Таким образом, этот уровень формирует две важнейшие задачи: сбор информации об общественно значимых проблемах и обеспечение легитимности уже сформированному курсу посредством СМИ, проведения символической политики, а также личных качеств и уровня доверия лидеру.

Государственное управление в сущности- самая нормативная площадка. Здесь сосредоточен опыт предшествующих лет и государств (**универсальная** повестка дня), фактическая информация о реально существующем в данный момент положении дел (**реальная** повестка). Каркас площадки составляет **институциональная** повестка дня и во многом служащая для нее источником **сформированная** повестка дня (информация для государственных органов). Проходя через административные каналы, информация систематизируется, а проблемы изучаются и эшелонируются. Составляется нормативная неотъемлемая часть повестки дня. Ключевым игроком здесь является иерархия и олицетворяющая ее администрация, от которой и зависит успешность переработки поступающей информации. Однако, на этом этапе может возникнуть ряд ограничений для попадания проблем в повестку дня. Прежде всего эти ограничения связаны с рентоориентированным поведением чиновников, чрезмерным засекречиванием информации, отправкой политическому лидеру намеренно «усеченной» информации или непрофессионализмом управленческого корпуса².

Несмотря на то, что институциональная повестка дня составляет ядро соответствующей площадки, все же часть ее может быть связана со следующей- площадкой, на которой расположена *доминирующая сеть*. Это альянс статусных игроков, объединенных общим интересом, доступом к необходимым каналам, а также наличием необходимых ресурсов для формирования повестки дня. С этой точки зрения, диапазон игроков, которые могли бы оказаться на данной площадке включает в себя: статусные международные структуры, способные продавливать свои интересы в конкретном государстве, сетевые коалиции (как правило, включающие в себя корпоративный элемент), влиятельных представителей государственных институтов и самого лидера.

² Так, например, в бюрократической среде широко известен так называемый «синдром вахтера», свидетельствующий о страсти чиновника к постоянному установлению запретов (для общества) и «самозасекречивания» (как по отношению к обществу, так и по отношению к лидеру).

Понятно, что на этом уровне на первый план зачастую выходят отнюдь не интересы граждан, и в силу этого здесь может формироваться **срежиссированная** повестка дня, отражающая интересы узкой группы влиятельных игроков.

Однако, срежиссированная повестка дня не является окончательной и не подлежащей изменению³. Задача лидера на заключительной площадке, реального *формирования повестки дня*, заключается в сведении всей полученной информации, расстановке приоритетов, сохранении баланса окружающих его структур. В сущности, лидер оказывается фигурой, испытывающей параллельное давление иерархических и сетевых, внутренних и международных, формальных и неформальных, постоянно и спорадически участвующих в процессе формирования повестки дня структур. Вместе с тем он, будучи олицетворением власти в глазах общества, призван не давать этим структурам полностью режиссировать повестку дня в соответствии с собственными желаниями. В добавлении ко всему, лидер должен иметь незаурядные прогностические способности, а зачастую и сильную политическую волю для того, чтобы на этапе отбора проблемы выиграть от ее включения в повестку дня.

Однако, в данном контексте не стоит забывать о том, что лидер и сам является носителем субъективных психологических качеств, социокультурных оснований и даже политических взглядов. Административные позиции лидера наделяет его и самостоятельным потенциалом трансформации повестки дня.

Было бы неправильно утверждать, что заключительную площадку формирования политической повестки дня представляет один лишь лидер. Помимо него здесь сосредоточены те игроки, которые обладают наибольшим влиянием на него или могут оказывать достаточное политическое давление (ближнее, дальнее окружение). Предугадать состав акторов рассматриваемой площадки не представляется возможным. Этому способствуют как минимум 2 фактора: изменяющаяся архитектура взаимодействий игроков на данной площадке и должное обеспечение секретности состава этих игроков.

Пройдя через все указанные площадки, проблема попадает в повестку дня. Однако, наряду с этим существует круг проблем, которые минуют все указанные ограничения и попадают в повестку дня в силу острой необходимости своего решения. Такие проблемы составляют стихийную повестку дня и попадают в итоговую «вне очереди».

Представленная система из-за многочисленных и сильно связанных между собой игроков уже по природе своей может закрывать повестку дня от общества. Это естественно, ведь включение вопроса в повестку дня означает его, возможно, скорое решение, и за эту возможность в борьбу будут вступать и министерства, и чиновники разных уровней, и международные структуры, а также многие другие акторы. Помимо этого, существует ряд игроков, например, группы интересов, глав-

³ Строго говоря, повестка дня- явление постоянно изменяемое. Такое положение дел во многом объясняется сложным, комплексным характером попадающих в нее проблем. Указанное качество позволяет рассматривать ту или иную проблему с разных ракурсов, а значит и извлекать ее из повестки дня и снова туда возвращать. Такое движение проблемы называется ее «жизненным циклом», который заканчивается только вместе с решением проблемы, а не ее симптома.

ной целью которых является не установление сетевых взаимосвязей или постоянных контактов с лидером, а эпизодическое «забрасывание» проблемы в повестку дня и ожидание ее решения.

Необходимо отметить, что повестки дня различных структур не являются закрытыми в отношении содержащихся в них проблем. Одни и те же проблемы могут находиться как в одной, так и в другой повестке дня. Так, например, срежиссированная повестка дня включает в себя часть проблем из частной, часть - из международной и, наконец - из повестки дня лидера. Помимо этого, ее наполнение составляют и проблемы, не относящиеся ни к одной из них. Такая ситуация возникает в силу того, что срежиссированная повестка является продуктом согласия наиболее влиятельных игроков, и соответственно в ее ряды будут отправлены их интересы, однако наряду с этим данный вид повестки могут составить и проблемы иного рода, возникающие в результате пересечения интересов названных игроков и не входящие в ряды ни одной из их собственных повесток. Таким образом, границы между повестками различного характера на деле не оказываются непреодолимыми барьерами, а напротив – составляют поле общих проблем, как показано на схеме.

Динамическое измерение

Представленные рассуждения при требовании обязательности прохождения проблемой всех этапов формирования повестки дня вызовут серьезные сомнения в адекватности модели, а потому важно представить рассматриваемый концепт в его динамическом измерении.

Приводя представленную модель в движение, легко увидеть, что итоговая повестка дня вовсе не в равной степени представляет все предшествующие ей повестки и, как следствие, интересы игроков. Это говорит о том, что при разных условиях структуры, действующие в процессе формирования повестки дня, будут иметь столь же неравный вес. Политические реалии в каждом конкретном случае как бы «высвечивают» отдельные площадки ярче других в зависимости от потенциала давления игроков. Так, в государстве с развитым институтом государственно-частного партнерства и активными «корпоративными гигантами» значительная часть проблем будет транслироваться из частной повестки, а в государстве, в котором роль «главной скрипки» отдана администрации- институциональная. Эта мысль весьма очевидна в одних случаях (когда мы, к примеру, решаем сравнить возможность проведения всех проблем из общественной повестки в итоговую и также всех проблем из повестки дня лидера), и столь же неочевидна в других, которые будут рассмотрены ниже.

В ходе институционализации наиболее характерных взаимодействий в государстве в соответствие с его политическими, историческими, географическими, экономическими и прочими особенностями формируется свой *баланс давления игроков на повестку*. Информация об акторах, составляющих эту систему, редко транслируется в публичное пространство, однако некоторые вывод все же можно сделать исходя из анализа реально принятых решений. В этом отношении встает вопрос границ доминирования отдельно взятого игрока в условиях отношений сетевой межсубъектной зависимости, неравномерного распределения ресурсов и

наличия полей влияния отдельных структур и др. Нарушение же установленного баланса сопровождается перестановками в политическом пространстве и, как следствие, новым общественным потрясениям. В результате процесс формирования повестки дня включает в себя выстраивание конфигураций взаимодействия, стратегий подавления/поддержания интересов отдельных игроков, а также применение механизмов манипулирования.

Однако построение устойчивых конфигураций и для самих игроков представляет собой весьма непростую задачу. Дело в том, что процесс формирования повестки дня включает в себе два поля: явное (публичное) и скрытое (латентное). Это дополнение акцентирует внимание на том, что значительная часть проблем, которые отдельным игрокам необходимо продавать, не составляют публичного поля, а потому требуют применения иных технологий влияния. Таким образом, получается, что те повестки, которые своим системообразующим звеном видят конкретного игрока часто включают в себя два разных набора проблем, которые могут и не совпадать. Вышесказанное свидетельствует о наличии серьезных сложностей: не учитывать скрытые интересы игроков означает допускать просчеты в выстраивании стратегии, что в свою очередь может означать провал в транслировании своих интересов в повестку.

Таким образом, в государстве существует определенный баланс давления игроков на повестку, поддержание которого является функцией лидера, который в этом отношении призван учитывать разнонаправленные и зачастую конфликтующие интересы акторов, составляющих социальный организм государства.

Действительно, изначально мы принимали за истину центральное положение фигуры *лидера* в вопросе формирования повестки дня. Это справедливо хотя бы потому, что в силу своего центрального положения ключевой задачей и назначением лидера является необходимость «стягивания» воедино всего информационного шлейфа, накопленного на разных площадках и так или иначе транслируемого во властные круги. Этот процесс подразумевает наличие у лидера сильной политической воли, позволяющей сдерживать чрезмерно давящие структуры и сохранять баланс между ними. Однако, для самого наличия повестки дня в государстве успешное выполнение указанной функции конкретным лидером необязательно. Дело в том, что наполнение итоговой повестки является отражением того, насколько сильны позиции конкретного лидера в обществе и в случае слабости последнего, повестка не исчезает как таковая, а трансформируется в соответствии с интересами более сильных игроков. Эта мысль может быть проиллюстрирована на примере революционного периода начала XX века в Российской империи, когда политический лидер оказался не способен принимать государственные решения и формировать повестку, следствием чего стала трансформация итоговой повестки и определяющее давление на нее иных политических единиц. В конечном итоге такие трансформации, как правило, заканчиваются сменой политического лидера на официальном уровне. С этой точки зрения, можно говорить о том, что место центральной фигуры в процессе формирования повестки дня в государстве никогда не пустует де-факто (независимо от тех процессов, которые происходят в отношении официальных статусов и позиций).

Таким образом, наполнение итоговой повестки дня как нельзя лучше показывает расстановку акцентов на тех или иных игроках, высвечивает ключевые позиции, и в случае если официальный политический лидер не имеет достаточных возможностей для поддержания структурного равновесия, де-факто эта функция переходит к другому, более способному игроку. Понятно, что от того, кто выполняет обозначенную функцию, зависит содержание итоговой повестки, однако, необходимо заметить, что даже если изначально новый лидер, приходя на заветные позиции, начинает явно транслировать волю той политической единицы, к которой принадлежит, впоследствии ему так или иначе придется вписываться в уже существующий политико-административный контекст, уделяя при этом внимание куда большему числу игроков.

Помимо этого, необходимо сказать и о том, что в динамике данная модель учитывает как стабильное, так и кризисное состояние государства. Разница этих состояний для повестки дня выражается прежде всего в вопросе открытости/закрытости ее для общества и может быть представлена в отношении прямой зависимости: чем выше неопределенность, тем большей закрытостью характеризуется итоговая повестка. Однако, в этой ситуации обвинения в несправедливости подобного недоверия обществу носят поверхностный характер. Необходимо четко осознавать, что во время кризиса власти берут на себя большую инициативу в вопросе формирования повестки дня во многом из-за сложности стоящих перед ними проблем и высокого уровня неопределенности, а потому срежиссированная повестка дня может быть не столько «заговором правящих кланов», сколько попыткой временно стабилизировать ситуацию, подменив социальную повестку дня той, что, по мнению властей, будет способствовать такой стабилизации. К тому же формирование повестки дня (тем более в кризисный период) жестко лимитировано по времени, а потому требует жестких, рациональных действий и расчетов. Однако, как уже было сказано ранее, злоупотребление закрытостью повестки дня сопряжено с негативными последствиями как для общества, так и для государства.

Литература

1. Bachrach P., Baratz M. S. Two faces of Power. *The American Political Science Review*, 1962 vol. 56, no. 4.

Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/two-faces-of-power1/0642CFB6AFD6EBF4312DF34CF1556671>.

2. Cobb R., Ross J-K., Ross M. H. Agenda-building as a comparative political process. *American Political Science Review* 1976 vol. 70 no. 1 p. 126-138.

3. Keith Dowding, Andrew Hindmoor and Aaron Martin The Comparative Policy Agendas Project: theory, measurement and findings. *Journal of Public Policy* 2015 vol.36 no.1 p. 3-25.

4. Kingdon J. W. *Agendas, alternatives and public policies*, Boston. Longman classics in political science. 1985 p. 245

5. Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа: учебник для студентов вузов- СПб Издательство «Аспект Пресс», 2014. - 319 с.

6. Соловьев А. И. Государственные решения: концептуальный простор и типики теоретизации. / *Полис. Политические исследования*. 2015. № 3. С. 127-146.

7. Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений— М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 494 с. — (Серия «Учебник нового поколения»)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ

Квятковский К.О.

В статье предпринята попытка выделить специфику дискурса политической блогосферы. Для этих целей автор выделил в дискурсе политической блогосферы несколько сегментов и определил специфику каждого из них.

Ключевые слова: *дискурс, Интернет, методология, политическая блогосфера.*

In the article author try to allocate specific discourse of political blogosphere. For these purposes, the author identified in the discourse of the political blogosphere several segments and determine the specificity of each.

Keywords: *discourse, Internet, methodology, political blogosphere.*

Дискурс политической блогосферы отражает определенный способ коммуникации в Интернете, возникающий между теми, кто интересуется политикой теми, и теми, кто политикой занимается профессионально. Это специфический способ производства смыслов, означивания феноменов реальности, который вступает во взаимодействие с иными дискурсами и участвует в формировании общей картины мира политического. В политическую блогосферу мы включаем не только блоги, но и микроблоги.

Блогосфера очень сегментирована, в качестве одного из критериев ее сегментирования можно рассматривать методы символической борьбы. К основным мы относим запрещение текста, создание текста, «вбрасывание» новости, искусственное провоцирование и управление конфликтами между пользователями Интернета.

Попытки исследовать дискурс политической блогосферы связаны с ответом на ряд первоочередных вопросов. Наиболее важными являются следующие: что дает изучение политической блогосферы научному сообществу, насколько сильна связь между «вселенной политических блогов» и политическим процессом и многие другие [1, с. 36-39]. Но один из самых значимых вопросов – как определить, что именно является политической блогосферой? В связи с этим возникает принципиальный вопрос: что такое блог политический и в чем его отличие от неполитического.

Политическая наука на протяжении многих и многих лет пытается четко определить свою предметную область, прийти к ясности относительно сущности политики. За это время учеными выработано множество подходов к определению политики, начиная от узких классических, трактующих политику как деятельность человека по управлению государством, и заканчивая постмодернистскими интерпретациями, воспринимающими политику предельно широко. На наш взгляд функциональным представляется определение политики Э. Хейвуда: «Под политикой понимается процесс создания, сохранения и обогащения наиболее общих

правил человеческого общежития» [2, с. 3]. Политические дискурсы в блогосфере включают в себя даже те линии, которые не имеют отношения к текущей политической практике и борьбе за государственную власть, но важны потому (и именно поэтому приобретают политический характер), что они воспроизводят дискуссию относительно жизненных условий существования людей. Вместе с тем, это не означает, что политические дискурсы в сети лишены функции определения ориентиров в том, что касается политических предпочтений, оказания поддержки определенным политическим силам и мобилизации населения.

Подход Э. Хейвуда имеет много общего с классическим аристотелевским пониманием политики как деятельности по достижению общего блага. Именно это понимание политики помогает нам решить вопрос о включении определенных блогов в область исследования политической блогосферы. Существенно не то, кто ведет блог, а то, как именно в блогосфере решаются наиболее важные вопросы общежития, как ведется борьба за определение того, что есть общее благо. Исходя из этих позиций, мы условно разделили совокупность политических блогов на несколько сегментов, в каждом из которых можно выделить свой тип дискурса.

В результате изучения дискурса блогосферы выяснилось, что специфический тип дискурса порождают блоги чиновников и политиков регионального и муниципального уровней. Этот тип дискурса значительно отличается от дискурса, порождаемого блогами публичных оппозиционных политиков. В свою очередь, существенные отличия от первых двух типов демонстрирует политический дискурс блогов известных журналистов и экспертов. Наконец, отечественная блогосфера насчитывает тысячи блогов, которые никак нельзя назвать оригинальными и значимыми для политического процесса, авторы которых – рядовые граждане, имеющие от десятка до сотни читателей-френдов. Однако эти журналы, если они затрагивают политические вопросы, тоже входят в пространство политической блогосферы, выполняют в ней определенную функцию и формируют свой, особый тип дискурса. Попытаемся обозначить специфику типов дискурса, порождаемых в упомянутых группах блогов.

Зачастую камнем преткновения в вопросе об исследовании политической блогосферы становятся блоги государственных и муниципальных служащих, должностных лиц. Мы считаем, что они входят в политическую блогосферу, поскольку в них поднимаются вопросы об общем благе.

Как правило, чиновники, главы муниципалитетов, губернаторы, прежде всего, рассматривают блог как платформу для того, чтобы донести до активных и современных граждан информацию о результатах своей политической деятельности. При этом они стремятся исключить появление негативных откликов, мнений, смыслов. Безусловно, это придает таким блогам специфический характер, поскольку они в некотором роде выпадают из сетевого пространства блогосферы с ее горизонтальными связями, возможностями вести многостороннюю дискуссию на те или иные темы. Однако это все-таки политические блоги, поскольку они являются значимым элементом имиджа крупных политических фигур, имеют большое количество читателей и высокие рейтинги. В качестве примеров подобных блогов можно назвать аккаунт депутата Государственной Думы РФ Валерия Гартунга в

facebook, микроблог в twitter Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева и многие другие.

Блоги чиновников принципиально отличаются от блогов других политических сил специфическим методом ведения дискурсивной борьбы. Традиционно в сетевых дневниках (и блоги задумывались именно так) борьба за означивание смыслов ведется через конкуренцию текстов в широком смысле: стартовый текст – пост – задает начальный смысл, а далее комментарии, ветки комментариев вступают во взаимодействие с постом и друг другом. Даже страница с личной информацией о пользователе (авторе или комментаторе) становится текстом, который может обрести значение в рамках отдельно взятой борьбы смыслов.

В блогах же чиновников символическая борьба идет не только посредством создания текстов, но гораздо чаще – через запрещение текстов. Здесь особенно востребован инструмент премодерации – автор имеет возможность приватно просматривать оставленные к записи комментарии и решать, опубликовать данный комментарий или оставить его невидимым для других читателей. Можно провести аналогию с цензурой в несетевом политическом пространстве. Цензура в данном случае правомерна и обоснованна, так как блог – это авторский дневник. Она тем более оправдана, поскольку в Интернете зачастую внимание фокусируется не на обсуждаемой проблеме, а на личности блогера. Губернаторы и чиновники исключают конфликт смыслов, фиксируя только положительные отклики, поскольку блог – это имиджевый проект, элемент системы связей с общественностью.

К политической блогосфере относятся, в частности, и блоги глав муниципалитетов, сити-менеджеров, депутатов локального уровня. При этом очевидно, что они не интересны читателю за пределами муниципального округа, также как и не интересны с точки зрения научного исследования блогосферы вообще. Они интересны только исследователям, занимающимся построением рейтингов информационной открытости – в случае популярности блога, он может попасть через эти рейтинги в топ информационного пространства Интернет. Однако мелкие блоги не привносят ничего нового в методы и способы символической борьбы. Как правило, они «списываются» с блогов губернаторов. Более того, существуют даже пособия для пресс-секретарей по ведению «официального» блога.

Что касается включения или исключения официальных блогов из объекта изучения политической блогосферы, то здесь все зависит от конкретной задачи, стоящей перед исследователем. Если задача состоит в изучении специфики дискурса и его типов в российской политической блогосфере, мы не исследуем муниципальные блоги в силу их типизированности, но обращаем внимание на блоги губернаторов, поскольку они дают представление о специфическом способе символической борьбы.

Так как при всей схожести задач блоги региональных чиновников и должностных лиц все же различаются, то для ученого может представлять интерес сплошное исследование – оно перспективно с точки зрения получения результатов сравнительных исследований, выявления региональной и личностной специфики. В случае, когда исследователь нацелен на изучение всей политической блогосферы и блоги чиновников являются только частью объекта исследования, представляется целесообразным ориентироваться на рейтинги открытости и топ-листы губерна-

торских блогов. В таком случае есть смысл рассматривать только самые популярные блоги, т.к. остальные чиновники склонны копировать успешные журналы.

Еще один сегмент блогосферы со специфическим типом дискурса – это блоги ньюсмейкеров. К ним мы относим публичных политиков, общественных деятелей, журналистов. Губернаторы, конечно, тоже могут быть ньюсмейкерами, но в силу того, что их журналы обычно ведут пресс-службы, и этот процесс значительно забюрократизирован, новости скорее появляются не в блоге, а во время пресс-конференции, доклада, сообщения в СМИ или релиза пресс-службы. Те же, кого мы называем ньюсмейкерами, «вбрасывают» новость в информационное пространство. Они делают это оперативно, открыто, с намерением получить реакцию, широкий общественный резонанс. Если чиновники стремятся получить определенную реакцию, «вбрасывая» информацию, то ньюсмейкерам важна реакция вообще. Они провоцируют широкую дискуссию. Здесь нет четких правил, и во многом ход дискуссии зависит от автора блога, обладающего правом премодерации. Такого ньюсмейкера можно сравнить с кукловодом, который, прячась за электронной ширмой, дергает за ниточки, решая, какие комментарии следует включить в дискуссионное поле, а какие нужно исключить. При этом допускаются как положительные, так и критические отклики, так именно из их взаимодействия складывается символическая борьба. Обычно автор предоставляет право дискутировать своим читателям, комментаторам. Для него важно выйти победителем из символической борьбы путем обеспечения победы своим комментаторам-сторонникам. Конфликт часто провоцируется искусственно, поскольку блог без жаркого обсуждения, без борьбы смыслов становится скучным и уходит из топов поисковых систем. Впрочем, автор все-таки появляется в комментариях, и, в частности, в этом отличие блога от новостной ленты. Таким образом, дискурс, порождаемый в блогах ньюсмейкеров, строится «классически», на конкуренции текстов (в широком смысле, так как сюда включаются и медиа-тексты, и сама информация об авторе).

Значительную часть политической блогосферы составляют блоги, черпающие основное содержание из других блогов (автор – не ньюсмейкер, у него нет информационного ресурса, чтобы самостоятельно производить новость). Их структура обычно такова: к ссылке на информацию из другого блога добавляется собственный комментарий, который, впрочем, может отсутствовать. Таких вторичных блогов подавляющее большинство, и они выполняют различные функции в символической борьбе за власть в пространстве блогов.

Вторичные журналы могут служить инструментом связи виртуального информационного пространства с реальной политикой в случае, если тиражируют чужие тексты с информацией об акции, мероприятии.

Значительная часть вторичных блогов основана на процедуре «перепост», «копи-паст» («скопировать – вставить»). Размещая у себя в журнале чужой текст, автор, как правило, выражает свое согласие с этим текстом. Такие блоги также функционально важны: они сопровождают ту символическую борьбу, которая ведется в блогах ньюсмейкеров. Даже блог с тремя читателями является отголоском большой дискурсивной «войны». Мы лишены возможности количественно подсчитать такие вторичные блоги, но мы не можем их исключить из пространства политической блогосферы. Они функционально объединены с блогами известных

политиков, которые используют подобный инструмент потому, что они выполняют общую функцию поддержки символической борьбы. Это своеобразные малые сцены боевых сражений, баталий, разворачивающихся трансгранично, в информационных микропространствах многих блогов. Таким образом, блоги ньюсмейкеров образуют основную сцену, а вторичные блоги – это множество театров военных действий в попытке борьбы за установление режима правды.

При этом особенность вторичных блогов в том, что их задача, как ее формулирует автор, не совпадает с той функцией, которую они выполняют в дискурсивном пространстве политической блогосферы. Как правило, перепост чужого текста вызван порывом души, цель его – выразить собственное мнение, которое, по мнению автора, удачно выразил другой человек. Таким образом, цель блога – самовыражение автора, функция – сопровождение символической борьбы, берущей начало в другом блоге.

Еще один важный сегмент политической блогосферы составляют журналы блогеров, которые анализируют новости, но не производят их. Функционал этих блогов – коллективный поиск истины. Конечно, каждый из этих блогов имеет личностную окраску, отражает политическую позицию автора. Но в самих записях провокаций меньше, нежели в блогах публичных политиков. Эти блоги более взвешены потому, что они выполняют другую функцию. Перед аналитиком не стоит цель поднятия собственного электорального рейтинга, мобилизации людей для каких-то политических действий. Это своего рода рефлексия над символической борьбой, которая разворачивается в блогах ньюсмейкеров. Если обычный перепост – это механическое расширение дискурсивного пространства, то блоги аналитиков – попытка качественно изменить уровень обсуждения, потому что в этих блогах помимо тех смыслов, которые участвуют в борьбе, рождаются третьи смыслы, авторские. Эта модель более всего приближена в хабермасовскому пониманию дискурса как свободной коммуникации между агентами в условиях равенства, рациональности и свободного доступа к информации. Способ борьбы через запрещение текста здесь используется менее всего, запрет, как правило, распространяется лишь на те комментарии, которые откровенно нарушают общепринятые правила сетевого поведения.

Таким образом, мы выделили в политической блогосфере Рунета несколько сегментов, каждый со своим специфическим типом дискурса. Среди сегментов различаются блоги «государственных людей» – чиновников, депутатов, руководителей регионов, блоги ньюсмейкеров, блоги аналитиков и вторичные блоги рядовых пользователей. Журналы в каждом сегменте выполняют свои функции. Из единства функций и статуса автора блога в политическом пространстве рождается специфический тип дискурса.

Так, дискурсу политической блогосферы присуще ведение символической борьбы через конкуренцию текстов и запрещение текстов. Причем, запрещение в большей степени характерно для блогов чиновников и политических руководителей, в меньшей – для журналов ньюсмейкеров. В незначительной степени прием запрещения текстов используется и рядовыми пользователями, и экспертами, но в этом случае цензура применяется не для достижения символического эффекта, а в целях соблюдения читателями принятых правил корректного поведения.

Дискурсивная борьба, основанная на конкуренции текстов, присуща блогам аналитиков-экспертов и ньюсмейкеров, причем для вторых она принципиально важна, так как цель записей – не столько выражение собственной позиции, сколько обеспечение доминирования в информационном пространстве блогосферы означенного в записи смысла.

Премодерация и дискуссии также встречаются и во вторичных блогах, их пропорции зависят от личных особенностей авторов. Однако дискурс подобных журналов не рассматривается нами как самостоятельный, а представляется периферией символической борьбы, берущей начало в дневниках ньюсмейкеров. В этой связи сами вторичные блоги становятся конкурирующими текстами и выполняют примерно ту же роль, что и комментарии к постам популярных политиков.

Литература

1. Проблемные точки в исследованиях политической блогосферы. – Сборник материалов по итогам IV Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (25-26 апреля 2011 года, Пермь)/ Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. – 260 с.

2. Хейвуд, Э. Политология: учеб. для вузов / Э. Хейвуд; пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В РАБОТЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Хорин А.А.

В статье рассматриваются варианты взаимодействия государственных и муниципальных органов власти с гражданами в социальных медиа и возможность изучения данного феномена.

Ключевые слова: социальные медиа, органы власти, политическая коммуникация.

The article discusses the options for interaction between state and municipal governments with citizens in social media and the opportunity to study this phenomenon.

Keywords: social media, authorities, political communication.

Современные популярные виртуальные социальные сети, как продукт, созданы для получения ими, прежде всего, дохода за счет рекламы брендов, товаров и услуг, но большая часть их функций предоставляются бесплатно, и простому пользователю сети интернет ничего не стоит заполнить форму регистрации и стать частью любой виртуальной социальной сети. Здесь необходимо сразу подчеркнуть, что в данном случае и далее категории виртуальных социальных сетей и социальных медиа для нас равнозначны и понимаются как общедоступные интернет сайты созданные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, где каждый отдельный пользователь создает свою персональную страницу, налаживает взаимосвязи с другими пользователями через подписку или взаимную дружбу, вступает в различные сообщества и объединения, а основным элементом подобных сайтов служит так называемая новостная лента с постоянными обновлениями за счет действий и публикаций других пользователями и/или администрацией сообществ и объединений. Так самую популярную российскую социальную сеть Вконтакте ежедневно посещают более восьмидесяти миллионов человек. И если первоначально, в 2007-2010 годах социальные сети оставались частью молодежной субкультуры, то к 2015 году аудитория по естественным причинам стала старше. И это результат не только повзрослевших посетителей социальных сетей, но и активное привлечение туда людей более старшего поколения.

Государственные и муниципальные органы власти обязаны присутствовать в сети интернет в соответствии со статьей 10 ФЗ № 8 от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» они должны размещать информацию о своей деятельности на официальных сайтах.

Если в отношении официальных страниц (сайтов) по мимо вышеозвученного закона существует еще и дополнительные требования установленные уполномоченным органом Правительства Российской Федерации и отдельно принятые в каждом органе власти или регионе документы в соответствии с действующими

требованиями, то в отношении «поведения» официальных органов государственной власти и органов местного самоуправления в виртуальных социальных сетях по сей день не существует каких-либо правил, регламентов и инструкции. Не смотря на это органы власти стараются не игнорировать популярность социальных сетей и работают там самостоятельно без участия законодательных требований. Отсутствие какого-либо единого стандарта «спущенного сверху» для всех с одной стороны позволяет оценивать органы власти в плане эффективности и открытости не отвлекаясь на излишнюю формализацию процесса взаимодействия граждан и органов власти¹ и рождает широкое поле для предметного исследования возможностей и уровня работы (принятии документов, кадровой составляющей, поставленных целей) в различных органах власти, регионах, ведомств и министерств, а с другой раскрывает дисбаланс понимания ситуации влияния социальных сетей на информационную среду, необходимую степень открытости и подбор инструмента работы в социальных сетях для каждого отдельного формального субъекта действующего от имени государства или муниципального органа власти.

Как правило, у органов власти, вне зависимости от статуса и необходимости взаимодействия с гражданами есть два пути работы в социальных медиа. Оба пути не являются обязательными или необходимыми, в связи с отсутствием требований закона. Так же в зависимости от целей и уровня понимания и осознания влияния социальных сетей оба пути могут применяться по отдельности или комбинироваться.

Первый путь, назовем его неофициально-коммерческим, имеет высокую кратковременную эффективность и связан с созданием ряда аккаунтов или сообществ в социальных сетях, которые могут проводить или подчеркивать информационную составляющую органа власти. При необходимости вступать в конфликты с другими пользователями и вбрасывать информацию для дальнейшего продвижения в СМИ близким к органам власти. При этом эти страницы никак не будут связаны с органом власти на прямую. В среде обывателей - пользователей социальных сетей аккаунты созданные таким путем называются «троллями» или «ботами». Работа с применением подобного инструментария, по понятным причинам, не может и не должна ложиться на сотрудников органа власти. В российской практике существует множество примеров разоблачения целых сетей подобных «интернет троллей» работающих под заказ органа власти или коммерческих организации. Измерить или получить данные об этом пути достаточно сложно, так как в большинстве случаев организаторы подобных схем не раскрывают ни уровень получаемого финансирования, ни точные цели поставленные перед ними, ни клиентов.

Второй путь менее романтичен, сильно затратен по времени, имеет не высокую эффективность на первоначальном этапе, но обладает формальными основаниями для проведения отдельного исследования и рассмотрения в отношении органов власти. Заключается он в создании официальных представительств органа власти в социальных медиа. Подтвердить официальность можно подчеркнуть по

¹ Н. Е. Дмитриева Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях. // Вопросы государственного и муниципального управления Выпуск № 2 / 2015

разному, прежде всего наличием ссылок на сообщества или аккаунты руководителей на сайтах, через СМИ или через официальную верификация сообществ администрацией социальных сетей, либо уже бюрократический подход публикация официальных документов, где все ссылки на сообщества в социальных сетях будут обозначены как принадлежащие органу государственной или муниципальной власти с наделением для них соответствующих функций. Объектами изучения в случае исследования официальной работы органов государственной и муниципальной власти в социальных сетях могли бы стать как эволюция отношения государственного органа к социальным сетям, так и сравнительный анализ аккаунтов или сообществ созданных на официальной основе различными, равными по уровню, органами власти.

Литература

1. Логинов С. В. Социальные медиа как канал политической коммуникации, Сборники конференций НИЦ Социосфера, – 2014, – вып. 38, – 118 – 124.
2. Сазанов М. В. Социальные сети – публичная сфера. – М.: Лаборатория СМВ, 2012.
3. Стинс О. Ван Фухт Д. Новые медиа, Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика – 2008. – Вып. 7. – С. 98–106.
4. Шестёркина Л. П., Борченко И. Д. Основные характеристики новых социальных медиа, Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2014. - вып 2. С 107 – 111.

МИРОВАНИЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 323.396

ББК 66.2 + 66.3

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ: ИХ ФУНКЦИИ, ФОРМЫ И РОЛЬ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Толкачев А.Е.

Статья посвящена фабрикам мысли и их влиянию на мировую политику. Рассмотрены ключевые концептуальные центры стран Запада в сопоставлении с отечественными. Выявлены вопросы к организации и формам стратегического политического планирования существующих интеллектуальных центров нашей страны.

Ключевые слова: «Фабрики мысли», аналитика, политическое стратегическое планирование, *Stratfor*, *RAND corp.*, *LSE*, *Институт Санта-Фе*, общество *Монт-Пелерин*.

The article is devoted think tanks and their impact on world politics. Considered key conceptual centers of Western countries in relation to domestic ones. Identified issues to the organization and forms of strategic political planning of existing intellectual centers of the country.

Keywords: «*Think Tanks*», *the analyst*, *political*, *strategic planning*, *Stratfor*, *RAND corp*, *LSE*, *Santa Fe Institute*, *Society Mont Pelerin*.

Формирование внутривнутриполитической повестки и системы политических решений, выстраивание стратегий устойчивого социально-экономического развития страны, прогнозирование возможных исходов той или иной политической и экономической ситуации, безусловно, должно основываться на внутреннем анализе политической системы, поскольку именно здесь формируется вектор движения и развития всех общественных подсистем.

Представляется возможным рассмотреть, как один из подходов к анализу политической системы, определение функционального состояния политической элиты общества. В контексте ныне существующих проблем в государственном управлении ключевую важность приобретает вопрос готовности элиты эффективного отвечать на вызовы политического окружения, способности генерировать эффективные политические решения по выходу из конфликтной и кризисной ситуации различного толка.

Теория элит содержит множество подходов к определению политической элиты и процесса ее циркуляции. Так, с позиций механистической теории Парето, политическая элита есть совокупность индивидов с более высокой степенью

Часто мнения исследователей этого вопроса разнятся и взаимоисключают друг друга, что дает широкий спектр трактовок в определении движущей силы мировой политики.

В докладе будет рассмотрена роль интеллектуальных центров, так называемых «фабрик мысли», в формировании политической повестки дня ведущих стран Запада, а также России.

Обычно «фабрики мысли» упоминают как структуры частные, негосударственные, занимающиеся разработкой заказанной им гуманитарной или технической проблематики, видя в них лишь аналитические структуры, что зачастую является неверным. Возникновение концептуальных центров, а также их формальную «отвязку» от государственных структур можно объяснить исходя из их целей и задач. Интеллектуальные центры должны осуществлять гибкое планирование без формальной привязанности к чьим-либо интересам, однако на деле неявная подоплека часто является основным мотивом в деятельности большинства концептуальных центров.

Среди исследователей «фабрик мысли» нет полного единодушия в вопросе о назначении центров. С точки зрения исследователей имеющих либеральную направленность - центры гибче государственных структур и способны эффективнее осуществлять планирование в тех сферах, которые государство объявляет приоритетными. Однако с этой же точки зрения сами «фабрики мысли» не могут влиять на возникновение или расширение этих сфер. Другими словами, они не обладают достаточным влиянием для каких-либо существенных изменений политической повестки дня.

Их оппоненты же заявляют буквально обратное. Со ссылками на высказывания ключевых сотрудников ведущих интеллектуальных центров они привязывают возникновение и существования центров к узкому кругу бизнес-элиты, которому необходим не только постоянный анализ текущей мировой ситуации, но и рычаги для ее приспособления к своим интересам. Фабрики мысли, по их мнению, не только формируют мировую политику, но и создают отношение к ней. Именно в «фабриках мысли» рождаются новые концепции и доктрины, новые кадры и экспертные заключения для государственных структур. Но деятельность интеллектуальных центров не всегда ограничивается только подготовкой экспертов и публикациями своих заключений, которые оказывают весьма ощутимое воздействие на своего читателя. Существует ряд фондов, которые специализируются на работе с региональной элитой и экспертным сообществом имея для этого свои филиалы в большинстве стран мира. Имея подобный уровень доверия, квалификации и осведомленности (помноженный на фактор присутствия ваших экспертов внутри политического процесса) нельзя не влиять на сам политический процесс.

А некоторые особенности возникновения интеллектуальных центров, а также сфер интересов «фабрик мысли» не могут не пролить свет на современную политику в целом.

Следует начать характеристику концептуальных центров со знаменитой RAND corp. Эта «фабрика» примечательна тем, что фактически являлась «пионером» для всех последующих центров. Учрежденная в 50-х годах для военного планирования, она становится позднее (по официальным заявлениям) независимой и аполитичной организацией. Сам принцип организации, междисциплинарные исследования, моделирование и конструирование ситуаций для стратегиче-

ского государственного планирования были перенесены из нее в другие «фабрики мысли». Большая часть деятельности РЭНД является закрытой, но нельзя не подчеркнуть ее выдающуюся мультидисциплинарность сохранившуюся и сегодня. Эта «фабрика» ведет параллельно разработки элементов военного вооружения с исследованиями в области неврологии, биологии и, конечно, политики. Официальные данные позволяют нам судить о масштабности данной «фабрики». На момент 2015 года RANDom велось исследований, состоявших в том числе и из государственных заказов, на сумму около 300 миллионов долларов. За 45 лет было подготовлено более тысячи специалистов, 950 публикаций, 600 новых проектов и получено 375 грантов. По некоторым данным этот центр, основанный сразу после второй мировой, являлся советологическим и помимо военных разработок занимался поиском уязвимостей в системе социалистического лагеря. Весьма любопытным является также «совпадение» в сроках назначения Бжезинского советником по национальной безопасности, его поездками в Польшу, планом «Полония», авторство которого большинством исследователей подтверждается в пользу РЭНДа и выступлением Польской «Солидарности». Во всяком случае, чем бы не занимался РЭНД, это не могло не быть связано напрямую с угрозой №1, которой являлось существование Советского Союза.

В этой связи нельзя не отметить деятельность Лондонской школы экономики и политических наук, основанной в 1895 году. LSE ведет обучение более 9000 студентов из 140 стран мира. В ее состав входит около 250 аналитических структур по ключевым мировым вопросам, начиная от макроэкономики и исследовательского центра посвященного Азии, заканчивая центром системных рисков. Именно этому концептуальному центру мир «обязан» проявлением талантов Фридриха фон Хайека и Карла Поппера, первый из которых с упором на экономику занимался критикой коммунизма и уравниванием его с фашизмом, а последний громил тот же коммунизм с философских позиций и противопоставлял ему «открытое общество» в котором весьма причудливо сочеталось отсутствие национальной идентичности и образ врага, необходимый для его существования. Стоит отметить, что разработки в этой области пришлось кстати, совпав, тем самым, с Фултонской речью У. Черчила. Прямая политическая необходимость в «очернении» коммунизма, зачатки этой необходимости внутри политических кругов Великобритании и США, нужда в тождестве между советским и фашистским солдатом подкреплялась теоретическими разработками в области экономики, социологии и политики которыми занимались Ф. Ф. Хайек и К. Поппер. В связи с этим мы имеем полное право выдвинуть тезис, который заключается в том, что само обоснование тезисов Фултонской речи (в период роста популярности левых и коммунистических движений в Европе и США, в период, когда советский солдат миром воспринимался как герой, освободитель) было бы крайне затруднительным без опоры на теорию, разработанную внутри LSE.

Позже, в 1947 году, фон Хайек основывает общество «Монт-пелерин», которое является одним из любопытнейших концептуальных центров, прославившийся выработкой специфических либеральных экономических теорий, состоявших в жестком позиционировании с так называемой Кейнсианской экономической мо-

делью. Закрытая деятельность «общества» до сих пор оставляет открытыми вопросы финансирования и сфер его интересов.

Не менее примечательным является деятельность «Института Санта-Фе», конек которого - функционирование сложных самоприспосабливающихся систем. Его основывает знаменитый физик и нобелевский лауреат Гелл-Манн Мюррей. Штат сотрудников набран из ученых, дипломатов, отставных военных и спецслужбистов. К работе также привлекаются и сотрудники РЭНД корпорейшен. Институт занимается публикацией статей и монографий по тематике «критичной сложности», проводит открытые и закрытые конференции и выпускает регулярный журнал. На одной из открытых конференций в 1996 году докладчиками были, например, Мюррей Гелл-Манн, Збигнев Бжезинский, Карл Билдер, Джеймс Розенау, Стивен Манн. Названия докладов: «Реакция на хаос», «Клаузевиц, нелинейность и значение образного ряда», «Хаос, сложность и война» и так далее. Наибольший интерес из всех для нас представляет Стивен Манн, специалист по кризисному мониторингу при Государственном департаменте США, дипломат, специализировавшийся по СССР, затем по России и СНГ. С 80-х годов он занимается теорией хаоса, пропустив через эту парадигму работу Клаузевица «о войне». В 92-м публикует статью в ежеквартальном издании Пентагона «Параметры» под названием «Теория хаоса и стратегическая мысль». Суммируя его тезисы, можно установить, что он описывает любую модель функционирования государства как имеющую аттракторы хаоса и подверженную хаотизации, что хаоса не избежать и что единственным государством, которое останется «островком порядка» являются США. Аналогии с арабской весной, разрушением Ливии, войной в Сирии, событиями в Украине и образованием Исламского государства являются более чем очевидными.

В качестве «фабрики», которая одновременно осуществляет весьма специфический «сбор информации», в сочетании с геополитическим моделированием и, по мнению ведущих исследователей, огромным влиянием на американскую *realpolitik* можно привести Stratfor. Именно этому центру принадлежат самые оперативные, смелые и, что не менее важно, подтверждающиеся публикации.

К примеру, именно Stratfor за две недели до первых официальных заявлений объявила о наличии бомбы на борту российского лайнера А321. Факт такого рода владения оперативной информацией впервые был продемонстрирован в 1999 году во время бомбардировок силами НАТО Косово.

Стоит отметить, что Стратфор занимается и аналитикой, геополитическим прогнозированием, выпуская ежеквартальные и ежегодные доклады, книги, а также откликаясь на важнейшие мировые события, вроде терактов во Франции или европейской напряженности с мигрантами. В результате детального знакомства с аналитикой центра, можно с уверенностью говорить об открытом воздействии на общественное мнение, что очень ярко прослеживается по публикациям западных журналистов, которые зачастую оказываются заложниками концептов этой «фабрики мысли». Если присовокупить к всему вышесказанному оперативную и правдивую подачу специфической информации, то напрашивается вывод, в котором перед нами один из самых влиятельнейших концептуальных центров планеты.

Рассмотрев ключевые концептуальные центры нельзя обойти стороной ту организацию мысли, которая должна была служить им противовесом.

В Советском Союзе аналогом интеллектуальных центров являлись открытые и закрытые институты, которые по мнению специалистов, в позднесоветский период часто неявным образом определяли линию партии. В качестве примера можно привести ключевые советские исследовательские структуры, такие как: ВНИИ системных исследований, Академия наук СССР и аналитические отделы при ГРУ, КГБ, а также и МИД СССР.

В постсоветское время имела место преемственность аналитических институтов, возникновение новых аналитических структур на базе «старых», что не изменило форму аналитической работы.

По утверждению специалистов нынешнее состояние российской аналитики нельзя назвать удовлетворительным, хотя она вполне терпимо показывает себя в среднесрочном политическом планировании. Но современная российская аналитика буквально пасует перед долгосрочным стратегическим планированием, что не может не вызывать справедливой критики в адрес ее форм организации, а также преследуемых целей.

Литература

1. Виноградова Т.И. Фабрики мысли (Think Tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике// URL: http://strategy-spb.ru/Koi-8/Proekt/Programma/fabriki_misli/stati/fabr_misl_usa_vinogr.htm.
2. Курносков Ю. В. Аналитика как интеллектуальное оружие. – 2-е изд. – М: Ритм, 2015 – 616 с.
3. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: «Экономика», 1992. – 176 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги – М.: Феникс. 1992 – 433 с.
5. Следующие 10 лет/ Фридман Джордж : [пер. с англ. А. Калинина]. – М. : Эксмо, 2011. – 320 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ БРИКС

Очеповский А.И.

Термин «БРИК(С)», появившийся в начале прошлого десятилетия, за 15 лет прошел путь от собирательного образа нескольких перспективных (по мнению аналитика Goldman Sachs Джима О'Нила) для инвестирования развивающихся стран до форума глав ведущих развивающихся государств, под эгидой которого уже создаются первые экономические институты (Банк развития БРИКС). Очевидно, данный факт нельзя не расценивать как определенный успех. В то же время необходимо понимать объективные факторы, которые представляют собой своеобразные «естественные пределы» и «проблемные зоны» на пути углубления взаимодействия в рамках БРИКС

Первой «проблемной зоной» можно считать вопрос формата БРИКС, связанный с выбором между форумом и интеграционной группировкой. Если БРИКС ставит во главу угла расширение числа участников, то более целесообразным выглядит первый вариант; если укрепление сотрудничества (переход от консультационной и координационной стадий к коалиционной и интеграционной) – то тогда предпочтительным является второй вариант.

Второй комплекс противоречий связан с экономической составляющей. В его рамках можно выделить, как минимум два аспекта. В рамках БРИКС можно выделить 2 группы стран: тех, чья экономика базируется на поставках сырья (Россия, Бразилия, ЮАР); и тех, кто «специализируется» на экспорте (Китай и Индия). Последним невыгодно способствовать технологическому развитию своих партнеров по БРИКС – в их интересах создание системы, при которой первой группе стран будет отводиться роль поставщиков сырья, что объективно не может устраивать Россию, ЮАР и Бразилию. Помимо этого, намечается усиление противоречий из-за столкновения инвестиционных интересов стран БРИКС в целом ряде регионов мира (например, Средняя Азия, Латинская Америка, Африка).

Третья группа потенциальных проблем имеет «политическое» происхождение. Так, в рамках БРИКС отсутствует единая созидательная идея, что в немалой степени связано с разным историческим прошлым стран-участниц. Кроме того, существует определенная «почва» для обострения отношений между некоторыми членами БРИКС. Подобные «конфликтные зоны» могут находиться в настоящее время в замороженном состоянии – однако они не устранены. Прежде всего, это касается отношений КНР и Индии; в меньшей степени – России и КНР.

Таким образом, можно говорить о том, что существуют серьезные препятствия на пути углубления сотрудничества в рамках БРИКС. Их анализ должен внести вклад в адекватную оценку данного объединения.

Ключевые слова: глобальное управление, БРИКС, проблемы сотрудничества.

Notion “BRIC(S)”, which was invented in the beginning of last decade, has developed from an abstract group of a number of attractive for investors developing countries to the forum of states’ leaders. Some economic institutions are developed under its aegis. Although it can be described as a success, it is important to consider factors, which can be described as “problematic zones” and “natural obstacles” for strengthening cooperation within BRICS.

The first “problematic zone” deals with the choice of the format of BRICS. Its members should choose whether to expand in terms of membership or to strengthen cooperation between current members.

The second one is related to the clash of BRICS members’ economic interests. Raw materials suppliers (Russia, Brazil, Republic of South Africa) are not satisfied with this role and would like develop industries, especially ones in the field of new technologies. But China and India are likely to do their best to prevent in order to avoid additional competition on the markets. Furthermore, investment interests of BRICS members are clashing in a number of regions (Latin America, Middle East, Central Asia etc.).

The third group of “problematic zones” is of political nature. BRICS states do not have any common constructive idea, which is caused, for example, by their different historic background. Moreover, there exists a ground for conflicts between some BRICS members (China and India, China and Russia).

To sum up, there is a number of obstacles on the way of developing cooperation within BRICS, which should be considered.)

Keywords: *global governance, BRICS, problems of cooperation.*

Термин «БРИК(С)», появившийся в начале прошлого десятилетия, за 15 лет прошел путь от собирательного образа нескольких перспективных (по мнению аналитика Goldman Sachs Джима О’Нила) для инвестирования развивающихся стран до форума глав ведущих развивающихся государств, под эгидой которого уже создаются первые экономические институты (Банк развития БРИКС). Очевидно, данный факт нельзя не расценивать как определенный успех. Какова цель БРИКС? Опираясь на заявления лидеров государств-членов данного объединения, можно сделать вывод, что ей является установление более эффективного режима глобального управления. При этом, в данном контексте понятие «эффективный» синонимично эпитету «справедливый»; под последним Россия, Китай, ЮАР, Индия и Бразилия, очевидно, понимают увеличение своей роли в институтах глобального управления. Стоит признать, что данная цель является довольно амбициозной и в принципе отвечающей интересам стран-членов БРИКС. В то же время необходимо понимать объективные факторы, которые представляют собой своеобразные «естественные пределы» и «проблемные зоны» на пути углубления взаимодействия в рамках БРИКС. Их анализ является целью данной работы. В целях систематизации они были разбиты на две группы: функциональную и реляционную. Первая из них включает в себя вопросы, которые связаны с тем, какие возможные формы может принять взаимодействие в рамках БРИКС и какие «пределы» степени сотрудничества для них характерны. Основой второй группы (реляционной) являются вопросы двусторонних отношений между странами-членами БРИКС. Данная категория в ходе исследования для удобства была разделена на две под-

группы (в качестве критерия выступила сфера отношений): экономическую и историко-политическую.

Первый вопрос, касающийся перспектив БРИКС, который требует рассмотрения, связан с форматом данного объединения. Выбор последнего напрямую связан с тем, до какой степени страны БРИКС хотели бы развивать сотрудничество в рамках данного объединения. Первый возможный вариант – координационная стадия сотрудничества с возможностью периодического формирования недолговременных конъюнктурных коалиций; второй – создание долговременной коалиции с потенциалом перехода на интеграционную стадию сотрудничества.

Первый вариант означает, что государства-члены БРИКС будут координировать свои действия на международной арене, выступая единым фронтом в разрешении некоторых вопросов (например, относительно возможной реформы управления МВФ), по которым их позиции совпадают. Идеальным форматом для такой модели сотрудничества можно считать форум. Собственно говоря, именно в таком формате существует БРИКС в настоящий момент. Используя критерии, которые обозначены ниже, можно выделить следующие характерные черты формата саммита:

1. Возможность расширения списка участников. Эффективность проведения форума не зависит существенно от количества стран, принимающих в нем участие. Можно даже отметить, что зачастую чем более представительным является форум, тем более значительным событием международной жизни он считается. В разное время среди «кандидатов» на место БРИКС назывались Турция и Вьетнам, Аргентина и Индонезия, Иран и Нигерия [2;3].

2. Возможность проведения единой политики. Стоит признать, что формат форума обладает достаточно низким потенциалом в плане данной характеристики. Документы, принятые по итогам форума, в подавляющем большинстве носят декларативный характер – следовательно, государства-участники (даже если подобный документ подписали) имеют полное право не придерживаться их буквы. Естественно, в данной обстановке речь может идти в лучшем случае о возможности формирования конъюнктурных коалиций, ограниченных как по времени существования, так и по сфере общих интересов. С одной стороны, это сохраняет государствам-участникам «свободу рук» на международной арене, с другой, делать ставку на подобную форму сотрудничества весьма рискованно, так как возникают сомнения в степени прочности партнерских отношений, которые имеют довольно слабую базу.

Получается, что формат форума можно считать подходящим, если приоритетной целью развития БРИКС является увеличение числа участников объединения. При этом, вопросы выработки и проведения единой политики отходят на второй план.

Второй возможный вариант предполагает углубление сотрудничества стран участниц с сопутствующим этому процессу созданием институтов интеграции. Как и первый вариант, его можно оценить с учетом уже указанных критериев:

1. Возможность расширения списка участников. Для развития эффективного интеграционного процесса (особенно на первых порах) увеличение числа членов

нежелательно. Очевидно, что чем меньше сторон в переговорах, тем легче прийти к единому решению, которое в определенной мере устроило бы всех участников.

2. Возможность проведения единой политики. Данная характеристика является целью и качеством, которое отличает любое эффективную интеграционную группировку. Для этого страны-члены создают специальные институты, на которых лежит задача по обеспечению выполнения данной задачи.

Можно сделать вывод, что формат (эффективной) интеграционной группировки предусматривает увеличение возможностей по выработке и проведению единой политики. Правда, при таком варианте надо предельно осторожно подходить к вопросу увеличения числа участников.

Таким образом, говоря о возможном формате БРИКС, необходимо учитывать как его преимущества, так и недостатки («естественные пределы»). Форум предполагает возможность увеличения числа участников и слабый потенциал по выработке и проведению единого курса. Выбор в сторону интеграционной группировки позволит создать возможности для более глубокого сотрудничества – но расширение представительства будет нежелательным.

Как уже было отмечено выше, помимо функциональных «естественных пределов» существует еще одна группа вопросов, которая может негативно сказаться на развитии БРИКС. Речь идет о существующих и потенциальных противоречиях в отношениях между странами-участниками данного объединения. Для удобства их можно разбить на две категории: экономические и историко-политические.

В рамках экономических «проблемных зон» можно выделить, в свою очередь, два аспекта, достойных рассмотрения. Первый из них связан с разными взглядами на экономическую специализацию стран-участников БРИКС. Второй базируется на столкновении экономических интересов стран БРИКС в разных регионах мира.

Если в качестве критерия взять роль страны на мировом рынке, страны БРИКС можно условно разделить на две группы. Для первой из них характерно преобладание в экспорте сырья и т.н. «полуфабрикатов» (товаров низкой степени обработки, которым требуется дальнейшая переработка); для второй – промышленных товаров высокой степени переработки, которые могут быть использованы для конечного употребления. В Таблице 1 (см. Приложения) представлены основные статьи экспорта на 2015 для стран БРИКС. На их основании к «сырьевым экспортерам» можно отнести Россию, ЮАР и Бразилию. Очевидно, что подобный расклад не устраивает ни одну из данных стран, т.к. он делает их экономики чрезвычайно зависимыми от конъюнктуры на мировых ресурсных рынках. Правительства этих государств с разной степени эффективности пытаются проводить политику, направленную на развитие местных промышленных отраслей (в первую очередь, связанных с инновациями) с целью не только обеспечить внутренний спрос, но и занять определенную «нишу» на мировом рынке. Но смогут ли они получить реальную поддержку своих начинаний в рамках БРИКС? Маловероятно, что Китай и Индия, которые уже к настоящему времени смогли сделать именно промышленную продукцию основой своего экспорта, будут стремиться помочь своим партнерам по БРИКС – лишняя конкуренция на мировых рынках им, очевидно, не нужна. И Пекин, и Нью-Дели устраивает текущий экспортный «расклад сил», при котором ЮАР, Бразилия и Россия являются поставщиками сырья, а они, в свою очередь,

продают готовые товары. Иными словами, если Россию, Бразилию и ЮАР не устраивает свое нынешнее положение на мировом рынке, то целью КНР и Индии является лишь перераспределение потоков сырья из стран-партнеров по БРИКС в свою пользу.

Помимо роли на мировом рынке, к негативным экономическим факторам можно отнести столкновение интересов стран БРИКС в разных регионах мира. Страны-члены этого объединения активно декларируют идею полцентричности в противовес гегемонистическим устремлениям стран Запада во главе с США. В частности, ни Москву, ни Преторию, ни Бразилию, ни Нью-Йорк, ни Пекин не устраивает проникновение западных игроков в регионы, которые они считают «своими»: для России это постсоветское пространство, для ЮАР – Африка (в первую очередь, Южная), для Бразилии – Латинская Америка, для Индии – Южная Азия, для КНР – Восточная Азия. В идеале мир (в лучших традициях полицентричности) должен быть разделен между ведущими центрами силы на зоны влияния (как это было перед Первой мировой войной без учета претензий Германии). Однако насколько это осуществимо? Может ли БРИКС способствовать достижению данного положения хотя бы в экономическом плане? Ответ на данный вопрос звучит, скорее, отрицательно. Причиной этому является инвестиционная активность стран-членов объединения, которая в современных условиях носит глобальный характер. Так, КНР в 2015 году приняла программу инвестирования 250 миллиардов долларов в Латинскую Америку, из которых 20 миллиардов предназначены для проектов в Венесуэле [4]. Китайские инвесторы пытаются закрепиться в регионе, который рассматривается Бразилией в качестве «своего» и в который также пытается проникнуть и Россия (проекты в Венесуэле). Существует еще несколько регионов, где столкновение инвестиционных интересов более, чем возможно: Средняя Азия (Россия и КНР), Ближний Восток, Африка. Подобные противоречия практически невозможно урегулировать «мирным» путем – они разрешаются тем, что одна из сторон вытесняет другую, чем последняя, естественно, недовольна. И эти настроения переносятся на общий характер взаимоотношений. Агрессивная инвестиционная политика Китая в перспективе грозит стать негативным фактором во взаимоотношениях внутри БРИКС.

Таким образом, взгляд на свою роль на мировом рынке, а также столкновения инвестиционных интересов несут в себе потенциал ухудшения в рамках БРИКС, что, в свою очередь, приведет к трудностям в развитии сотрудничества в рамках данного объединения.

Второй важнейшей сферой во взаимоотношениях между государствами является политика. В рамках БРИКС она также содержит определенное число факторов, потенциально (или реально) препятствующих укреплению сотрудничества в рамках объединения и переходу его на качественно новый уровень.

Первый вопрос, который стоит осветить, касается различия в историческом прошлом стран-членов БРИКС. Можно согласиться, что он не играет определяющей роли в выстраивании взаимоотношений внутри объединения – тем не менее, игнорировать его также не стоит. Как известно, одним из ключевых требований БРИКС являются изменения в системе глобального управления, которая, по их мнению, уже не отвечает современному раскладу сил в мире. Действительно, мно-

гие институты и механизмы глобального регулирования появились еще в середине прошлого века, и интересы бывших колоний (за несколькими исключениями – как, например, США) в них представлены слабо. И теперь БРИКС выступает за пересмотр существующих положений, которые она считает несовременными. Но нюанс заключается в том, что несправедливость положений видится членами этого объединения по-разному. Для КНР, ЮАР, Индии, Бразилии все предыдущие системы являются объектом для критики. Быть может, лишь Пекин испытывает некоторое удовлетворение от Ялтинско-Потсдамской системы (постоянное членство в Совете Безопасности ООН). Эти страны до относительно недавнего времени были колониями. КНР до второй половины XX века – де-факто; Индия – до 1947 года; ЮАР – до 1910 года (и еще значительную часть прошлого столетия из-за режима апартеида страна находилась в положении «изгоя»); Бразилия была формальной колонией до 1822 года – однако вплоть до второй половины XX века страна находилась под сильным влиянием иностранного капитала (британского, американского, в некоторые периоды – немецкого), что ставило ее политику в зависимость от инвесторов. В случае с Россией вырисовывается несколько другая ситуация. Данное государство (в той или иной степени) активно участвовало в формировании всех систем международных отношений, начиная с середины XVIII века (с небольшим «перерывом» в 1920-х – 1930-х годах). К какой исторической категории можно отнести Россию, если делить государства мира на «метрополии» и «колонии»? Однозначного ответа на данный вопрос нет, его рассмотрение достойно отдельной монографии (в силу объемности) – но признаков принадлежности к первой категории у страны несколько больше, чем ко второй. Цель России – ликвидировать «наследие» 1990-х годов, заключающееся в стремлении стран Запада во главе с США закрепить моноцентричную схему системы международных отношений. Об этом на протяжении последнего десятилетия неоднократно говорили ведущие отечественные государственные деятели. Таким образом, можно говорить, что в лагере БРИКС существуют исторические различия (Россия – все остальные участники), что обуславливает разное отношение к истории развития системы международных отношений, равно как и стимулы для участия в рассматриваемом объединении.

Помимо разного исторического прошлого, необходимо уделить особое внимание вопросу, связанному с наличием идеологической основы БРИКС. Ведь исторический опыт показывает, что для успешного развития интеграционных процессов (если такая цель, конечно, ставится) необходимо наличие состоятельной «конструктивной» идеологии, которая имела бы долгосрочный консолидирующий эффект. Можно ли считать, что чем-то подобным в настоящее время обладает БРИКС? Если говорить прямо – страны-члены этой группы объединены, прежде всего, наличием общего конкурента в лице США. Конечно, «эффект общего врага» является сильным объединительным мотивом – однако он не может быть отнесен к разряду «конструктивных»; к тому же, возникает закономерный вопрос: будет ли что-то объединять БРИКС, если влияние США будет сокращено? Пока, ответ на него, скорее, негативный.

Стоит заметить, что помимо различий, описанных выше, которые можно отнести к категории «фундаментальных», существует целый ряд проблем, связанных

с вопросами двусторонних отношений между странами-участницами БРИКС. Можно упомянуть две «сюжетные линии» в межгосударственных отношениях, которые, пожалуй, обладают наибольшим конфликтным потенциалом. Первый пример – российско-китайские взаимоотношения. Хотя в последние два десятилетия было подписано немало двусторонних документов, носящих подчеркнuto партнерский и даже дружеский характер, потенциал для возникновения противоречий остается довольно высоким. В ближайшие десятилетия «гонка за Среднюю Азию», основными участниками которой сейчас являются Москва и Пекин, вступит в новую стадию. Активная экспансия КНР, проводимая в данном регионе, неизбежно натолкнется на позиции России, которая та пытается удержать после распада Советского Союза. Подписание деклараций по данному вопросу носит кратковременный и, в первую очередь, демонстрационный эффект и не способно разрешить данное противоречие. Кроме того, существует еще один вопрос российско-китайских отношений, который в данный момент находится в «спящей» стадии. Речь идет о договорах 1858 (Айгунский) и 1860 (Пекинский) годов, когда в состав России вошли Приамурье и Приморье. Конечно, существуют более поздние российско-китайские соглашения (датирующиеся нашим временем), которые несколько изменили границу по Амуру в пользу КНР. Однако нельзя забывать, что Айгунский и Пекинский договоры в КНР традиционно относятся к серии так называемых «неравноправных договоров», которые ослабленная восстаниями и Опиумными войнами империя Цин была вынуждена заключать с ведущими западными державами и Японией. С тех пор Китай смог вернуть потерянное практически по всем договорам (например, Гонконг). Исключение составляют договора с Россией. Заявляет ли КНР в настоящее время о желании их пересмотреть? Нет. Говорит ли это о том, что Китай забыл о неравноправном (для него) характере договоров, по которым к России отошли Уссурийский и Приморский края? Ответ также скорее отрицательный. Помимо российско-китайских, серьезный конфликтный потенциал заложен и в индийско-китайских отношениях. Он проявляется как в таких «мелочах», как пребывание Далай-ламы XIV и правительства Тибета в изгнании в Индии (город Дхарамсала), так и в традиционно тесном сотрудничестве между Пекином и Исламабадом. Наконец, центральным элементом противоречий является вопрос границы между странами. В 1962 году имела место китайско-индийская пограничная война, отголоском которой стал конфликт 1967 года (в штате Сикким). Хотя к настоящему моменту достигнут определенный прогресс (в 2005 году КНР признала Сикким частью Индии), до сих пор существует проблема непризнания Пекином штата Аруначал-Прадеш частью Индии, равно как и суверенитет Китая над Аксайчином не признается официальным Нью-Дели [1, 126]. В последние годы активизируется военное проникновение КНР в регион Южная Азия: помимо традиционного сотрудничества с Пакистаном и Мьянмой, Китай наращивает свое присутствие в Бангладеш. Наконец, антииндийскую направленность имеют планы Китаю по созданию сети военно-морских баз в Индийском океане («нить жемчуга»).

Таким образом, говоря о политическом аспекте, необходимо обратить внимание на следующее. Страны БРИКС обладают различным историческим прошлым, что обуславливает их различия в оценке системы международных отношений и выборе желаемой модели. На данный момент у БРИКС отсутствует позитивная

идеологическая основа. Наконец, существует целый ряд потенциальных и реальных конфликтов между некоторыми странами-участницами БРИКС.

В результате анализа, основные результаты которого были изложены выше, можно прийти к следующим выводам. В настоящее время перед БРИКС стоит вопрос выбора между одной из двух форм организации, каждая из которых связана с определенными ограничениями. Формат форума позволяет практически безболезненно увеличивать число участников, однако в интеграционном плане он бесполезен. Движение по пути создания интеграционной группировки позволит усилить взаимосвязи между участниками и увеличит возможности по проведению единой политики – в то же время, количественный рост БРИКС при таком сценарии крайне нежелателен. Кроме того, попытка реализации формата интеграционной группировки связана с необходимостью преодолеть «проблемные зоны» в отношениях между государствами, которые в некоторых случаях довольно существенны. Таким образом, можно предположить, что лучшей стратегией является развитие БРИКС как форума. Придание такому рода сотрудничеству высокой степени приоритетности может быть рискованным и нецелесообразным.

Литература

1. С.И. Лунев. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – Т. 17. – № 17.
2. Lunev S. I. Importance of RIC, BRIC and BRICS for India // China in world and regional politics. History and Modern Times, 2012, Vol. 17, no. 17.
3. А. Шапенко. Воображая БРИКС. Четыре сценария будущего // BRICS Business Magazine. Код доступа: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/voobrazhaya-briks-chetyre-stsenariya-buduschego>
4. Shapenko A. Imagining BRICS. Four scenarios of the future // BRICS Business Magazine. Available at: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/voobrazhaya-briks-chetyre-stsenariya-buduschego>
5. БРИКС станет больше: Индонезия – на очереди. // ФБА «Экономика сегодня» Код доступа: <http://rueconomics.ru/89086-briks-stanet-bolshe-indoneziya-na-ocheredi>
6. BRICS will expand: Indonesia is the next candidate. // Fedral Business Agency “Economy today”. Available at: <http://rueconomics.ru/89086-briks-stanet-bolshe-indoneziya-na-ocheredi>
7. M. Rajagopalan. China’s Xi woos Latin America with \$250 billion investments. // Reuters, 8 January 2015 Код доступа: <http://www.reuters.com/article/us-china-latamidUSKBN0KH06Q20150108>
8. M. Rajagopalan. China’s Xi woos Latin America with \$250 billion investments. // Reuters, 8 January 2015. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-china-latamidUSKBN0KH06Q20150108>

**DISCURSO DE UN HISTORIADOR SOBRE LA MUERTE:
MUERTE CULTURAL DE PUEBLOS O INDIVIDUOS**

Guerrero Pedro Canales

Автор рассказывает о том, как смерть сопровождает человека. Биологическая смерть отличается от культурной смерти, а иногда последняя сопровождает первую. Индивидуальная смерть противостоит и препятствует уничтожению видов. Народы и цивилизации могут исчезнуть от насилия со стороны других или разрушить собственное экосистемное равновесие. Цивилизации могут исчезнуть, но часть культуры или часть народонаселения могут выжить. Перед лицом кризиса выживания народы могут быть ассимилированы, что означает одновременно и утрату, и выигрыш; как народы они могут исчезнуть, но как индивиды они могут выжить и интегрироваться в другую культуру и, как следствие, - биологическая и культурная метисация. Культура народа может быть разрушена путем экспроприации материальных ресурсов, ценой печального индивидуального выживания: народ, лишенный души, гораздо хуже, чем народ, практикующий ритуальный каннибализм. История – это биологический и культурный процесс. Идея смерти позволяет осуществлять воспроизводство культуры, побуждая индивида жить и оставлять наследие.

Ключевые слова: Биологическая смерть, культура, цивилизация, экосистема.

The author relates how death has accompanied man. Biological death differs from cultural death but sometimes accompany them. Individual death prevented the extinction of the species. Peoples and civilizations can die being violated by others or break their own ecosystem balances. Civilizations can be extinguished by its culture and people survive. Before survival crisis, people adapt culturally: they lose and gain; they may become extinct as a people but individuals survivors join another culture: biological and cultural miscegenation. It can be broken culture of a people exploiting their material resources. Thus, his life is empty at the price of the saddest individual survival: the people are soulless; this is sadder than the «simple» cannibalism. The story is biological and cultural miscegenation. The idea of death allows cultural reproduction; drives the individual to live, to bequeath.

Keywords: biological death, culture, civilization, ecosystem.

Preámbulo

Aunque como investigadores nos veamos obligados a especializarnos, los historiadores, como humanos o adolescentes curiosos, buscamos entender, explicarnos, el mundo, la vida, la muerte, el hombre. Tengo, por azar y grata suerte, como diría Weber, el oficio de ser profesor investigador de universidad pública. Casi por azar me convertí en investigador de la muerte y sus causas, circunstancias históricas que la expliquen. Pensar y explicar la muerte es pensar y comprender la vida. En mi trabajo busco analizar y determinar objetivamente las causas históricas de la muerte, las biológicas, las sociales, las económicas. Desde este terreno labrado tomo la pluma para redactar unas líneas a manera de ensayo. Para abordar algunos sentidos de la muerte utilizaré, como punto de partida, una controvertida hipótesis que he venido trabajando: las hipótesis tienen que ser controversiales o no son hipótesis. No investiga quien dice investigar para repetir lo sabido, describir sin categorías ni sistema, aplicar recetas, distribuir (des)calificativos o predicar creencias.

Ni Cortés ni Colón causaron la despoblación amerindia por la conquista

Mi hipótesis es que el colapso demográfico de nuestra América, excepción hecha del Caribe, al momento de la Conquista y durante los siglos coloniales tuvo por causa fundamental lo biológico y no lo social ni lo económico ni siquiera lo militar: en rigor, no hay que culpar a Cortés de tantas muertes. Me sorprende que haya quien siga culpando a Cristóbal Colón. Culpar a Colón es culpar al sabio y técnico atrevido y curioso. Si nuestros pasados amerindios hubieran tenido la posibilidad hubieran ellos descubierto e intentado la conquista de Europa, aunque hay que decir que los microorganismos no habrían estado a su favor. Aclaro, para lectores excesivamente apresurados, que no construyo leyendas rosas de la Conquista europea del mundo ni soslayo el lado admirable que tienen todas las culturas humanas, las amerindias no menos que la occidental: de ambas somos herederos los mexicanos. Son admirables incluso las culturas que se han suicidado agotando su ecosistema –admirables, claro, hasta antes del proceso suicida–. El lado menos admirable de los pueblos es su capacidad de violencia. Las guerras de conquista o entre pueblos por recursos o guerras civiles son violentas. Los humanos, todos y cada uno, somos territoriales (posesivos, envidiosos) y violentos como muchos animales; nosotros, todos, además de violentos, podemos ser injustificadamente crueles o suicidas. En honor a la verdad, también podemos ser generosos, en parte por cultura en parte por biología: los actos generosos liberan dopamina en el cerebro (Linden, 2011: 156-158), lo que estimula la costumbre en algunos generosos. La cultura puede acendrar o contener nuestra tendencia a la crueldad, al homicidio: acendrarla hasta el suicidio de la especie o contenerla –¿algún día?– al punto de la convivencia incruenta con el resto de los animales.

El tipo de muerte violenta a que me he referido corresponde a la muerte por guerras de conquista, guerras entre pueblos nómadas que se disputan territorios, pueblos agrícolas en busca de nuevas tierras o nómadas en busca de recursos, civilizaciones que buscan tributarios o conversos o mercados nuevos. Más o menos violentas, crueles, o injustas, desequilibradas por necesidad, estas guerras han estado presentes, inevitablemente – como en el resto del reino animal –, a lo largo de la historia. Sólo la cultura podría contener esta violencia, contención sin garantía de continuidad, en equilibrio inestable, tensa

siempre, y a condición de alimentar esforzadamente la tolerancia pero ¡sin renunciar a la violencia legítima en defensa de la no violencia contra los intolerantes violentos!: no, no es un trabalenguas, es utopía.

Economía demográfica de la Colonia: si no es la guerra, ¿son la geografía y la biología?

Utopía aparte, mi hipótesis también apunta que no fue el hambre ni las crisis agrícolas o alimentarias –si acaso las hubo– lo que controlaba el tamaño de la población durante la época colonial y el siglo XIX mexicano, en gran parte, al menos, del altiplano central. En efecto, gran parte del México central, ubicado geográficamente entre paralelos tropicales, goza de condiciones climáticas muy favorables a la agricultura centrada en el cultivo del maíz, con energía animada –incluso sólo humana–. Bajo este sistema de trabajo, la densidad demográfica mesoamericana antes y después de la Conquista podía ser comparable a la densidad europea que sí utilizaba energía animal y también diversos cereales menos productivos aunque más resistentes a las bajas temperaturas: las desventajas energéticas americanas eran compensadas por el clima de la región tropical pero limitaba el crecimiento demográfico fuera del México central y sus regiones privilegiadas. En este sentido, el continente americano se hallaba vacío comparado con Eurasia pero no respondía menos a las variables malthusianas: los recursos limitaban a la población y, seguramente, ésta su propia multiplicación, sobre todo entre los pueblos recolectores cazadores, a través de la incuria obligada hacia los más débiles: muerte individual –*decisión* cultural–, precio de la sobrevivencia biológica de los productores ante los límites de la productividad los recursos. En ausencia de agricultura, de un Estado organizador, de una geografía más favorable, la producción es directamente proporcional al número de brazos útiles. La conquista de América por los europeos cambió estas condiciones pero no radicalmente en términos demográficos, sí, en cambio, en la geografía de los recursos: los animales domésticos eurasiáticos se multiplicaron en los espacios parcialmente desocupados –colinas y bosques ya no serían sólo fuente de combustible, recolección silvestre y cacería menor– sino que mejorarían la disponibilidad de proteína para la población agrícola amerindia. Los nómadas del norte se apropiaron del caballo para pelear por mayores espacios y recursos prehispánicos e hispánicos. Los pueblos agrícolas perdieron tierra y población, ganaron recursos, proteína, y cereales relativamente menos productivos que el maíz: menos granos por semilla sembrada pero más resistentes a las heladas, de ciclo más corto y menor requerimiento de agua. Otra vez la muerte de muchos individuos tiene otra cara en la misma moneda: incremento de las posibilidades productivas y de consumo que los pueblos no dejaron de incorporar, en proceso de mestizaje cultural. La aculturación también puede tener dos caras si es exitosa, como en la historia de la humanidad toda: renace, se revitaliza, al dejar morir, abandonar, elementos e incorporar nuevos.

Así, el lento crecimiento de la población –hasta el siglo XIX– estuvo determinado durante ese periodo por el elevado número de muertes causadas por recurrentes epidemias, como en Eurasia desde que se incrementara la densidad demográfica, gracias a la agricultura y la domesticación de animales: fuera de Eurasia no había animales domesticables de tiro y si los hubo se habían extinguido –léase, el hombre los exterminó, como

parece ser el caso del caballo, precisamente en América, antes de que los amerindios pensaran en domesticarlo—.

Todo parece tener dos caras, como las monedas: se gana y se pierde. Si la agricultura y la domesticación de animales revolucionó la reproducción humana, también dio pie a la reproducción de los seres invisibles que los acompañan: microbios, virus, bacterias y hongos que se diseminan entre especies, a veces de manera mortal, zoonótica desde el punto de vista humano. En realidad, inevitablemente, la vida de unos implica —en la cadena alimentaria— la muerte de otros individuos de diferente especie: no debe extinguirse la especie alimento porque se pone en riesgo la especie alimentada e incluso más especies que forman parte de la cadena. En este contexto, se observa una alternativa. Los microbios matan a algunos o muchos individuos pero no a todos porque en la lógica del azar y la necesidad darwiniana existen diferencias genéticas que protegen a los suficientes individuos para permitir su reproducción y la de su especie o grupo humano: éste fue el caso de muchos pueblos americanos ante la ineluctable conquista epidemiológica por parte de los europeos en el siglo XVI.

Consecuentemente, postulo que la otra cara de esta moneda de la muerte de muchos amerindios —la que impedía la extinción demográfica de la América hispánica conquista-epidemiológicamente, antes que militar o culturalmente—, era la sorprendente, azarosa y lenta adaptación genética de nuestros antepasados humanos en general, de los amerindios en particular. Lo mismo había sido en Europa de larga data y frente a las graves epidemias, casi todas zoonosis, casi todas originadas en Asia: viruela, sarampión, peste, tifo.

La aclimatación genética de la especie y la muerte individual

Hablar de adaptación genética es un eufemismo. La adaptación genética significa simplemente la muerte de los individuos no aptos: Darwin *dixit*. La naturaleza no es cruel, simplemente es. Se gana y se pierde; el individuo pierde, la especie gana aunque no gane todas las partidas. Por ejemplo, ¿cómo se explica, según algunos epidemiólogos, la mayor incidencia de la diabetes entre nosotros, población de origen amerindio? Precisamente por nuestra componente genética amerindia. En efecto, el primer poblamiento de América, desde Asia por el estrecho de Behering, implicó la selección de los individuos aptos genéticamente para acumular grasa y sobreproducir glucosa, como mecanismo para sobrevivir a la escasez de recursos y hambre en la secular travesía de las tierras heladas, inhóspitas, del norte de América hasta las regiones tropicales: los individuos no aptos murieron, los aptos son nuestros ascendientes. En este sentido, la biología ayudó a las generaciones que sobrevivieron e incluso crearon culturas, pueblos, en esas tierras tan inhóspitas.

Y Malthus había ya postulado que los recursos alimentarios son limitados frente a la capacidad geométrica de la reproducción sexual humana. El corolario: la muerte del excedente de la población hasta reencontrar el equilibrio ecosistémico entre recursos y poblaciones. No sólo se trata de reproducción humana ni sólo sexual: en los ecosistemas los seres encuentran el equilibrio funcional por la muerte y depredación de unos por otros. No otra cosa es la cadena alimentaria donde hemos de incluir a los microorganismos que nos causan la muerte.

Sin embargo, el equilibrio ecosistémico de los hombres y sus recursos es complejo, precisamente por ser cultural no menos que biológico. Lo dice la definición más simple

de cultura: es la adaptación del hombre a los diferentes medios para obtener recursos y reproducirse biológica y socialmente. Biológicamente, hay adaptaciones genotípicas o fenotípicas ligadas a la selección natural del hombre: citamos la adaptación del hombre americano para sobreproducir glucosa y grasa y podemos recordar que el color de la piel africana protege de los excesivos rayos solares como la piel clara europea favorece la absorción de las vitaminas C y D en un medio donde la exposición solar es reducida. Estas simples diferencias fenotípicas –históricas– han bastado a unos para hablar de *razas* y a otros para justificar su intolerancia, su estulticia, su racismo: sin migración, diferencias y mestizaje, pueblos y humanidad se habrían extinguido. Y hay más argumentos de selección natural. Siguiendo a Darwin, como queda dicho antes, la muerte individual garantiza la pervivencia de la especie, por ejemplo la humana: los virus y las bacterias matan a los individuos pero no han exterminado a la especie, armada por el azar con millones de variantes genéticas.

De la variación genética por puro azar y puro sexo

Una observación científica nos aclara el sentido e importancia de las variantes genéticas de los animales y muchas plantas, variante genética enriquecida –¡oh ventura placentera!–, por la reproducción sexuada, como la humana. La reproducción asexuada es pobre en variantes genéticas y por lo mismo hace más vulnerable a la especie frente a las enfermedades.

En la división celular las características genéticas de los nuevos seres son generalmente idénticas. En la reproducción sexuada, como entre vertebrados y mamíferos, la variabilidad genética se multiplica exponencialmente entre los individuos de la misma especie, por el simple hecho que cada progenitor aporta, al azar, un cromosoma de cada par de los 22 cromosomas homólogos que posee, más el par de cromosomas que determinan el sexo. El código genético humano contiene 24 secuencias cromosómicas, unos 25 500 genes y cerca de 3 200 millones de pares base: es en 3.2 millones de alelos, ¡el suficiente 0.1%! de la anterior cifra, donde se determinan las diferencias individuales.

En efecto, 10% de la población de origen europeo puede ser portadora del VIH pero nunca desarrollará la enfermedad del SIDA: está protegida por la ausencia de un alelo que constituye la puerta de entrada del virus al sistema inmunológico entre más de los 3 millones de alelos (variante genética). Esta variante (ausencia del alelo CCR5) ha sido heredada por esta población, según investigadores matemáticos epidemiólogos, tras algunas epidemias acaecidas en territorio europeo; postulan que debió tratarse de una fiebre hemorrágica en la Antigua Roma y la peste de la Edad Media en Europa (Duncan et al., 2005). Muchos contemporáneos pudieron haber sido contagiados pero no enfermaron, no murieron y tuvieron descendientes, en cierta proporción, con la ausencia del mencionado alelo, quienes a su vez procrearon hijos con esa característica... y así sucesivamente, hasta el 10% actual de la población descendientes de europeos. En África, donde los científicos observaron por primera vez el hecho entre prostitutas, también han hallado población protegida contra el SIDA por la deriva genética: azarosa ausencia del mismo alelo.

En esta competencia por sobrevivir de toda especie pocas veces extermina a sus competidoras porque, paradójicamente, el exterminio de una especie por otra puede sig-

nificar la muerte de ésta, si se halla en su propia cadena alimentaria. Lo mismo puede decirse de los microorganismos que compiten y se matan unos a otros para sobrevivir.

No sólo los microorganismos nos matan; nosotros los destruimos a ellos individualmente e incluso como especie, aunque, sobretudo esto último, no está exento de paradójicos peligros. Se ha erradicado la viruela en la naturaleza, y ya no nos vacunamos, por lo que el virus usado como arma biológica podría causar estragos semejantes a los de la conquista de América. Los antibióticos y antisépticos también han mostrado su paradójico peligro: en la misma lógica de la sobrevivencia del más apto genéticamente hablando, los virus y bacterias son capaces de volverse resistentes como especies. Así se explican las bacterias hospitalarias resistentes a antisépticos y antibióticos. Ahora, la cultura humana busca nuevos mecanismos de prevención y curación que eviten la selección natural de virus y microbios, selección empujada por antibióticos y antisépticos. Como se ve, esta guerra no termina, no se ha ganado y acaso no se pueda ganar definitivamente; se ganan batallas con inteligencia, se deberá ganar la mejor e inteligente coexistencia. Contamos con armas biológicas, como el sistema inmunológico o la diversidad y deriva genéticas, pero también armas culturales, las tres igualmente importantes: la prevención individual y la social, la medicina científica. Lo expuesto en este apartado buscaba sustentar que la recuperación durante los siglos XVII, XVIII y XIX de la población amerindia conquistada se debió a la azarosa diversidad genética humana implicada en la selección natural: la cultura científica de la época era absolutamente incapaz de lograrlo, la cultura alimentaria no formaba parte de la ecuación. Empero, hacia adelante, lo mejor de la cultura humana, la ciencia, puede prevenir y construir el futuro de la humanidad: al igual que la extinción de la violencia, puede tratarse de una utopía más. Ojalá, el control de la variable demográfica permita un mejor futuro, no tanto por una temida incapacidad para producir suficiente alimento cuanto por razones culturales –no sólo de pan vive el hombre–, de mayor equilibrio individual emocional y habida cuenta del ritmo al que se puede construir la equidad social en un grupo humano. Si el acelerado crecimiento demográfico en algunas regiones dificulta el desarrollo económico, dificulta más la construcción de oportunidades equitativas.

De la explosión demográfica y el feminista condón

La explosión demográfica del siglo XX se debió a la medicina científica y a la no prevención sexoeconómica que corresponde a las edades juveniles: se tiene sexo sin pensar... sin pensar en el saludable, democrático y feminista condón (no confundir condón femenino con feminista condón). Tenemos sexo sin pensar en las consecuencias socioeconómicas de los embarazos que afectan la calidad de vida, en términos de salud pública e individual, masculina y femenina, y de economía sexual. El sexo-sin-pensar fue muy útil para la sobrevivencia de la humanidad atacada por frecuentes muertes en edad reproductiva y la alta mortalidad infantil, ambas causadas por virus y bacterias durante tantos siglos desde la revolución agrícola. El mismo sexo-sin-pensar hoy día causa sobrepoblación. Si las altas tasas de mortalidad de los pueblos agrícolas garantizaron la continuidad de la vida por sobre la muerte de los pueblos e incluso por sobre la extinción de la especie, hoy día, altas y tempranas tasas de natalidad causan la sobrepoblación que puede afectar la calidad de vida hasta la muerte. Desde esta perspectiva: en esta vida nos va la muerte.

Las otras causas de muerte biológica:

El sexo débil, ni tan débil; el sexo fuerte, ni tan sexo (O’Gorman, 1996: 31)

Independientemente de las enfermedades infecciosas a las que me he referido como causa de muerte, tenemos también a las enfermedades congénitas, degenerativas y las causadas por desequilibrios alimentarios. Las muertes violentas por accidente u homicidios completan el cuadro de las causas de muerte.

Hemos evocado los homicidios originados en gran parte por nuestra naturaleza violenta. Por supuesto, muy mayoritariamente causados por hombres que se sienten más fuertes que las mujeres y que otros hombres. En este sentido la biología apoya la interpretación de esos hombres: poseen músculos más fuertes. Pero aclaremos: ni el cerebro es músculo ni el corazón es sólo músculo; tampoco los órganos sexuales, diría O’Gorman en la segunda parte del aforismo que abre este apartado: el sexo fuerte, ni tan sexo.

Cabe decir que la muerte por accidente es también más frecuente entre los hombres que, por pasar más tiempo fuera del hogar, están más expuestos al trabajo peligroso y a los excesos (adictivos, como el alcohol). Así se explica que la esperanza de vida de las mujeres, al final, sea mayor: estadísticamente, los hombres mueren más jóvenes. Aunque los virus, en su mayoría, no distinguen sexo ni edad al atacar mortalmente, muchos tienen una casi imperceptible menor incidencia estadística sobre las mujeres y, contra lo que se cree, aun (proporcionalmente) menor sobre los niños: estas dos verdades estadísticas han favorecido la pervivencia de la especie humana. Para compensar esa ligera sobremortalidad masculina, hay más hombres que mujeres al momento de nacer. En la maternidad, en cambio, obviamente, el riesgo lo corren sólo las mujeres: era altísimo todavía en la generación de mis abuelas, años veinte del siglo XX; una de las dos murió al quinto parto, porque la penicilina no había llegado al pueblo de mi padre, ni a México...: ¡la penicilina llegaría con la segunda guerra mundial!

A propósito de las muertes violentas, como decía antes, sólo la cultura nos ayuda a controlar nuestra tendencia a la violencia, a la crueldad. El *homo homini lupus* sólo puede ser contrarrestado por el contrato social: Hobbes *dixit* y las estadísticas parecen apoyar su dicho. Recuentos de la mortalidad violenta según el número de habitantes en México muestran un descenso constante desde finales de la Revolución mexicana, descenso ligado a la creciente presencia del Estado en el territorio, tendencia sólo recientemente contrariada por la violencia de narcotraficantes que desafían el monopolio legítimo de la violencia.

Las enfermedades congénitas, antes, generalmente, causaban la muerte temprana de los afectados. La otra causa genérica de muerte, la degenerativa, se presenta fundamentalmente como producto del envejecimiento. Así, podemos preguntarnos: ¿cómo se definen, se delimitan, la vida y la muerte? Acabados de nacer empezamos a morir no sólo porque comienza la cuenta regresiva del punto final sino porque nuestros órganos recién formados, en su mayoría empiezan a desgastarse aunque biológicamente tengan la capacidad de renovación casi permanente e incluso de reprogramación: el cáncer es la imposibilidad de reprogramar el órgano cuyo sistema se alteró multifactorialmente. Llega el momento en que el organismo no tiene esa capacidad: la persona morirá, a pesar de que la ciencia médica siga haciendo avances asombrosos para curar, ya actualmente, con na-

nomedicación, nanotratamientos anticancerígenos y regenerativos, e incluso para alargar la vida por modificaciones genéticas.

De la extinción cultural: social e individual

Hablamos de la muerte biológica. ¿Y la extinción cultural individual o social? La muerte cultural del individuo no es inmediata: depende de su legado material y, precisamente, cultural. La desaparición física no causa inmediatamente la de su memoria y prueba de ello es que los humanos siempre, de una u otra manera, han *conservado* a sus muertos, incluido el canibalismo ritual: los animales no lo hacen –no porque no lo resientan–; vestigios mortuorios y restos de fuego intencional, es lo que permite a los arqueólogos adjudicar restos a poblaciones humanas antiguas.

La extinción cultural de una sociedad es más impresionante porque las sociedades, por definición, nacen en la búsqueda de la pervivencia. Cuando fallan elementos culturales claves las civilizaciones o las sociedades se colapsan. Jared Diamond (2007) expone lo que se ha investigado sobre los elementos materiales y culturales que han llevado a algunas civilizaciones o pueblos o ecosistemas al colapso; *Colapso* es el título de su libro. Se discute por ejemplo la desaparición de la civilización maya, donde pudo haber influido tanto el exceso de tributación sin retorno por parte de dirigentes como sequías prolongadas. Desapareció la civilización maya no los pueblos mayas y su cultura. El mismo Diamond, en el mismo libro, nos refiere más casos paradigmáticos, no necesariamente referidos a civilizaciones pero sí pueblos agrícolas que sobrevivieron y crecieron al límite malthusiano de sus recursos y complejidad social, antes de extinguirse: los habitantes de la isla de la Pascua, cuyos vestigios monumentales todavía observamos, y los agricultores del desierto de Nuevo México y norte del México actual –los anasazi y sus vecinos– que sucumbieron bajo la ruptura del equilibrio ecosistémico, entre dimensión demográfica y sequía extraordinaria. Éstos, como algunos participantes de la Segunda guerra mundial, practicaron el canibalismo como recurso extremo de sobrevivencia: ello no los salvó de la extinción como cultura y la integración de algunos sobrevivientes a otras culturas.

Otro caso de muerte cultural, impresionante porque prueba ejemplarmente la importancia de la cultura de todo pueblo, lo tomo de Fernando Escalante Gonzalbo (2011), quien reseña el libro de un segundo autor (Colin Turnbull, 1972) sobre el caso de un pueblo africano, de antigua cultura nómada, que quedó atrapado en una montaña de Uganda obligado por su propio gobierno a reconvertirse a la agricultura: perdió su cultura cuando los nuevos países (Uganda, Sudán y Kenia) seccionaron el territorio que les permitía la reproducción no sólo biológica sino cultural. Cito al autor que reseña:

«súbitamente desapareció todo su mundo, desapareció el fundamento material de su modo de vida, de rituales, instituciones, prácticas, vínculos, emociones. A Turnbull le tocó ver el resultado. Y eso cuenta en El pueblo de la montaña. Se encontró con una sociedad sin rituales, sin afectos, sin pasiones, una sociedad en la que no tenía sentido la idea de compartir nada, donde el interés individual estaba por encima de cualquier otra cosa, porque todo era irrelevante. En un mundo así la familia es obviamente un estorbo. El grupo ideal está formado por un hombre y una mujer, sin hijos ni parientes mayores, porque son otros tantos apéndices inútiles, un lastre. Piden comida, piden atención.

Pone Turnbull de ejemplo, uno entre muchos, el caso de Adupa, una niña algo re-

trasada, que no entendía cómo funcionaban las cosas, que se quedaba sin comer porque los otros niños le arrebataban lo que encontraba, y que insistía en volver a la choza de sus padres, llorando, para estar con ellos; según cuenta Turnbull, finalmente la dejaron entrar, amarraron la puerta, y se fueron. Y Adupa se quedó allí, esperando a que volvieran, esperando a que le llevaran comida, hasta que murió de hambre. Dice Turnbull que sin llorar, sin quejarse. Diez días después sus padres ni siquiera tuvieron que ocuparse de enterrarla, porque el cadáver estaba ya medio descompuesto, y nadie iba a distinguirlo entre la basura. Y no tenía importancia. (Escalante Gonzalbo, 2011)»

La vida o la muerte del hombre no tienen sólo un sustrato biológico: estrujante, paradójico y demostrativo es el caso citado. El hombre es, además de biología, cultura: pensamientos, transmisión para la pervivencia de valores, ideas, instituciones heredadas que debemos revitalizar para, a nuestra vez, legar.

Peso muerto individual

La muerte nos impulsa a vivir, por ello los ancianos duermen menos que los niños o los jóvenes: la vida es corta y hay tantas cosas por hacer, dar, culminar; por mirar, admirar, gozar, producir, escribir para legar como un árbol que plantamos y nos sobrevive. Estudiosos de las disciplinas humanísticas, lectores ávidos, curiosos, inconformes con las verdades sabidas y los lugares comunes, se trata de ser –o no ser– ni hoy ni mañana **muerto** para el país ni para la humanidad: la vida es corta.

Bibliografía

1. Diamond, Jared, (2007), *Colapso*, Debolsillo, México
2. Duncan, S.R., S. Scott, C.J. Duncan (2005), “Reappraisal of the historical selective pressures for the CCR5-32 Mutation” en *Journal of Medical Genetics* 2005; 42: 205-208. <http://jmg.bmj.com/cgi/content/full/42/3/205> (Consulta: 21/09/ 2009).
3. Escalante Gonzalbo, Fernando, (2011) “Los Ik y la naturaleza humana”, *La Razón*, octubre 22 de 2011. Consultado en http://www.razon.com.mx/spip.php?page=columnista&id_article=94967.
4. Linden, David J., (2011), *La brújula del placer*, Barcelona, Paidós.
5. Bacci, Livi, (2006), *Los estragos de la conquista*, Barcelona, Crítica.
6. O’Gorman, Edmundo, (1996), *Aforismos*, México, UNAM.
7. Turnbull, Colin M., (1972), *The Mountain People*. New York: Simon & Schuster.

TIEMPO Y MORAL EN LA FILOSOFÍA DE LA IDENTIDAD: UNA INTERPRETACIÓN DELEUZEANA

Zaragoza Óscar Juárez

Цель настоящего доклада – показать некоторые основные черты концепции времени и морали в философии тождества, выявить главные последствия, которые вытекают из анализируемой тематики и привести их опровержение, исходя из позиции французского философа Жилия Делёза.

Ключевые слова: *время, тождество, мораль, принцип.*

The present report is intended to show some of the main features of the concept of time and the moral philosophy of identity. Glimpsed the main consequences that flow from this way of thinking about both topics and questions from reading the French philosopher Gilles Deleuze.

Keywords: *time, identity, moral, principle.*

Todo ejercicio filosófico establece un maridaje determinado con el *tiempo*. Aun cuando no siempre lo hace de manera consciente, cuando, en apariencia ni tan siquiera es tratado por los filósofos, el tiempo está siempre presente en su obra. En algunos hay cierta preferencia por el pasado, en otros todo lo determina el presente, y en otros, es el futuro quien tiene la primacía. Por la preferencia que se tenga en esta relación con el tiempo los ejercicios filosóficos suelen adquirir cierta unidad.

La filosofía griega, por ejemplo, en tanto apela a un *principio* de las cosas da preferencia, inevitablemente, al pasado. El principio es lo primero, el principio es lo anterior, no puede pensarse lo segundo sin lo primero. En la sucesión temporal la primacía la tiene siempre el pasado. El principio es el pasado de todo lo subsiguiente; el principio es lo principal, dice la vieja fórmula. Pero, que el principio sea lo principal ¿qué consecuencias tiene para la filosofía?

Cuando un filósofo otorga, de manera consciente o inconsciente, la primacía al pasado determina de manera definitiva las posibilidades de su filosofía. Si el principio, como pasado de todo lo segundo, es lo más importante, no existirá empresa más significativa para el filósofo que tratar de encontrar los medios, el camino, el recorrido correcto para retornar al principio, para llegar a contemplarlo sin las interferencias de lo segundo. Nuevamente Parménides, Platón y Aristóteles son los más representativos, por ende, todo el neoplatonismo y los seguidores de Aristóteles. Podría pensarse que Heráclito se salva de este sometimiento al pasado, sin embargo, no es así, en cuanto ley, que todo lo crea y lo destruye, el fuego es el principio de todas las cosas, es anterior a ellas y por tanto es eterno. De esta forma la filosofía queda sometida, en su totalidad, por el pasado.

No hay posibilidad del surgimiento de lo nuevo. El presente y el futuro quedan maniatados por el pasado y la filosofía no consiste en otra cosa que en la búsqueda del retorno más puro al pasado. Las posturas sobre el cómo de este retorno puro hacia el pasado pueden variar, Parménides optaba por el alejamiento de este mundo a través de la abstracción, Platón por el retorno a la idea, y Aristóteles por el conocimiento de los principios de todas las cosas.

La relación, pasado, presente y futuro queda determinada por la primacía del pasado. Todo presente adquiere su posibilidad y su sentido por donación del pasado. El futuro, desde el anhelo filosófico no es sino el retorno puro al pasado. El filósofo, como futuro, no plantea otra cosa que el reencuentro con el pasado. La filosofía retoma la imagen circular en toda su plenitud. Salimos del pasado, recorremos el presente y debemos retornar al pasado. En lo real, si el pasado dona la posibilidad de lo presente, tal como se nos presenta, de igual manera dona la posibilidad de lo futuro cuando éste se vuelve presente. El futuro no tendrá posibilidad alguna de ser diferente de lo que es el presente y de lo que a su vez es el pasado. La filosofía consiste en una actividad que si bien intenta escapar de la estupidez del presente, al olvidar la relación con el pasado, lo hace anhelando el sometimiento al pasado. Nunca podrá surgir algo diferente, algo nuevo pues todo está determinado por el pasado. Por ello los primeros filósofos no encontraron móvil más acuciante de su actividad que la búsqueda del *principio* de todas las cosas y la clarificación de cómo da lugar a lo segundo; la filosofía como ciencia del principio de todas las cosas, filosofía presocrática, o como ciencia de los primeros principios y causas de todas las cosas, Aristóteles. Es motivo de gran asombro el constatar, en este último, por ejemplo, el rápido agotamiento de la actividad filosófica. Los primeros principios son tres y las causas cuatro; en el descubrimiento de este puñado de proposiciones la filosofía cumple su cometido, según Aristóteles, y en adelante únicamente las ciencias segundas tendrán que efectuar el conocimiento de determinada región del ente. Pues ya poseemos la seguridad filosófica que todo ente que exista encuentra su posibilidad en los tres principios y en las cuatro causas.

La filosofía medieval no escapa a este sometimiento al pasado. Dios como creador de todas las cosas es su origen, es lo primero en relación con todo aquello segundo que tiene su posibilidad en Él. Y si bien puede objetarse que Dios no es puramente pasado, sino que es eterno y actual, eso no evita que nuestra relación con Él sea siempre la de un presente segundo que debe su posibilidad a un pasado primero. Que podamos pensar a Dios como eterno es sólo el efecto de una actividad reflexiva secundaria, la relación primordial que se establece con Dios es siempre de origen, de fuente, de donación, por ende de pasado, nuestro pasado que puede seguir dando posibilidad al presente. *Venimos de Dios y no tenemos misión más importante que retornar a Él.*

El empirismo optó por tomar como momento relevante del tiempo al presente. Sólo lo presente puede ser constatado. La filosofía queda sometida al presente. No obstante que ahora la primacía la tiene el presente, éste posibilita al pasado y al futuro. El pasado como memoria, recuerdo, y el futuro como posibilidad, como anticipación. Si han sucedido mil casos en el que el resultado fue el mismo, es muy probable que el mil uno suceda exactamente igual que los mil casos anteriores. En la anticipación de la posibilidad está presente el pasado como recuerdo; recuerdo que ha sucedido siempre de esta manera, por lo tanto, es muy probable que vuelva a suceder en igual forma: Finalidad,

causalidad y posibilidad se hallan siempre en relación con la cosa ya hecha, y presuponen siempre que el todo está dado (Deleuze, 2005:42). Lo que llama la atención en esta relación del pasado, presente y futuro es la conformidad con la cual funcionan. Nada extraño sucede, nada sale de sus cauces habituales; el presente posibilita al pasado, como recuerdo de casos iguales o similares y por ende el futuro estará dentro de estos mismos cauces. La filosofía consiste en explicar esas relaciones que conforman lo habitual, lo ordinario, lo que está conforme a las relaciones descubiertas y las cuales funcionan de igual modo en cada uno de nosotros. La hegemonía del presente no rompe con la conformidad de la estructura del tiempo cotidiano, la filosofía contribuye a ello porque no hace otra cosa sino explicar cómo sucede lo habitual, lo cotidiano, lo ordinario. Bien es cierto que causa cierto revuelo cuando niega la primacía del pasado, pero este revuelo es una engañifa, una falsa alarma, todo vuelve a ser como era, ya sea dándole primacía al pasado o al presente. La actividad filosófica explica conceptualmente aquello que se da sin necesidad de lo conceptual, aquello que está siempre ahí y que continuará dándose sin necesidad de lo filosófico.

Quienes por el contrario otorgan la primacía al futuro no rompen el esquema normal del suceder común. El futuro determina el presente, en su función de medio, para la consecución plena del futuro tal como se postula; Kant es representativo en este sentido: podemos llegar a la edad de la razón (futuro), sólo con la condición de que en el presente asumamos nuestra parte racional y abandonemos el estado poco racional en el que nos hemos movido en el pasado. El recorrido entre estos tres momentos, no obstante, se piensa como un tránsito normal que no altera en mayor medida a los hombres, ser racional está en su condición y, por lo tanto, es fácil llegar a la racionalidad completa. Entre el pasado, el presente y el futuro hay un curso normal, habitual que la filosofía no hace sino explicar, clarificar, sin cuestionar y mucho menos intentar romperlo.

Hasta en el tiempo es visible la conformidad que la filosofía asume con el sentido común, no lo cuestiona, no lo pone en crisis ni mucho menos se separa de él. En ese sentido Deleuze apostará por una filosofía que se desvincule del tiempo habitual y de lugar a un tiempo propio; no susceptible de ser experimentado por el sentido común.

Imagen clásica del pensamiento y moral

Cuando Nietzsche se interroga sobre los presupuestos más generales de la filosofía, dice que son esencialmente morales; pues sólo la moral es capaz de persuadirnos de que el pensamiento tiene una buena naturaleza y el pensador una buena voluntad; y sólo el bien puede fundar la supuesta afinidad del pensamiento con lo verdadero. En efecto, ¿qué otra cosa que no sea la moral y ese bien que consagre el pensamiento a lo verdadero y lo verdadero al pensamiento? (Ibíd: 205).

El pensamiento concebido como una facultad natural dotado para lo verdadero y en afinidad con lo verdadero, se muestra bajo un doble aspecto: *una buena voluntad del pensador y una recta naturaleza del pensamiento* (Ibíd: 204). La pregunta inmediata es: ¿de dónde obtenemos la seguridad de la “buena voluntad” y de la “recta naturaleza del pensamiento”? Para esto no existe fundamento otro, que la moral.

El problema es añejo, tiene sus orígenes con la filosofía misma, y sobre todo, con una cierta actitud de preferencia por la forma sobre lo informe característico de los griegos. No debemos olvidar que en las diversas filosofías al mismo tiempo que nos

muestran la grandeza del esfuerzo de pensar de un filósofo, suelen mostrarnos sus más grandes temores y sus menos conocidas miserias. La cobardía, la crueldad, la bajeza, la necesidad no son simplemente potencias corporales o hechos de carácter y sociales, sino estructuras del pensamiento como tal (Ibíd: 232). Si a algo le tenían horror, los griegos, era precisamente a la posibilidad de un universo caótico. De ahí la aversión que mostraron a una teoría que postulaba el *apeiron* (*lo indeterminado*) como principio. Tanto fue su temor ante esta posibilidad que, en no pocos casos, colocaron algo superior al Ser. El Ser, en todo su esplendor, es siempre un espectáculo terrorífico. Atemorizados ante esta presencia desbordante se vieron impulsados a imponer una forma, un orden a este espectáculo. Este orden sólo puede pensarse bajo una estructura moral que determina lo bueno y lo malo, lo mejor y lo peor. “Porque la moral implica siempre algo superior al Ser. Lo que hay superior al Ser es algo que juega el papel de lo Uno, del Bien; es lo Uno superior al Ser. En efecto, la moral es la empresa de juzgar no sólo todo lo que es, sino al Ser mismo. Ahora bien, sólo se puede juzgar al Ser a nombre de una instancia superior a él” (Deleuze, 2004: 46).

En el momento que se postula una instancia superior al Ser, se crean, inevitablemente, las condiciones para establecer el tribunal mediante el cual ha de ser juzgado cualquier ámbito del mismo. El tribunal de la filosofía crítica efectuado por Kant no es sino una de las posibles derivaciones, ni tan siquiera la más importante, de la imagen moral del pensamiento. La imagen moral del pensamiento instaura desde siempre un tribunal que juzga no tan sólo el conocimiento sobre el ser, aún cuanto éste se nos presente sólo como fenómeno como Kant lo pensó, sino propiamente las diversas manifestaciones del ser mismo. *El Ser, en el hecho mismo de ser no es lo más significativo*; el Ser adquiere significación cuando responde a las leyes impuestas desde el terror ante lo informe, cuando responde al orden establecido por el pensador; Parménides destaca por su miedo ante el espectáculo del Ser en todas sus posibles manifestaciones, en el vértigo que provocan sus más dispares efectuaciones, sus más cambiantes transformaciones. Impulsado por el horror, por el terror causado por estas manifestaciones se aleja de este mundo caótico para refugiarse en la tranquilidad de lo abstracto. El Ser es idéntico, eterno y perfecto. Categorías morales que están por encima del ser mismo; que permiten distinguir entre un *verdadero ser* y un *falso ser*; *apariencia de ser*. Y si la exacerbada moralización del Ser efectuada por Parménides no fuera suficiente tenemos el complemento en Platón. Si Parménides distinguía entre el ser y el no ser de manera tajante, Platón introduce unos intermediarios que facilitan la comunicación del ser auténtico al casi-ser; en su ya conocida estructuración de los diversos grados del ser, encontramos sus intermediarios: el bien como donador del ser, las Ideas, los entes matemáticos, las cosas y las sombras de las cosas. El bien como donador de ser está por encima de éste; lo califica y lo determina; lo restringe a una determinada región.

La imagen moral del pensamiento establece, de esta modo, una pluralización del ser, no hay sólo un ser, sino una variedad de seres. No obstante esta pluralización de los seres, que a primera vista podría pensarse idónea, resulta en realidad perjudicial. La pluralización de los seres tiene como único objetivo establecer una serie de grados distintivos entre ellos: el bien es lo supremo, lo más elevado, inclusive por encima del ser, en un grado inmediato inferior están las Ideas, que bajo ninguna circunstancia deben confundirse con el bien. Posteriormente, en otro grado de inferioridad están los entes ma-

temáticos y así continuamos descendiendo hasta llegar a los casi-seres que por ello mismo poseen el ser en un ínfimo grado. Tan importante es esta distinción dentro del platonismo que la actividad filosófica no consiste en otra cosa que en la elevación paulatina del grado más ínfimo hasta llegar al grado sumo: el bien. El camino ascendente, en los grados del ser, debe ir conformando la mentalidad del pensador en tal forma que éste no se sienta tentado a retornar al grado inferior, si así lo intenta, es muestra irrefutable de su mala formación. Las páginas dedicadas por Heidegger a la *Teoría platónica de la verdad* muestran con toda claridad este rasgo intrínseco del platonismo.

Aunado a lo anterior, inmediatamente introduce una esencia para cada ser y un valor para juzgarlos. Cada uno de los diversos seres que se dan tiene una esencia a la cual responder, a la cual actualizar. La esencia del hombre es ser razonable, dice Aristóteles, todo hombre que efectúa su ser razonable es un hombre bueno, quien, por el contrario, no la efectúa es un ser malo. Esencia y valor se implican de forma recíproca. La esencia permite valorar a los seres; valorando los seres se determina si han cumplido su esencia. Por ello la consecución de la esencia se muestra como lo que más valor tiene. La realización de la esencia determina primeramente lo más valioso y en segundo lugar lo que más vale en virtud de haber logrado su esencia. En otras palabras, no hay cosa más importante, más valiosa que lograr efectuar nuestra esencia y una vez que lo logramos somos más valiosos que aquellos que no lo han realizado. El recurso al castigo no es exclusivo ni de un filósofo ni de una época, ha estado presente de manera constante en las diversas épocas de la filosofía. “Desde el libro X de la *República*, hasta la moral kantiana. Podemos decir que la consumación del mundo moral es Kant; es allí donde una esencia humana supuesta se toma por un fin, en una especie de acto puro” (Ibíd: 48) e inclusive en épocas más recientes. Su fórmula es muy precisa: cuando un ser no realiza su esencia entonces está condenado a vivir en la ignominia. Quizá la imagen más precisa de esta imagen moral del pensamiento nos la da el cristianismo en su muy particular mezcla de filosofía y religión. La esencia es pensada, por cierto, como general para todos; estamos obligados a llegar a ser razonables dentro de una determinación precisa. El loco, el irracional, el apetitivo, etc., son individuos alejados de su esencia; su existencia como tal carece de valor alguno, deben ser exterminados, encerrados y si es posible exterminados.

Toda filosofía que apela a la esencia y al valor establece simultáneamente una **jerarquía** entre los seres, entre los existentes. Hay una jerarquía que mide a los seres según sus límites y según su grado de proximidad o alejamiento con respecto a un principio (Deleuze, 2002: 74). Por encima del ser está lo Uno; ¡todo el trabajo de Platón en el *Parménides*! Esfuerzo descomunal para establecer la primacía de lo Uno sobre el Ser, después las Ideas, los entes matemáticos, las cosas y en última instancia las sombras; jerarquía imposible de destruir, jerarquía que determina las más grandes violencias. “Las filosofías de lo Uno implican fundamentalmente una jerarquía de los existentes; de ahí el principio de consecuencia, de ahí el principio de emanación. Entonces, el problema del Estado lo encontrarán al nivel de la siguiente cuestión: la institución de una jerarquía política” (Deleuze, 2004: 56).

Basta pensar con detenimiento la estructura de gobierno planteada en la *República* ¡Cuánta violencia encierra! La expulsión de los poetas es, visto con serenidad, el gesto menos violento que la *República* encierra. ¡Correr a los que destruyen la concepción teórica que se intenta imponer es una cuestión benévola! Pensemos, un solo instante, en los

que se quedan y deben someterse a la jerarquía establecida. Para hacerlos comprender su lugar nunca será suficiente la violencia del discurso persuasivo, aun cuando éste se realice desde la razón. Para hacerlos aceptar su lugar en la jerarquía hará falta mucho de violencia física; mucha sangre derramada. Muchos golpes que deberán asentarse desde la más tierna de las infancias para que queden marcados con tinta indeleble y, ser continuados durante todo el desarrollo del hombre a fin de lograr un único objetivo; ser razonable como su esencia lo determina. Extraña cualidad de nuestra esencia; debemos ser razonables para aceptar lo irracional del lugar que estamos destinados a ocupar. Qué decir del cristianismo, ¡cuánta violencia en una jerarquía razonablemente efectuada!

Que lo Uno es más importante que el ser o que el ser solo es valioso cuando responde a las exigencias de lo Uno es llevado al extremo en Hegel. Filosofía como actividad narcisista del Uno Ser. Si alguna importancia tienen las diversas figuras de la consciencia, que recorre el Espíritu en su camino hasta el Espíritu Absoluto, sólo la adquieren en función de ese juego frío y cruel que implica la contemplación y la consecución del Ser –Uno. Todo lo demás es pura y llanamente insignificancia, el Uno-ser ha de desarrollarse independiente de cualquier contingencia que en nada lo afecta.

La imagen moral del pensamiento, en su forma más definitiva, tiene un desarrollo complementario en tres filósofos: Parménides, Platón y Aristóteles. El primero postuló las categorías de lo *eterno, inmóvil, perfecto y de la forma*; el segundo *diversificó al ser y planteó con toda rigurosidad la esencia* como categoría propia de cada ser al mismo tiempo que culminó la preeminencia del *Bien sobre el Ser*; el tercero desarrolló las categorías de *potencia y acto* sometidas a la *esencia*. De esta forma la imagen moral se imponía definitivamente al pensamiento filosófico, al grado tal, que los demás desarrollos filosóficos nunca rompieron con ella.

Las categorías de acto y potencia desarrolladas por Aristóteles culminan de forma definitiva el sometimiento del pensamiento a la imagen moral. Con una brillante argumentación lógica este pensador determina la anterioridad de la esencia respecto a la existencia. Podemos pensar una esencia sin existencia, pero no una existencia sin esencia; dogma cumbre de la metafísica clásica. La época medieval desarrollara sutiles trabajos en torno a él. De esta forma toda existencia queda sometida a su esencia que deberá cumplir a cabalidad para ser considerada digna de valor. Una semilla tiene en potencia lo que la planta será; un hombre al nacer tiene en potencia la capacidad de ser razonable, etc. Pero la esencia de la planta se enmarca dentro de lo que todas las plantas deben ser; la esencia es general; ser razonable le pertenece en potencia a todo hombre; no hay espacio para la singularidad. Todos debemos ser igualmente razonables, aceptar las mismas leyes, los mismos cauces, etc. *La potencia como categoría es una categoría huera*. No produce nada, no potencia nada. Instrumento servil que cumple la función de vehículo para que la anterioridad de la esencia pueda en la existencia del objeto o sujeto actualizarse. Tener algo en potencia quiere decir estar en conformidad con lo que desde siempre estamos destinados a ser. La existencia es accidental en el pleno sentido de la terminología aristotélica. Siguiendo a Platón, Aristóteles da mayor relevancia a la esencia que a la existencia. Le resulta imposible pensar una existencia que no tenga una esencia general; igual a todos los otros objetos; un objeto que tenga por su existencia una esencia singular, no equiparable con ningún otro objeto. El objeto o el sujeto al estar en acto no actualizan otra cosa que lo que tenían que actualizar por mandato. El acto no es realmen-

te acto sino mero *mandato*. Ejercicio ruin de reproducción de lo mismo, lo desde siempre asignado, determinado, a lo cual no podemos escapar. Y si bien puede pensarse que el atractivo de la imagen moral consiste en vencer la gran cantidad de obstáculos que nos impiden llegar al logro de nuestra esencia, esto no es sino una imagen despectiva de la existencia y su capacidad de actualizarse sin remisión a esencia anterior alguna.

Gilles Deleuze realiza un seguimiento extraordinario del derecho natural clásico basado todo él en la categoría de esencia: “La teoría del derecho natural ha sido la colección de la mayor parte de las tradiciones de la antigüedad y el punto de confrontación del cristianismo con dichas tradiciones. Para esta concepción clásica del derecho natural hay dos nombres importantes: de una parte Cicerón, que recoge en la antigüedad todas las tradiciones –platónica, aristotélica y estoica - sobre el sujeto. Hay una especie de presentación del derecho natural en la antigüedad que tendrá una gran importancia. Es de Cicerón de quien los filósofos y los juristas cristianos tomarán, o harán esta especie de adaptación del derecho natural al cristianismo, principalmente en santo Tomás. Entonces, tenemos una especie de línea histórica que puedo llamar, por comodidad, la línea del derecho natural clásico antigüedad-cristianismo” (Ibíd: 33).

Las diversas filosofías desarrolladas durante este largo lapso de tiempo, se emparientan debido a la forma como postulan el derecho natural que cada cosa o sujeto tiene de llegar a ser de acuerdo a su esencia. Todo objeto o sujeto tiene en potencia una esencia que debe, ante todo, actualizar: en toda esta concepción, lo que constituye el derecho natural es lo que es conforme a la **esencia** (Ibíd: 33).

Cuatro son las proposiciones básicas del derecho natural que Deleuze examina, pues considera, determinan esta concepción: “Primera proposición: una cosa se define por su esencia. El derecho natural es, entonces, lo que es conforme a la esencia de algo” (Ibíd:33). Nuestro derecho natural nos determina exclusivamente a lo que por esencia podemos ser. Cuando no actualizamos esta esencia no ejercemos este derecho natural y nuestra esencia queda en potencia. Por ello, en el caso del sujeto, se hace necesaria la educación que fomente y permita el logro de la esencia. Sin esta educación es difícil completarla; de ahí el papel que el filósofo asume como maestro, como guía de todos aquellos que por su solo esfuerzo no podrán actualizar su esencia. Se explica entonces con facilidad la manía, repetidamente explotada, de trazar caminos, de crear método, de determinar sendas que puedan transitar los otros sin temor a equivocarse. La esencia determina todo lo que el sujeto puede llegar a ser. Cualquier fenómeno que no concuerde con la esencia es considerado accidental o malformación. Lo accidental siempre carecerá de importancia y si lo malformado llega a adquirir alguna sólo lo es en función de su inadecuación a la esencia, en cuanto representa la posibilidad de ruptura de la esencia y las consecuencias que trae. La filosofía, la ciencia, etc., aspiran siempre a ser conocimiento de la esencia en el objeto y en el sujeto. Lo esencial es lo fundamental tanto en el sentido de lo que debemos ser como en el sentido de lo que debemos conocer.

Segunda proposición: “el derecho natural no puede remitir –y esto es muy fuerte en la mayor parte de los autores de la antigüedad- a un estado que se supondría precede a la sociedad” (Ibíd: 33). Al ser la esencia anterior a la existencia, desde antes de llegar a la existencia el objeto o el sujeto está determinado a existir de acuerdo a su esencia. Según Deleuze, el estado de naturaleza es el estado conforme a la esencia en una buena sociedad. La esencia anterior a la existencia no sólo determina la existencia del sujeto u objeto

sino que también determina, en el caso del hombre, el tipo de sociedad que permitiría el buen logro de su esencia. Una buena sociedad será aquella en la cual nuestra esencia encuentre las mejores condiciones para realizarse; una buena sociedad es aquella que permite el desarrollo pleno de nuestro ser razonable. Cuando la sociedad no fomenta las condiciones para permitir la plena actualización de nuestra esencia es considerada mala. La moral juzga con anterioridad todo tipo de sociedad que pueda tener existencia de acuerdo a las posibilidades que dé para el logro pleno de nuestra esencia. Irremediablemente estamos sometidos, por lo que se considera nuestra esencia, al tipo de sociedad que ella permite y sólo es una la sociedad capaz de permitir el logro pleno de nuestra esencia. De una vez y para siempre; desde el origen y hasta el final lo determina la esencia. La existencia de diversos tipos de sociedad es la muestra más patente de que no se ha logrado nuestra esencia, pero no por ello ésta deja de ser lo primero, lo primordial.

Tercera proposición: lo primero es el deber. Sólo tenemos derechos en tanto que tenemos deberes. La categoría del *deber* genera una doble implicación. Primeramente, la sociedad tiene el deber, respecto al sujeto, de generar las condiciones más propicias para que su esencia se logre lo mejor posible; debe ser una buena sociedad. Consecuentemente, el sujeto, adquiere por derecho natural el deber de llevar a buen logro su esencia; tenemos el derecho (deber) de actualizar lo mejor posible nuestra esencia e, inevitablemente, adquirimos deberes respecto a la sociedad. Si la sociedad nos da las condiciones idóneas para el buen logro de nuestra esencia lo menos que debemos hacer es corresponder a ella sometiéndonos. El sujeto queda maniatado doblemente en función de su esencia. El deber, categoría paradójica que obliga a la sociedad respecto al buen logro del sujeto sólo para someterlo de forma más contundente con ésta. El deber se impone como el medio en donde encuentra tierra fértil el sometimiento del sujeto. Nuestro deber es uno respecto a nuestra esencia, ningún hombre tiene tarea más importante que lograr la plena consecución de su esencia.

Cuarta proposición: implica una regla práctica que tendrá una gran importancia política. Podríamos resumirla bajo el título <<la competencia del sabio>>. ¿Quién es el sabio? Es aquel que es singularmente competente en las búsquedas que conciernen a la esencia, y todo lo que eso implica. El sabio es el que sabe qué es la esencia. Entonces hay un principio de competencia del sabio, porque él nos dirá cuál es nuestra esencia, cual es la mejor sociedad —es decir la sociedad más apta para realizar la esencia— y cuáles son nuestros deberes funcionales, nuestros *officia* —es decir bajo que condiciones podemos realizar nuestra esencia... Todo esto es competencia del sabio. Y a la pregunta ¿que pretende el sabio clásico?, hay que responder que el sabio clásico pretende determinar cuál es la esencia, y entonces deriva de allí todo tipo de tareas prácticas. De ahí la pretensión política del sabio (Ibíd: 34).

La filosofía política de cualquier pensador, en el esquema clásico, se determina desde la parte ontológica y no es una cuestión independiente. Sólo después de haber planteado su concepción del Ser, de determinar en forma precisa la ontología se puede pasar a la filosofía política, pues esta no es otra cosa que lo ontológico llevado a lo político. Pero como lo ontológico precede a lo político el sabio debe, primeramente, ser lo suficientemente competente en el conocimiento de la esencia. Proponer una forma de gobierno, una jerarquía política es posible, únicamente, desde el conocimiento de la esencia. El ejemplo más representativo es, sin duda alguna, Platón; la *República* es,

ciertamente un texto de filosofía política, pero sólo adquiere ese estatus en virtud de la parte ontológica que le da sustento y que permite la postulación de una forma de gobierno.

La búsqueda platónica de la verdad, en todos sus diálogos, inicia con la pregunta: ¿qué es? ¿Qué es la verdad?, ¿qué es la justicia?, ¿qué es la piedad?, etc. La pregunta, pregunta por la esencia. Platón busca la esencia de aquello que busca. Y como la esencia no puede encontrarse en lo accidental de ninguna existencia de forma plena, el único camino que queda es dirigirse hacia lo esencial en su estado puro, a la Idea. Debemos buscar el conocimiento de la esencia en su estado puro, en la plenitud del Ser, en su Eternidad, en su Perfección, etc. ¡El mito de la caverna! Imagen siempre reiterada de una búsqueda nunca completada del todo. El filósofo debe abandonar el engaño de la sombra de los objetos, el engaño de los objetos, de los entes matemáticos hasta llegar a la contemplación del Bien. Sólo después de la contemplación del Bien puede retornar a planificar la Ciudad-Estado. Si los otros legisladores han fracasado sólo puede explicarse en función de no haber realizado el camino correcto; del conocimiento de la esencia a la planificación y no al contrario. Quienes proceden de forma inversa están irremediablemente condenados al fracaso. Es el conocimiento de la esencia lo que permite a Platón determinar las diversas tareas prácticas que cada individuo habrá de realizar dentro de la Ciudad-Estado: filósofo rey, guardián o artesano. El filósofo asume de manera decidida el papel de guiar a los que nunca podrán acceder al conocimiento de la esencia, pero, sin embargo, estarán obligados a obedecerla. Filosofía del rebaño decía Nietzsche.

De esta forma las categorías morales determinan al Ser, en función de su sometimiento a lo Uno; a los seres, en función del logro de su esencia; al filósofo, en función del conocimiento de la esencia; a la sociedad, en función de ser buena o mala para la plena consecución de la esencia del hombre; al hombre en función del logro de su esencia y de su sometimiento a la sociedad efectuada de acuerdo al conocimiento de la esencia. Prodigiosa moral que todo lo puede.

Bibliografía

1. Gilles, Deleuze. (2002). *Diferencia y repetición*. Buenos Aires, Amorrortu;
2. Gilles, Deleuze. (2004). *En medio de Spinoza*. Buenos Aires, Cactus;
3. Gilles, Deleuze. (2005). *La isla desierta y otros textos. Textos y entrevistas (1953-1974)*. Valencia, Pre-Textos.

ОСЕННЯЯ СЕССИЯ ФУМО «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

24 ноября в МГИМО прошла осенняя сессия Федерального учебно-методического объединения укрупненной группы направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение».

В пленарном заседании приняли участие министр образования и науки России О.Васильева, руководитель Департамента государственной политики в сфере высшего образования А.Соболев, ректор МГИМО А.Торкунов, видные российские и иностранные ученые. Сессия ФУМО стала востребованной площадкой и для широкой университетской общественности, объединив около 350 представителей из 76 вузов.

Участникам сессии ФУМО направил приветствие в формате правительственной телеграммы первый заместитель руководителя Администрации президента РФ С.Кириенко. В телеграмме говорилось, что, объединяя ведущих специалистов-политологов и регионоведов России, ФУМО и РАПН вносят существенный вклад в развитие российской науки. Особое значение имеют масштабные публикации РАПН, которые продолжают традиции отечественной общественно-политической мысли. С.Кириенко выразил уверенность в том, что насыщенная работа ФУМО и конференции РАПН на пленарных заседаниях, секциях и круглых столах позволит охватить широкий круг наиболее актуальных вопросов и будет способствовать дальнейшему развитию политической науки и политологического образования в России.

Открыла пленарное заседание председатель ФУМО, президент РАПН О.Гаман-Голутвина. В своем вступительном слове она обозначила ключевые вопросы подготовки по профилю специальностей ФУМО, особо отметив значимость актуализации методического каркаса образования. Важнейшей миссией корпуса социо-гуманитарного знания выступает не только создание контента, но и формирование адекватного по своим качествам субъекта работы с социально-политической реальностью. На этом фоне миссия ФУМО — не просто осуществление содержательного мониторинга состояния профильных дисциплин в режиме тонометра, но выполнение функции источника интеллектуального тока высокого напряжения, способного содержательно коррелировать учебный процесс с нелинейной динамикой развития сложных систем.

С развернутым докладом о приоритетах и векторах развития высшей школы выступила министр образования и науки РФ О.Васильева, которая осветила насущные сюжеты российского образования. Министр начала свое выступление с освещения корреляции отношений рынок-образование. В настоящее время Министерством ведется работа по приведению в соответствие номенклатуры специальностей реальным потребностям экономики и императивам общественного развития. На протяжении длительного времени превалировал тренд, согласно которому задача высшей школы — максимально подстраиваться под текущие потребности

рынка труда. Однако, по мнению министра, наша задача более стратегическая – формировать этот рынок труда согласно приоритетам государственной политики, поддерживая те специальности, которые будут востребованы через 5, 10, 15 лет. Т.е. высшая школа должна проактивно задавать тренды поступательного развития общества, а не только реактивно реагировать на его запросы. Особая роль в решении этой задачи принадлежит общественным наукам. Отдельно О.Васильева остановилась на формировании модели подготовки международных и политологов в русле тех вызовов, которые стоят сегодня перед РФ на международной арене. Будущие специалисты должны быть готовы к профессиональной деятельности в системе МИД России, международных департаментах федеральных министерств и ведомств, государственных корпораций для обеспечения наиболее выгодных условий интеграции РФ в мировую экономику. В этом смысле свою актуальность сохраняет задача усиления практической ориентированности подготовки международных и политологов. Помимо практико-ориентированности подготовка по направлениям ФУМО 41.00.00 должна включать такие требования как актуальность, инновационность, эффективность — как по линии содержания, так и в плане приобретаемых студентами навыков и компетенций. Для магистерской подготовки особую ценность приобретает проблемное обучение и личностно-ориентированные педагогические методики. Особый фокус был сделан на воспитательной функции университетов, задача которых формировать не только высоких профессионалов, но и достойных граждан своей страны. Ключевой постулат, озвученный министром, — качественное обучение без воспитания невозможно! О.Васильева также обратила внимание на комплексную по своему характеру задачу повышения у вчерашних школьников и будущих студентов профильной мотивации при определении профессии. Министр разделяет положение, что гуманитарные вузы готовят специалистов широкого профиля, которые могут работать в разнообразном диапазоне специальностей без «переобучения». Однако она убеждена, что вернуть ориентацию на избираемую профессию необходимо. Отдельной темой для обсуждения стала проблематика обеспечения качества образования, которое до сих пор крайне неоднородно. В условиях, когда выпускник с дипломом о высшем образовании далеко не всегда является носителем адекватных знаний, вузы должны переориентироваться на обеспечение образовательного превосходства. Министерство крайне осторожно относится к процессу реорганизации и слиянию вузов, который должен исходить из соображений целесообразности и желания самих вузов. Для повышения качества образования более активно стали использоваться механизмы профессиональной аккредитации образовательных программ. В заключение О.Васильева отметила, что наша задача сохранить и преумножить то лучшее, что есть в российской системе образования на том коротком участке пути в несколько десятилетий, который выпал на жизнь нашего поколения. В этом смысле широкие образовательные инициативы должны проходить через фильтр обсуждения и согласования профессиональной университетской общественности, прежде всего на площадках ФУМО.

Более подробную картину деятельности ФУМО осветил директор Департамента государственной политики в сфере высшего образования А.Соболев. В своем выступлении он акцентировал внимание на серьезной проблеме, с которой

столкнулось ФУМО в своей работе: как модифицировать образовательные стандарты таким образом, чтобы не парализовать работу образовательной системы. Директор департамента обозначил ключевые принципы разработки и реализации ФГОС ВО 3++, подробно описал структуру ФГОС и формат ПООП, а также определил точки сопряжения проектов ФГОС 3++ с профессиональными стандартами. В целом, ключевыми положениями доклада А.Соболева выступили следующие сюжеты: модификация существующих стандартов вместо создания новых; профессиональные стандарты как приложение к образовательным и внесение изменений в их содержание без изменения самого образовательного стандарта; введение актуализированных стандартов с 2018 г.; примерная образовательная программа как неотъемлемое и комплексное приложение к стандарту.

Ректор МГИМО А.Торкунов в своем выступлении обобщил опыт работы прежнего УМО, отметив, что новый — федеральный — статус площадки расширяет традиционный спектр повестки УМО и дает возможность сконцентрироваться на новых сюжетах, которые волнуют университетскую общественность. Так, он подробно остановился на вопросах сопряжения средней и высшей школы, с особым фокусом на проблематику социо-гуманитарного образования. Ректор отметил, что взаимодействие средней и высшей школы — это сложный и многоплановый процесс, для активизации которого сделано уже немало. В частности, Минобрнауки уделяет большое внимание школьному образованию, но уровень подготовки школьников стремительно снижается. Университет, в свою очередь, вынужден «латать дыры в школьном образовании». Отдельное внимание ректор уделил причинам, по которым возникают пробелы в среднем образовании, а также олимпиадному движению. По его словам, уровень знаний победителей и призеров олимпиад, выраженный в формате баллов ЕГЭ, не соответствует почетному званию дипломанта такого престижного конкурса, как Всероссийская олимпиада школьников. Закончил свое выступление А.Торкунов призывом ко всем собравшимся представителям вузов-членов ФУМО заниматься проблемой трансформации организации вузовского образования: «Необходимо вернуться к пониманию вуза как центра академического знания и воспитания».

Программа пленарного заседания была чрезвычайно плотной и насыщенной и в плане научных докладов. В докладе ректора БФУ им. И.Канта А.Клемешева шла речь о модели подготовки политолога во всем спектре аспектов этого процесса. Профессор А.Мельвиль затронул обширную тему методологических вызовов, стоящих перед современной политической наукой. По мнению докладчика, наиболее серьезным вызовом является современная необходимость избежать идеологического крена в политических исследованиях. А.Громько осветил многообразные последствия Brexit для Европейского Союза. На пленарном заседании были представлены обстоятельные и богатые актуальной и детальной информацией доклады академиков РАН В.Барановского, В.Наумкина, С.Рогова, в которых авторы провели глубокий анализ различных аспектов текущих мирополитических процессов. В докладе В.Барановского был дан широкоформатный подробный анализ трансформации системы международных отношений и доминирующих трендов этих процессов; выделены и идентифицированы наиболее влиятельные акторы сегодняшнего и завтрашнего дня, также возможности их текущих и перспективных

коалиций. В.Наумкин представил оригинальный взгляд на то, как артикулируется ближневосточная политика в категориях и терминах символической политики — начиная от целенаправленно сконструированных и аксиологически нагруженных понятий и имиджей и до создания полномасштабных, но виртуальных картин реальности. С.Рогов представил блестящий анализ хода и результатов президентских выборов в США, причем этот анализ был не только исключительно глубоким по содержанию, но также изящным и элегантным по форме.

Учитывая тот факт, что в работе ФУМО принимали участие представители 12 стран, на пленарном заседании прозвучали также доклады зарубежных участников. Президент Международной ассоциации политической науки профессор И.Туран (Турция), обладающий огромным опытом преподавания политологии и международных отношений, проанализировал то, как осуществляется преподавание данных дисциплин в различных странах. Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в учреждениях ООН в Вене А.Солтание, возглавлявший делегацию этой страны на переговорах по Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний, представил насыщенный информацией и примерами доклад о том, как формируются и продвигаются переговорные позиции на сложных международных форумах.

Работа ФУМО была продолжена в формате учебно-методических секций по 6 направлениям подготовки.

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СТРАТЕГИЯ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ

25–26 ноября 2016 г. в стенах Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы».

Конференция была организована Российской ассоциацией политической науки совместно с Институтом общественных наук РАНХиГС и Академией политической науки при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова, АНО «Центр общественно-политических проектов и коммуникаций», а также научных журналов «Полис. Политические исследования», «Власть», «Политическая наука», «Сравнительная политика».

Мероприятие открыла президент РАПН, доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО Гаман-Голутвина О.В., выступившая с докладом об особенностях политики и политической науки в процессе их движения от параллельной реальности к сотрудничеству. Особое внимание на пленарном заседании докладчики уделили результатам выборов в Госдуму седьмого созыва. О развитии партийно-политической системы в России после выборов рассказал Морозов О.В., член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, научный руководитель Учебно-научного центра государственного строительства и подготовки управленческих кадров МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук. Политико-психологический анализ российского общества между парламентскими и президентскими выборами провела Шестопал Е.Б., заведующая кафедрой социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Мотивацию электорального поведения на выборах в Госдуму рассмотрела в своем докладе Попова О.В., заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, доктор политических наук, профессор. Ценностные основания проектирования отечественной политики стали предметом внимания Митрохиной Т.Н., профессора кафедры истории, философии и политологии Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. Плеханова, доктора политических наук.

Международные вопросы были освещены приглашенными зарубежными учеными и экспертами. Современное состояние мировой политической науки оценил Президент Международной ассоциации политической науки Туран Ильтер. О проблемах проведения независимой политики в условиях внешних санкций рассказал Солтание Али Асгар, Чрезвычайный и полномочный Посол, советник вице-президента Ирана. Бест Хайнрих, председатель Исследовательского комитета «Политические элиты» Международной ассоциации политической науки (Германия, Университет Йены) представил доклад на тему «Национальные идентичности: взгляд на Центральную и Восточную Европу». В свою очередь ЧжанЦзяньжун, заместитель директора Центра по изучению России и Центральной Азии Шанхай-

ской академии общественных наук (КНР), уделил вниманию новому геополитическому фактору, которым, по его мнению, является современный проект воссоздания Шелкового пути.

В конференции приняли участие более трехсот участников, проведено большое количество заседаний: 28 – по основным темам конференции, 27 – исследовательских комитетов РАПН, 4 круглых стола, заседания Президиума Академии политической науки, Совета молодых политологов, а также специальное мероприятие, посвященное публичной дипломатии в мировой практике.

Особенным событием в этом году стала отчетно-выборная конференция, проведенная Российской ассоциацией политической науки. Членам Ассоциации предоставлен подробный отчет о ее работе за трехлетний период. Более 130 страниц посвящены раскрытию всех сторон деятельности руководящих органов, исследовательских комитетов, региональных отделений, Совета молодых политологов.

На конференции выступили с отчетом о своей деятельности Президент РАПН, Председатели Правления и Научного совета, члены Ревизионной комиссии. По итогам конкурса научных работ РАПН награждены победители, которыми стали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Екатеринбурга, Казани, Перми, Тамбова. Дипломом первой степени была награждена серия книг из 5 томов «Российская политическая наука: истоки и перспективы» под общей редакцией О.В.Гаман-Голутвиной, опубликованной в 2015 г. издательством «Аспект Пресс» (Москва).

Делегаты оценили высокий уровень управления организацией, выразили безусловную поддержку ее руководству и высказались за сохранение нынешнего курса развития. Участники конференции проголосовали за утверждение новой редакции Устава РАПН, численности и состава рабочих и руководящих органов. В результате единогласно принято решение переизбрать на новый срок Президента РАПН Гаман-Голутвину О.В. Вице-президентами РАПН избраны Клемешев А.П., Кочетков А.П., Нечаев В.Д., Сморгунев Л.В., Сорокин А.К., Сунгуров А.Ю., Тимофеева Л.Н. Сформирован новый состав Правления РАПН. Важной особенностью выборов Правления Ассоциации стало омоложение состава и большее привлечение представителей региональных отделений.

АВТОРЫ

Артемов Антон Викторович – начальник отдела экспертно-аналитической работы Управления общественных связей Правительства Челябинской области (Челябинск).

Artemov Anton Victorovich – Department of Public Relations, Government of Chelyabinsk Region (Chelyabinsk).

artyomow@gmail.com

Балакин Виктор Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Balakin Viktor Sergeevich – historical studies PhD, professor of the historical department, South Ural State University (Chelyabinsk).

balakinvs@susu.ac.ru

Бойко Татьяна Евгеньевна – студент магистратуры направления подготовки «Международные отношения», Российский Государственный Социальный университет (Москва).

Boiko Tatyana Evgenievna – postgraduate student, Russian State Social University (Moscow).

boiko.tanya93@mail.ru

Герреро Педро Каналес – маэстро истории, профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико (Мексиканские соединённые штаты, Мехико).

Guerrero Pedro Canales – master of History researcher-professor of Humanitarian faculty of Autonomous university of Mexico' State (United Mexican States, Mexico).

Гиберт Виктория Николаевна – студент, кафедра социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Gibert Viktoria Nickokaevna. – student, South Ural State University (Chelyabinsk).

vikusik333-angel@mail.ru

Гонцов Кирилл Викторович – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург).

Gontsov Kirill –The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg).

kirill.gontsov@gmail.com

Квятковская Елена Игоревна – консультант отдела перспективного планирования Управления пресс-службы и информации Правительства Челябинской области (Челябинск).

Kvyatkovskaya Elena Igorevna – consultant in Department of Press Office and Information, Government of Chelyabinsk Region (Chelyabinsk).

ledajazz@gmail.com

Квятковский Кирилл Олегович – консультант Управления общественных связей Правительства Челябинской области (Челябинск).

Kvyatkovskiy Kirill Olegovich – consultant in Department of Public Relations, Government of Chelyabinsk Region (Chelyabinsk).

kvyatkovsky13@gmail.com

Колчинская Вероника Юлиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Kolchinskaya Vironika Ulievna – sociological studies PhD, docent of the sociology department, South Ural State University (Chelyabinsk).

kolvu@mail.ru

Краснопёров Антон Юрьевич – магистрант, кафедра политологии, Философский факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск).

Krasnopyorov Anton Yurievich – postgraduate student, Department of Political Science, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk).

krasnopyorov.anton@gmail.com

Куренкова Карина Илларионовна – студент, кафедра государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Kurenkova Karina Illarionovna – postgraduate student, Moscow State University (Moscow).

kurenkova.karin@gmail.com

Мирошниченко Мария Ильинична – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Miroshnichenko Maria Ilinichna – candidate of Science (History), associate Professor of Russian and foreign history of South Ural State University (Chelyabinsk).

mmi74@yandex.ru

Очеповский Андрей Игоревич – студент магистратуры, МГИМО (У) МИД РФ (Москва).

Ochepovskii Andrei Igorevich – graduate student, MGIMO (Moscow).

ochepovski@mail.ru

Петрова Т. М. – студент, кафедра истории, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Petrova T.M. – student, historical department, South Ural State University (Chelyabinsk).

Русских Людмила Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Russkikh Ludmila Viktorovna – cultural studies PhD, docent of the sociology department, South Ural State University (Chelyabinsk).

ludmilaruss@mail.ru

АВТОРЫ

Сарагоса Оскар Хуарес – преподаватель-исследователь Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мехико (Мексиканские соединённые штаты, Мехико).

Oscar Juárez Zaragoza – researcher-professor of Humanitarian Faculty of Autonomous University of Mexico State (United Mexican States, Mexico).

Саудабаев Ильдар Александрович – студент, кафедра социологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Saudabaev Ildar Aleksandrovich – student, South Ural State University (Chelyabinsk).
eld_goplit@mail.ru

Толкачев Александр Евгеньевич – студент, Алтайский государственный университет (Барнаул).

Tolkachev Alexander Evgenyevich – student, Altai State University (Barnaul).
alexander1005@mail.ru

Хорин Александр Александрович – начальник отдела интерактивных проектов Управления общественных связей Правительства Челябинской области (Челябинск).

Horin Aleksandr Aleksandrovich – Department of Public Relations, Government of Chelyabinsk Region (Chelyabinsk).
horinalexandr@gmail.com

Широкова Дарья Станиславовна – студент, кафедра истории, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Shirokova Daria Stanislavovna – student, historical department, South Ural State University (Chelyabinsk).
dashaarina1612@mail.ru

Юдина Анна Сергеевна – студент Философского факультета, кафедра Политологии, Томский государственный университет (Томск).

Udina Anna Sergeevna – student of Faculty of Philosophy, Department of Political Science, Tomsk State University (Tomsk).
judinaanja@rambler.ru

Янцевич Г.С. – студент, кафедра истории, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Yantceвич G.S. – student, historical department, South Ural State University (Chelyabinsk).